

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА**

Сборник научных статей

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2024

ISBN 978-985-32-0061-4

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

УДК 81'1:81'25(082)

Актуальные вопросы лингвистики, межкультурной коммуникации и перевода [Электронный ресурс] : сборник научных статей / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол. : Н. А. Сивакова (гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. данные (1,75 МБ). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа: <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.

В сборник вошли статьи, посвященные актуальным проблемам современной лингвистики, вопросам межкультурной коммуникации, проблемам перевода, а также различным аспектам методики преподавания иностранных языков.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам, которые интересуются вопросами лингвистических и межкультурных исследований, новейшими методами и технологиями перевода и обучения иностранным языкам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редакционная коллегия:

Н. А. Сивакова (главный редактор),
Е. А. Чернякова (ответственный секретарь),
Л. И. Богатикова, В. В. Аверьянова

Рецензенты:

кандидат филологических наук И. Н. Пузенко,
кандидат филологических наук О. Н. Чалова

ГГУ имени Ф. Скорины
246028, Гомель, ул. Советская, 104
Тел.: 50-49-03, 51-00-57
<http://www.gsu.by>

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2024

Г. А. Вильданова

СПЕЦИФИКА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ, ОТРАЖАЮЩИХ КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ

В данной статье рассматривается специфика функционирования эвфемизмов, содержащих культурные реалии, значимые для англоязычной культуры. Автор приводит примеры реалий-персоналий и реалий-топонимов в составе англоязычного эвфемистического словаря, анализирует эвфемистический потенциал безэквивалентной лексики и описывает коммуникативные практики значимые для англоязычной культуры. Проведенное исследование выявляет специфику образования эвфемизмов-реалий и демонстрирует ключевые маркеры англоязычной культуры.

Ключевые слова: *эвфемизм, реалия, прецедентный феномен, национальный колорит, рифмованный сленг.*

В рамках данной публикации мы обращаемся к исследованию пласта эвфемистической лексики с яркой национальной спецификой. Думается, что рассмотрение особенностей функционирования подобных эвфемизмов «вскрывает» культурную матрицу – систему «норм, установлений и способов порождения культурных смыслов в коммуникативной практике» [1, с. 4]. Рассматривая эвфемизм как «психологически обоснованную и продуманную речевую стратегию» [2] эффективной коммуникации, мы обнаруживаем ее универсальность в денотативном плане и вариативность в плане языкового выражения. Полагаем, что национальная культура накладывает отпечаток на специфику оформления непрямого речепроизводства и наиболее показательным это отражается в эвфемизмах, содержащих национально-культурный колорит [3]. Подобные эвфемистические образования не только эффективно вуалируют нежелательные смыслы, но и играют роль своеобразных языковых «ключей» к культуре.

В нашей работе мы предпримем попытку выявить и проанализировать некоторые эвфемизмы, содержащие реалии значимые для англоязычной культуры. Заметим, что анализ современных словарей эвфемизмов английского языка обнаруживает незначительное количество эвфемистической лексики с реалиями-компонентами, что объясняется, во-первых, быстрой комбинацией эвфемистической лексики и, во-вторых, неформальным характером подобных лексических единиц и, вследствие этого, ограниченной представленностью в авторитетных словарях. Зачастую подобные эвфемизмы являются прецедентными, то есть содержат отсылку к известным представителям данной культурной группы историческим явлениям, событиям и персоналиям. Очевидно, что ассоциативность реалий, заложенные в них характеристики ложатся в основу метонимического переноса при создании эвфемистической единицы. Обратимся к иллюстративному материалу и рассмотрим какого рода реалии легли в основу не прямых номинаций.

Прежде всего, востребованными реалиями становятся *реалии-персоналии*, в частности литературные персонажи: имена героев произведений англоязычных авторов представляют характеристику (зачастую нелюбимую) и позволяют апеллировать к общему знанию. Так, персонаж романа Д. Дефо «Молль Фландерс» – женщина с «низкой социальной ответственностью» – становится олицетворением падшей женщины и имя Молли подвергается деонимизации, становится именем нарицательным, легко расшифровывается как оценочное носителями английского языка. Не менее продуктивными в плане эвфемизации становятся имена реальных людей, например, в викторианской Англии неприлично было говорить о вшах, клопах и когда Джошуа Баг (Bug) поменял свою неблагозвучную фамилию на Norfolk-Howard, он, к несчастью, обнаружил, что способствовал созданию нового эвфемизма – Norfolk-Howards – и теперь его фамилия активно используется лондонцами для обозначения отвратительного насекомого [4].

Особого внимания заслуживают *реалии-топонимы* в составе эвфемистических единиц. Их упоминание – отсылка к особенностям местности или ситуации, связанной с данной локацией. К примеру, «пожениться в Финглшемской церкви» (to be married at Finglesham church), то есть «иметь внебрачную связь», так как в Фингсхеме не было церкви и влюбленные встречались в меловом карьере. Близкое значение имеет и эвфемизм «ходить в поход по Аппалачской тропе» (hiking the Appalachian trail) – отсылка к любовным похождениям губернатора Южной Каролины, который свое длительное отсутствие на работе объяснял туристическими вылазками в Аппалачи [5, с. 26].

Некоторые лондонские топонимы, в частности названия улиц, содержат косвенное указание на их «профессиональную специфику». Например, районы улиц Ковент Гарден и Друри Лейн были известны домами терпимости и обилием женщин «древнейшей профессии» (Covent Garden, Drury Lane goddesses). Помимо этого, в поисках любовных утех, можно было «отправиться за женой к собору Святого Павла» (go to Paul's for a wife), так как его окрестности тоже были печально известны как «вместилище порока». Упоминание британского короля или королевы, например, в выражении «наслаждаться гостеприимством королевы» (enjoy her majesty hospitality) на самом деле подразумевало тюремный срок, а отправка преступников в Австралию описывалась как «поездка в Ботанический Залив» (go to the Bay), что на самом деле было каторгой и предвещало суровую и печальную судьбу на незнакомом континенте [6].

Личностные и далеко нелестные характеристики и пороки описываются при помощи эвфемизмов, которые отсылают нас к различным историческим и мифическим персонажам. В частности, беспринципность и трусость описывается как «викарий Брейя» (vicar of Bray), который стал «притчей во языцех» в 16 веке и упоминается до сих пор, так как легко переходил из одной религии в другую, был то католиком, то протестантом, в зависимости от религии правившего монарха [6, с. 427]. Мифический персонаж Дейви Джонс является олицетворением смерти в море, злым морским духом, дьяволом и его упоминание ассоциируется с пиратами и печальной судьбой, например выражение «рундук Дейви Джонса» (Davy Jones locker) подразумевает могилу моряка [6, с. 98].

Национальные стереотипы негативного характера проявляются в эвфемизмах с национальным компонентом, например эвфемистические единицы с компонентом «ирландский»: «ирландская зубная боль» (Irish toothache) – беременность, «ирландское продвижение по службе» (Irish promotion) – урезание заработной платы, «ирландский свидетель» (Irish evidence) – лжесвидетель и т. п. [6, с. 211]. Задиристость и буйный характер шотландцев получает отражение в лексической единице «поцелуй из Глазго» (Glasgow kiss), что на самом деле означает удар головой в драке [6, с. 166].

Отдельного внимания заслуживает британский рифмованный сленг, ярко «мерцающий» национальным колоритом, который часто использует известные персоналии и маскирует всевозможные пороки и физические состояния: алкоголизм – «накапонился» (Al Caponed), образованное в рифму со сленгизмом «пьяный в стельку» (stoned) [7]; заболевание (piles) рифмуется и превращается в топоним «Чалфонт Сент Джайлз» (Chalfonts St Giles) [6, с. 59]. Очевидно, что рифмованный сленг может выступать в качестве тайноречия, его эвфемистический потенциал достаточно высок в силу засекреченности данной лексики для аутсайдеров. В то же время, именно территориальная ограниченность употребления рифмованного сленга сужает сферу его функционирования.

Таким образом, реалии в составе эвфемизмов становятся выразителями национальной культуры, позволяют генерировать уникальные лексические единицы с ярко выраженной культурно-национальной спецификой.

Подытоживая результаты анализа подобранного иллюстративного материала, можно констатировать, что в англоязычной культуре нет определенного набора запретных тем, насыщенных реалиями. Думается, что набор табуируемых понятий достаточно универсален, при этом любая из негативных сем может быть представлена при помощи различных эвфемистических средств. Более интересным представляется набор реалий, задействованных в эвфемизации, так как они демонстрируют явления специфические для данной культуры и участвуют в создании самобытной картины мира исследуемого языкового коллектива. По нашему глубокому убеждению, изучение стилистического потенциала культурно специфической лексики позволяет осветить ключевые аспекты национального быта и традиций.

Список использованной литературы

1. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Москва «Гнозис», 2013. – 320 с.
2. Вильданова, Г. А. Инстинкт эвфемизации / Г. А. Вильданова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3(168). – С. 15–19.
3. Вильданова, Г. А. Национально-культурная специфика непрямого высказывания (на примере американского варианта английского языка) / Г. А. Вильданова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 11(188). – С. 85–89.
4. Вильданова, Г. А. Прецедентные феномены в эвфемизмах / Г. А. Вильданова // Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества: Материалы VI международной научно-практической конференции, Казань, 11 июня 2019 года / Научный редактор Л.А. Малахова. – Казань : Казанский государственный университет культуры и искусств, 2019. – С. 125–127.
5. Keyes R. Euphemania: our love affair with euphemisms / R Keyes. – New York, Hatchette Book Group. - 2010. – 279 p.
6. Holder R. A dictionary of euphemism / R. Holder. - Oxford University Press, 2003. – 500 p.
7. Горшунова, Е. Ю. Рифмованный сленг как средство маскировки алкогольной и наркотической зависимости / Е. Ю. Горшунова, Ю. В. Горшунов // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 1(28). – С. 212–217.

УДК 811.581'37+811.581'35

Н. В. Михалькова

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ГНЕЗД С ДЕТЕРМИНАТИВАМИ-ФИТОНИМАМИ

В статье анализируется структурно-семантическая организация наиболее широких по числу входящих единиц иероглифических гнезд китайского языка с детерминативами-фитонимами 木 'дерево', 竹/𦵏/𦵏 'бамбук' и 艹 'трава'. Разрабатывается единая семантическая матрица построения иероглифических объединений подобного типа, моделируется когнитивная пирамида принципов выбора детерминативов-фитонимов китайского языка.

Ключевые слова: *детерминатив, фитоним, иероглиф, китайский язык, семантическая матрица, иероглифическое гнездо*

Иероглифические гнезда китайского языка, объединяя целый ряд сложносоставных знаков в рамках единого узлового элемента – детерминатива (смыслового компонента) или фонетика (звукового компонента), не раз становились объектом исследований ученых [1–3]. При этом интерес лингвистов привлекал не столько состав подсистемы иероглифов того или иного иероглифического гнезда [4], сколько принципы, по которым они организуются в рамках одной микросистемы знаков. Анализ наиболее крупных работ в данной области [4–6] показал, что в иероглифическое гнездо могут входить самые разные по своим семантическим характеристикам графические обозначения. Однако, каким образом они объединяются и что лежит в основе критериев их вхождения в различные иероглифические гнезда остается наименее исследованной сферой синологии. В данной работе эти задачи решаются на примере самых крупных иероглифических гнезд китайского языка с детерминативами-фитонимами 木 'дерево', 竹/𦵏/𦵏 'бамбук' и 艹 'трава' путем построения семантической матрицы каждого гнезда и моделирования на этой основе когнитивной пирамиды выбора детерминатива-фитонима для сложносоставного китайского иероглифа.

Семантика иероглифов, включающих детерминативы-фитонимы 木 ‘дерево’, 竹/艹/艸 ‘бамбук’ и 艹 ‘трава’, охватывает широкий круг единиц, которые могут быть объединены в подсистемы из множества семантических групп. Относительно детерминатива 木 ‘дерево’ это такие семантические группы, как «Наименования строительных, хозяйственных материалов», «Наименования орудий», «Обозначения изделий из дерева», «Номинации растений», «Номинации лесов и угодий», «Хоронимы и ойконимы», «Лимнонимы и потанонимы», «Наименования зданий и помещений», «Обозначения машин, станков, механизмов и их частей», «Номинации в области искусства, архитектуры и мастерства» и др. [7]. Самой распространённой семантической группой по числу входящих в неё единиц является группа «Номинации растений» (52 % от общего числа знаков с детерминативом 木 ‘дерево’). К данной категории относятся, прежде всего, обозначения различных видов деревьев и кустарников (как гиперонимы, так и гипонимы), например, 李 ‘сливовое дерево, слива’ 杏 ‘абрикос’, 槐 ‘липа’, 枋 ‘сандаловое дерево’, 枫 ‘клён’, 杼 ‘дуб’, 桉 ‘кокосовая пальма’, 栋 ‘Мелия’ и др. [7]. Кроме иероглифов-номинаций объектов, непосредственно представляющих разные типы деревьев, знаки с детерминативом 木 ‘дерево’ могут также выражать значения: 1) части дерева, например, 本 ‘корень, ствол, стебель’, 杈 ‘ветка, ответвление’, 条 ‘ветка, ветвь’, 杪 ‘вершина, верхушка (дерева)’; 2) совокупности древесных объектов: леса и угодья 林 ‘лес, роща, лесоводство’, 菜 ‘заросли’, 榛 ‘орешник, заросли, чаща’; 3) плодов (櫻 ‘вишня’); 4) грибов, при этом не все обозначения грибов могут входить в состав этой категории, номинируемое растение должно быть связано с древесными культурами, например, 柄 ‘древесный гриб’, 榧 ‘гриб-трутовик’ и др.

Иероглифические знаки, в состав которых входит детерминатив 艹 ‘трава’, также образуют широкий круг единиц, которые по своему значению могут быть объединены в 13 семантических областей, включающих наименования растений, городов, рек, птиц, животных, овощных культур, ягод, химических составов, напитков, частей целого, шаблонов и образцов, цветов и др. [7].

Самой широкой по числу входящих единиц является семантическая группа «Наименования растений», например, 1) деревья, кустарники, травы: 萝 ‘мох’; 2) цветы: 菊 ‘хризантема’; 3) лианы, вьющиеся растения: 萝 ‘плющ’; 4) лекарственные растения: 芩 ‘ремания’ и др. Менее представлены иероглифические знаки с детерминативом 艹 ‘трава’, номинирующие грибы, например, 菌 ‘гриб, грибок, плесень’ [7].

Детерминатив 竹/艹/艸 ‘бамбук’ входит в состав широкого семантического круга сложных иероглифических знаков китайской письменности. Иероглифическое гнездо с данным детерминативом включает множество семантических групп, составляющих его семантическую организацию. Среди них наиболее широкие семантические области представлены следующими категориями обозначений сложных иероглифических знаков.

1. Бамбук и его виды: 琴 ‘название вида бамбука’, 筵 ‘название бамбука в древних текстах’, 箬 ‘циперус болотный’, 箬 ‘вид бамбука, использовавшийся как посох’.

2. Музыкальный инструмент: 竽 ‘разновидность свирели шэн’, 篴 ‘бамбуковая флейта’, 笙 ‘губной органчик’, 笛 ‘поперечная флейта’, 笙 ‘свирель северных народов’, 篴 ‘поперечная бамбуковая флейта’, 箏 ‘китайская цитра’.

3. Коробка, ящик для хранения, корзина: 笈 ‘коробка для книг’, 笥 ‘квадратная бамбуковая корзина для хранения вещей’, 笥 ‘большая круглая корзина для бамбука’, 筐 ‘плетенная корзина из бамбука или лозы’, 筐 ‘плетенная корзина’.

4. Циновка, коврик, рогожка: 第 ‘спальная циновка’, 篾 ‘грубая циновка из бамбука’, 篾 ‘древнее название циновки’, 箒 ‘бамбуковый коврик’, 篾 ‘бамбуковая циновка’.

5. Решето, шумовка, сито: 箒 ‘ковш из бамбука’, 篾 ‘бамбуковое решето’, 篾 ‘бамбуковая решетка для гусениц’, 筛 ‘сито’, 算 ‘решето для варки на пару’.

б. Части растения (корень, ствол, ость семян, коленце бамбука, цветы бамбука: 筍 ‘корень бамбука’, 竿 ‘ствол бамбука’, 箨 ‘отросток на шелухе семян’, 節 ‘коленце бамбука’, 簕 ‘цветы бамбука’, 筴 ‘съедобный побег бамбука’.

Менее частотны сложные иероглифические знаки с детерминативом 竹/艹/艸 ‘бамбук’, выражающие такие понятия, как:

1) изгородь: 笆 ‘изгородь из бамбука или ивы’, 篦 ‘забор из бамбука’, 篲 ‘бамбуковый плетень’;

2) украшение для волос, расческа, гребень: 笄 ‘шпилька для волос’, 笄 ‘заколка для волос’, 篦 ‘расческа’, 篦 ‘частый гребень’, 篦 ‘древнее украшение для волос’;

3) кнут, хлыст, веревка, канат, трос: 笰 ‘древний кнут с наконечником’, 笰 ‘бить кнутом’, 笰 ‘бамбуковая плеть’, 策 ‘кнут для лошадей с наконечником’, 篲 ‘плеть, кнут’, 篲 ‘хлыст’;

4) посуда и палочки для еды из бамбука: 筴 ‘бамбуковая посуда для еды’, 篲 ‘плетеная посуда’;

5) приспособление для ловли рыбы и креветок: 笱 ‘приспособление для ловли креветок’, 笱 ‘бамбуковая ловушка для рыбы’, 笱 ‘приспособление из бамбука для ловли рыбы’;

6) стрела, колчан для стрел, конец древка стрелы: 笑 ‘стрела’, 箭 ‘конец древка стрелы’, 箭 ‘стрела’, 箭 ‘колчан’, 箭 ‘колчан’, 箭 ‘стрела’;

7) труба, трубка, проводить воду: 筒 ‘толстая бамбуковая трубка’, 筴 ‘бамбуковая трубка’;

8) веретено, устройства для прядения, части для ткацкого станка: 筴 ‘веретено’, ‘инструмент для наматывания пряжи’, 篲 ‘моталка’, 篲 ‘часть ткацкого станка’;

9) письменные приборы, дощечка для письма, подписывать, стиль письма, статья: 筆 ‘инструмент для письма’, 筒 ‘бамбуковая дощечка для письма’, 筴 ‘подписывать’.

Наименее широкие семантические категории сложных иероглифических знаков с детерминативом 竹/艹/艸 ‘бамбук’ составили такие наименования, как: плот (筏 ‘плот из бамбука, 篲 ‘большой плот’), палка (筑 ‘палка для утрамбовывания земли’), метла, веник (篲 ‘метла’), роща, лес (篲 ‘бамбуковая роща’, 篲 ‘бамбуковый лес’), дощечка из бамбука, бамбуковая щепка (筴 ‘длинная полоска из бамбука’), клетка для птиц: 筴 ‘клетка для птиц’ и др.

Таким образом, семантическая матрица китайского иероглифического гнезда с детерминативами-фитонимами представляет собой систему определенным образом выстраиваемых связей, обуславливающих их выбор при включении в соответствующие сложные иероглифические знаки.

Данную систему связей составляют такие фундаментальные отношения единиц языковых системах, как гиперо-гипонимия (объект – вид объекта) и холо-меронимия (объект – часть объекта), а также иные виды семантических соединений, обуславливающих выбор детерминатива – фитонима (таблица 1).

В группе детерминативов-фитонимов наибольшее число связей зафиксировано нами в области детерминативов 竹/艹/艸 ‘бамбук’ и 艹 ‘трава’. Наименее семантически разветвленным является иероглифическое гнездо с детерминативом 木 ‘дерево’.

Таблица 1 – Семантическая матрица связей между детерминативами-фитонимами и сложными иероглифическими знаками китайского языка

Детерминатив / семантические связи	木 ‘дерево’	竹/艹/艸 ‘бамбук’	艹 ‘трава’
1	2	3	4
Фитоним – вид	+	+	+
Фитоним – часть	+	+	+
Фитоним – действие	+	+	+

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Фитоним – атрибут	+	+	+
Фитоним – состояние	–	–	–
Фитоним – субъект	–	+	–
Фитоним – звукоподражание	–	–	–
Фитоним – иной объект	+	+	–
Фитоним – абстрактная сущность	–	–	–
Фитоним – вещество	–	–	+
Фитоним – зооним	–	–	+
Индекс семантических связей	0,4	0,5	0,5

Становится очевидным, что степень порождения семантических связей различными детерминативами в рамках одной семантической области может варьироваться (см. также индексы семантических связей). В рассматриваемой группе два элемента – детерминативы 竹/^竹/艸 ‘бамбук’ и 艸 ‘трава’ имеют наиболее высокий индекс семантических связей $i_k = 0,5$ из 1. Это говорит о том, что семантический потенциал данных графических элементов достаточно высокий, что позволяет сделать заключение об их большей способности (по сравнению с детерминативом 木 ‘дерево’) порождать новые связи, с одной стороны, а также о сложности определения семантики иероглифов, куда они входят, с другой стороны.

Следующий аспект анализа семантической матрицы иероглифических гнезд китайской письменности включил выявление тех семантических связей, который являются общими или различными для детерминативов рассматриваемой группы. Общей семантической линией, составляющей ядерную семантическую зону для всех детерминативов-фитонимов группы являются семантические связи 1) «фитоним – вид», 2) «фитоним – часть», 3) «фитоним – действие», 4) «фитоним – атрибут», характеризующие все три представленные в данной группе фитонимы (таблица 2).

Таблица 2 – Примеры сложных иероглифических знаков с детерминативами-фитонимами

Детерминатив/ семантические связи	木 ‘дерево’	竹/ ^竹 /艸 ‘бамбук’	艸 ‘трава’
Фитоним – вид	杼 ‘дуб’	筴 ‘вид бамбука, использовавшийся как посох’	蒿 ‘осока’
Фитоним – часть	杈 ‘ветка, ответвление’	筴 ‘корень бамбука’	芽 ‘почка, росток’
Фитоним – действие	构 ‘строить, соединять’	筴 ‘колоть’	芨 ‘разрастаться’
Фитоним – атрибут	枵 ‘тонкий, пустой’	笨 ‘глупый’	芨 ‘густой, пышный, обильный’

Следовательно, детерминатив-фитоним, прежде всего, включается в сложный иероглифический знак для обозначения 1) вида растения, 2) части растения, 3) действия, осуществляемого растением или с его помощью, 4) атрибута, характеризующего растение, что составило основание когнитивной пирамиды выбора детерминатива-фитонима в китайской письменности (рисунок 1).

Рисунок 1 – Когнитивная пирамида оснований выбора детерминатива-фитонима в китайской письменности

Центральную часть когнитивной пирамиды занимает семантическая связь «фитоним-объект», которая характерна для двух из трех исследуемых детерминативов-фитонимов.

Вершину когнитивной пирамиды составляют семантические связи «фитоним-субъект», «фитоним-вещество», а также «фитоним-зооним».

Таким образом, несмотря на существование различных иероглифических гнезд в китайской письменности, могут быть выделены единые базовые принципы их организации. В частности, для иероглифических гнезд, где узловым элементом выступает детерминатив-фитоним, общим критерием выбора смыслового компонента для сложных иероглифов является видовая и партономическая связь.

Список использованной литературы

1. Тань, Лань. Знакомство с древними китайскими иероглифами / Лань Тань. – Шанхай : Шанхайское издательство исторической литературы, 2016. – 468 с.
2. Цю, Сигуй. Основные положения иероглифики / Сигуй Цю. – Шанхай : Издательство коммерческой литературы, 2013. – 342 с.
3. Крюков, М. В. Язык иньских надписей / М. В. Крюков. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 136 с.
4. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности / О. М. Готлиб. – М.: Муравей, Восток-Запад, Восточная книга. – 2006. – 282 с.
5. Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков / Шэнь, Сюй. – Юйлу : Издательство в Юйлу, 2006. – 540 с.
6. Резаненко, В. Ф. Семантическая структура иероглифической письменности / В. Ф. Резаненко. – Киев : КГУ, 1985. – 132 с.
7. Михалькова, Н. В. Детерминированность семантики иероглифических знаков китайского языка // Вестник МГПУ им. И. П. Шамякина. Сер. 3, Филология. – 2021. – № 2(58). – С. 146 – 153.

УДК 81'42:659.131.2(=111):61

Е. Е. Петрова

ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

В данной статье рассматривается лингво-прагматический потенциал видеовербального рекламного текста. Реклама представляет собой единство рационально-логического и эмоционально-оценочного, и с помощью экстралингвистических факторов, активно используемых

в видеовербальных текстах, адресат запоминает не только информацию, содержащуюся в рекламе, но и чувства, которые он испытывает при просмотре видеоролика и после. Благодаря представленным средствам художественной выразительности рекламный текст приобретает оригинальность и определенную эмоциональную окраску.

Ключевые слова: видеовербальный рекламный текст, медицинская сфера, лингво-прагматические особенности

В последние десятилетия в обществе произошли глобальные изменения, которые привели к информационной насыщенности процесса коммуникации, формированию новых и трансформации старых каналов передачи информации. Новые технологии проникают во все сферы жизни человека. Неотъемлемым атрибутом любого современного развитого общества стала реклама. В последнее десятилетие, активно развиваясь как особый вид человеческой деятельности, реклама перешла со страниц газет и экранов телевизоров на современные платформы в Интернете и стала пользоваться огромным спросом. Возрастающая конкуренция в данной сфере приводит к совершенствованию рекламных технологий и видоизменению рекламы в целом.

Однако, несмотря на все изменения, основным инструментом рекламы и по сей день остается текст. Рекламный текст, его выразительность, привлекательность и понятность позволяют привлечь внимание потенциальных покупателей. Так как люди стали больше времени проводить в Интернете (общаться, искать познавательные и развлекательные материалы, совершать покупки и т. д.), особое внимание уделяется рекламе и продвижению продуктов и сервисов в интернет пространстве.

При создании эффективных рекламных текстов учитываются не только психологические особенности их восприятия человеком, но и лингвистические факторы. В связи с этим особый акцент делается на экспрессивной насыщенности текста.

Видеовербальные тексты состоят из трех основных компонентов: вербального, звукового и визуального. Совокупность всех трех составляющих позволяет в несколько раз увеличить воздействие рекламы на потенциальных клиентов, что способствует росту продаж рекламируемого товара.

Сфера медицины оказывает большое влияние на качество жизни современного человека, так как от физического и психического здоровья зависит, как человек функционирует в мире. Многие фармацевтические компании «продают не только товар, но и <...> то, чему их продукция способствует» [2, с. 34]. В данном случае это хорошее здоровье. Жизнь и здоровье – это две существенно важные ценности в жизни людей. Внедрение в культуру идеи конечности бытия привело к тому, что здоровье получило статус высшей ценности, что вызывает интерес к сфере медицины у исследователей разных направлений [1]. Однако покупка лекарств ассоциируется у людей со слабым здоровьем и различными заболеваниями, т. е. с чем-то негативным. Поэтому рекламу фармацевтических товаров можно выделить в отдельную группу со своей спецификой и особенностями.

Во многих странах реклама медицинских препаратов регулируется законодательством, и эти правила и ограничения ставят перед специалистами сложную задачу, как сделать рекламу фармацевтических продуктов уникальной и привлечь внимание потенциальных покупателей, не нарушив закон. Правовые нормы оказывают большое влияние на структуру рекламных сообщений, их жанровое своеобразие, язык и стиль текстов.

В качестве следующего примера для анализа возьмем рекламный ролик лекарственного препарата *Vascepa*, который предназначен для снижения риска сердечного приступа, инсульта и некоторых других типов сердечных заболеваний.

[Music] If you have risk factors like heart disease, diabetes and raised triglycerides Vascepa can give you something to celebrate. [Music]

Vascepa when added to your statin is clinically proven to provide 25 % lower risk from heart attack and stroke. Vascepa is clearly different. First and only FDA- approved. Celebrate less risk. Even for those with family history!

Don't take Vascepa if you are or become allergic to icosapent ethyl or any inactive ingredient in Vascepa. Serious side effects may occur like hearth rhythm problems or bleeding. Heart rhythm problems may occur in more people with persistent cardiovascular risk or who have had them in the past. Tell your doctor if you've experienced an irregular heartbeat or other heart rhythm problems. Possible side effects include muscle and joint pain.

Celebrate less risk, added cardio protection. Talk to your doctor about added protection with Vascepa.

Позитивный эффект от рекламы создается благодаря ритмичной музыке, играющей на фоне, и благодаря танцующим и улыбающимся героям. Отличительной особенностью данного рекламного текста является использование условных предложений, например, *if you have risk factors..., if you are or become allergic., if you've experienced an irregular heartbeat*. Условные предложения нужны, чтобы рассказать о реальных или нереальных действиях или событиях, зависящих от какого-либо условия. Авторы ролика, таким образом, подчеркивают необходимость соблюдения определенных условий перед приемом препарата.

Из синтаксических средств выразительности также стоит отметить эллипсис (*First and only FDA-approved. Even for those with family history*), перечисление (*If you have risk factors like heart disease, diabetes and raised triglycerides*). Анализируемый текст особо интересен кольцевым повтором: фраза *celebrate less risk* встречается в начале и в конце рекламы, как бы концентрируя внимание покупателей на легкости и счастливом состоянии после избавления от болезни. Рекламодатель прибегает к использованию такого изобразительного средства, как антиклимакс, рассказывая сначала о серьезных побочных эффектах, а потом и о других возможных. Ближе к концу рекламного текста можно заметить использование особого вида повтора – анадиплосиса, когда конец одной фразы совпадает с началом другой (*Serious side effects may occur like heart rhythm problems or bleeding. Heart rhythm problems may occur...*)

Слово *celebrate* употребляется в тексте как метафора, которая наделяет смыслом весь рекламный ролик. Прием препарата *Vascepa* сравнивается с возможностью повеселиться и потанцевать, то есть «отпраздновать» уменьшение риска возникновения сердечных заболеваний и начало новой счастливой жизни. Такой смысл вложен в следующие строчки: *Vascepa can give you something to celebrate, celebrate less risk* (глагол встречается в тексте 3 раза). Более того, рекламодатели прибегают к использованию статистических данных (*provide 25 % lower risk*), так как цифры положительно влияют на формирование доверия у покупателей. В подтверждение данной информации компания приводит результаты исследований, о чем свидетельствует предложение (*In a clinical study, patients treated with VASCEPA had fewer cardiovascular events (17.2%) compared to those who took placebo (22.0%)*), написанное внизу мелким шрифтом. Как можно заметить, влияние препарата сравнивалось с действием плацебо, а не других лекарств. Поэтому можно заключить: факт того, что *Vascepa* снижает риск развития сердечных заболеваний лучше, чем другие похожие препараты, не доказан. Однако приведение вышеописанной статистики не нарушает нормы законодательства, так как в рекламе не упоминается, что лекарство сравнивается с препаратами других фирм.

В анализируемом рекламном тексте встречается выражение *first and only FDA-approved*. Это означает, что Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (англ. Food and Drug Administration, FDA) одобряет выпуск лекарства *Vascepa*. Мелким шрифтом добавлено *approved for this indication*. Информация о том, что это было первое одобренное лекарственное средство подобного действия, нигде не представлена. Использование прилагательного *only* в рекламном тексте считается некорректным сравнением с препаратами других фармацевтических компаний.

Как и в вышеописанных рекламных текстах, в рекламе *Vascepa* встречаются названия лекарственных веществ (*icosapentethyl, statin*), заболеваний и побочных эффектов (*diabetes and raise triglycerides, heart attack and stroke, cardiovascular risk, muscle and joint pain*), что свидетельствует о целенаправленном воздействии на определенную целевую аудиторию. Отмечается использование повелительного наклонения (*don't take Vascepa, celebrate less risk, tell your doctor, talk to your doctor*), притом призыв обратиться к своему доктору встречается дважды.

С точки зрения фонетики можно выделить повторение звука [i:] (*Vascepa, disease*) и аллитерацию звука [s] (*Vascepa, triglycerides, something to celebrate, statin, celebrate less risk, serious side effects*).

Характерной особенностью видеовербального рекламного текста является апелляция к эмоциям, коллективному бессознательному, разуму, человеческим ценностям, убеждениям и представлениям о мире через зрительные образы, звуковой и вербальный компонент текста. Яркая визуальная образность, возникающая в сознании потребителя, заставляет его обратить внимание на тот или иной медиаконтекст. Иными словами, любая реклама представляет собой единство рационально-логического и эмоционально-оценочного, и с помощью экстралингвистических факторов, активно используемых в видеовербальных текстах, адресат запоминает не информацию, содержащуюся в рекламе, а чувства, которые он испытывает при просмотре видеоролика и после.

Рекламные ролики медицинских препаратов строятся по сценарию «проблема – решение», т. е. лекарственные средства позиционируются как средства, позволяющие решить какую-то проблему. К тому же большинство рекламных сообщений апеллируют к таким темам, как здоровье, профилактика заболеваний, хорошее самочувствие, активный и здоровый образ жизни, семейные и индивидуальные ценности человека.

Список использованной литературы

1. Викулова, Л. Г. Социально востребованный текст в гуманитарной практике: инструкция к лекарственным препаратам / Л. Г. Викулова, Э. М. Рянская // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4 – С. 124 – 129.

2. Собянина, В. А. О некоторых лексических особенностях немецкого косметологического дискурса в сети интернет / В. А. Собянина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – № 3 (35). – С. 33 – 41.

УДК 811.111'42'46:398.92

С. Г. Милько

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОТНЕСЕННОСТЬ ИДИОМАТИЧНЫХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье описывается анализ идиоматичности сложных слов в английском языке, образованных по модели прилагательное + существительное. Описаны различные категории сложных слов – от неидиоматичных до полностью идиоматичных, анализируются их семантические и деривационные особенности. Представлены результаты количественного и качественного анализа существительных, включая их классификацию по степени идиоматичности и тематической принадлежности. Результаты исследования подчеркивают важность сложных слов в языковой структуре и выявляют закономерности в их использовании и восприятии.

Ключевые слова: идиоматичность, сложное слово, мотивированность, тематическая отнесенность, степень идиоматичности, степень мотивированности, семантика сложного слова.

В английском языке для определения сложного слова используется два наименования: “complex” (сложный) и “compound” (сложносоставной). Сложное слово образуется при соединении основ, например, *redhead* ‘рыжеволосый’, *snowfall* ‘снегопад’, *bedroom* ‘спальня’. Сложносоставное слово образуется путем присоединения аффиксов к основе слова, например, *achievement* ‘достижение’, *leadership* ‘лидерство’, *driver* ‘водитель’. Это разграничение является

условным, так, например, слово *grasshopper* ‘кузнечик’ является сложным, так как оно было образовано путем сложения двух основ, но одновременно оно является сложносоставным, поскольку одна из основ образована путем аффиксации.

И. В. Арнольд дает следующее определение: «сложным словом» называется объединение двух или, реже, трех основ, функционирующее как одно целое и выделяющееся в составе предложения как особая лексическая единица, благодаря своей цельнооформленности» [2, с. 150]. Так, к сложным словам относятся производные, возникшие в результате сложения двух исходных единиц (без других деривационных процессов), например, *backpack* ‘рюкзак’. Также к сложным словам относятся сложные производные слова, возникшие в результате акта сложения, сопровождаемого одновременно каким-либо деривационным процессом (аффиксацией, конверсией и др.), например, *firefighter* ‘пожарный’.

При рассмотрении семантики сложного слова понятия «сложный» и «сложносоставной» обозначают единый концепт и в данной работе под сложным словом понимается слово, состоящее из двух и более деривационных баз (лексических центров).

В контексте деривационного процесса, семантическая структура сложного слова не является полным агрегатом семантик его составляющих элементов. Обычно, она включает в себя дополнительный семантический компонент, который определяется как идиоматичность данного слова.

Согласно определению из словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой «идиома – это словосочетание, обнаруживающее в своем синтаксическом и семантическом строевании специфические и неповторимые свойства данного языка» [3, с. 165].

Идиоматичность в языке обозначает свойство языковых выражений, при котором значение выражения не может быть выведено непосредственно из значений его составляющих компонентов. Это феномен, при котором семантическая целостность фразы или выражения образует значение, которое отличается от суммы значений отдельных слов, формирующих это выражение. Таким образом, идиоматичность является ключевым аспектом фигуративного использования языка, подчеркивая его способность передавать уникальные и специфические культурные или контекстуальные значения, которые не всегда являются очевидными при буквальной интерпретации. Пример идиоматичности в языке иллюстрируется английским выражением *kick the bucket*, что интерпретируется как ‘умереть’. Семантические компоненты – *kick* ‘пнуть’ и *bucket* ‘ведро’ – не коррелируют с концепцией смерти.

В трактовках отечественных лингвистов (Л. А. Булаховского, В. Н. Телии, В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, С. И. Ожегова и др.) идиоматичность языковой единицы складывается из следующих аспектов: 1) семантическая целостность (слитность значений лексем), под которой понимается невыводимость (или неполная выводимость) общего значения устойчивого сочетания слов из суммы значений лексических компонентов; 2) глобальность номинации, роднящая идиоматичное сочетание слов с отдельным словом; 3) буквальная непереводимость на другие языки.

Семантическая целостность (идиоматичность) сложного слова основывается на том, что значение сложного слова часто не является простой суммой значений его частей. Значение слова *blackleg* ‘штрейкорежер’ совершенно не выводится в современном языке из значений его компонентов (буквально ‘черная нога’). *Sunday* ‘воскресенье’, день, названный в честь бога солнца, по буквальному значению компонентов – ‘солнца день’ [2, с. 159].

В своём исследовании «К вопросу о слове» (проблема «тождества» слова), А. И. Смирницкий акцентирует внимание на идиоматичности сложных слов. Он разрабатывает концепцию, согласно которой интегральное значение сложного слова не выводится прямолинейно из значений его составных элементов. А. И. Смирницкий характеризует этот механизм как идиоматичность языковых структур. В качестве примера он приводит слово «прямоугольник», значение которого не исчерпывается суммой значений его частей. Несмотря на то что слово «прямоугольник» в некоторой мере описывается значениями своих компонентов, оно обозначает четырёхугольник с прямыми углами, а не просто фигуру с одним прямым углом. Это демонстрирует наличие в его значении элементов, которые не присутствуют в значениях отдельных компонентов, подтверждая идиоматичность слова «прямоугольник» [5, с. 3–49].

Классификация сложных слов по степени идиоматичности включает [1, с. 71–72]:

1) неидиоматичные или прозрачные сложные слова характеризуются прямой зависимостью их значений от значений составляющих их компонентов. Эти слова включают такие примеры, как *classroom* ‘классная комната’, *working-man* ‘работающий человек’, *dancing-hall* ‘танцевальный зал’, где значение каждой части слова напрямую способствует формированию общего значения сложного слова;

2) частично идиоматичные сложные слова имеют значения, которые не являются прямой суммой значений их компонентов, но общее значение всё же можно вывести на основе анализа этих компонентов. Например, *lazybones* ‘лентяй’ не означает буквально ‘кости лени’, но общее значение ленивого человека может быть выведено из комбинации слов. Слова *football* и *chatterbox* также попадают в эту категорию, где значение каждого слова расширяется или модифицируется, но всё ещё коррелирует с исходными словами;

3) полностью идиоматичные сложные слова представляют значения, которые не могут быть выведены из значений составляющих их частей. Например, *wall-flower* обозначает человека, который остаётся в стороне на танцах, что не является прямым следствием значений слов "wall" ‘стена’ и *flower* ‘цветок’. Аналогично, *tallboy*, означающий высокий комод, и *bluebottle*, что означает цветок василёк или вид мухи, демонстрируют значение, которое значительно отличается от буквальной интерпретации составляющих слов.

Для анализа степени идиоматичности, а также тематической отнесенности было выбрано 333 сложных существительных, образованных по модели $adj + n \rightarrow N$, из «Oxford Advanced Learner's Dictionary» А. С. Хорнби [6]. Методы анализа включали сплошную выборку материала, дефиниционный анализ, семантический, этимологический, деривационный анализ, а также описательные и сопоставительные методы. В ходе анализа была оценена степень мотивированности и идиоматичности каждого слова, определяемая на основе их дефиниций и структуры. Лексические единицы были классифицированы по степени идиоматичности и по тематической отнесенности.

Как показали результаты исследования, степень представленности составляющих сложного слова деривационных баз в лексикографическом представлении значения этого слова может быть разной: от 2 до 0. Соответственно с учётом представленности одного или нескольких компонентов слова в его дефиниции, отобранные единицы были разделены на 5 типов:

1) сложные существительные, в лексикографическом описании которых, присутствуют оба компонента (и существительное, и прилагательное) – 30 ЛЕ (9 %);

2) сложные существительные, в лексикографическом описании которых, присутствует один из компонентов (прилагательное) – 33 ЛЕ (10 %);

3) сложные существительные, в лексикографическом описании которых, присутствует один из компонентов (существительное) – 39 ЛЕ (12 %);

4) сложные существительные, в лексикографическом описании которых, не присутствует ни один из компонентов (ни существительное, ни прилагательное) – 102 ЛЕ (30 %);

5) сложные существительные, имеющие несколько толкований в лексикографическом описании, каждое из которых различно по представленности в нем компонентов слова (существительное и/или прилагательное) – 129 ЛЕ (39 %).

Вопрос о статусе некоторых немотивированных единиц является спорным (являются ли они продуктом словосложения и соответственно немотивированными единицами, или они являются семантическим дериватом). Отбор был произведен по формальным показателям (присутствие прилагательного и существительного как компонентов, составляющих сложное слово). Соответственно в данном исследовании эти ЛЕ отнесены к немотивированным сложным словам.

Идиоматичность сложного слова тесно связана с понятием его мотивированности. Согласно Е. С. Кубряковой: «Мотивированность производного слова – способность вызывать у нас ассоциации, связанные с употреблением слова в привычном для него окружении. Отсылочная часть выступает в этом смысле не только как краткое резюме мотивирующего суждения, но и как образ

обозначенного им слова» [4, с. 172]. Е. С. Кубрякова определяет степень мотивированности как «степень семантической связанности производного слова с производящей единицей» [4, с. 287]. Чем выше степень идиоматичности, тем ниже степень мотивированности и чем ниже степень идиоматичности, тем выше степень мотивированности. Соответственно немотивированные единицы являются идиоматичными; частично мотивированные единицы имеют среднюю степень идиоматичности; мотивированные единицы являются неидиоматичными.

Все отобранные сложные существительные (333 ЛЕ) были классифицированы согласно тематической отнесенности. Среди отобранных единиц преобладают существительные обозначающие: человека (89 ЛЕ или 27 %), например *greenhorn* ‘новичок’, абстрактные понятия (68 ЛЕ или 21 %), например *greenwash* ‘термин, который используется для описания маркетинговых стратегий компаний, которые пытаются создать видимость заботы об окружающей среде, в то время как на деле их действия мало что изменяют или даже вредят природе’, материальные артефакты (54 ЛЕ или 16 %) *hardback* ‘книга в твердом переплете’, локативы (31 ЛЕ или 9 %) *hotbed* ‘место или среду, где активно развиваются или быстро распространяются определенные вещи, часто с негативным оттенком’ и зоонимы ‘мелкие рыбки, используемые в кулинарии, особенно в британской и новозеландской кухне’ (28 ЛЕ или 8 %).

Согласно корреляции тематической отнесенности и идиоматичности, сложными словами с высокой идиоматичностью, или со стертой внутренней формой, люди именуется чаще (24 ЛЕ, или 34 %), чем сложными словами с прозрачной внутренней формой; а локативы (14 ЛЕ, или 21 %), абстрактные понятия (11 ЛЕ, 17 %) и материальные объекты (12 ЛЕ, 18 %), напротив, чаще именуется сложными словами с низкой идиоматичностью, т. е., живой внутренней формой.

Анализ тематической отнесенности показал, что наименования людей чаще всего обладают высокой степенью идиоматичности. Это говорит о том, что в языке есть склонность использовать идиоматичные выражения для описания человеческих характеристик и социальных ролей. В то же время, термины, связанные с местами и предметами, часто более прямолинейны в своем значении.

Определено, что степень идиоматичности обратно пропорциональна степени мотивированности. Это значит, что чем выше идиоматичность, тем менее очевидна связь слова с его исходными компонентами, и тем сложнее предугадать его значение без знания контекста.

Таким образом исследование показывает, что идиоматичные слова вносят уникальные и специфические значения в язык, что делает их неотъемлемой частью культурных и контекстуальных выражений. Эти слова играют ключевую роль в обогащении языковой структуры и предоставлении возможностей для точного и глубокого общения.

Список использованной литературы

1. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка. English Lexicology: учебник и практикум для вузов / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 196 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
4. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
5. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (Проблема тождества слова) / А. И. Смирницкий / Труды Института языкознания АН СССР. – Том IV. – М., 1954, С. 3–49.
6. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (8th edition) / A. S. Hornby. – Oxford University Press, 2010. – 1940 p.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕОГРАММ КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В статье представлены результаты структурно-семантического исследования идеограмм (会意字) в китайской иероглифической письменности. В частности, на обширном практическом материале решается один из основных вопросов китайской иероглифики, заключающийся в установлении количественного состава компонентов идеограмм, а также семантической специфики соединения составляющих их элементов-графем.

Ключевые слова: идеограмма; иероглиф; смысловой компонент; семантическая классификация; китайский язык.

Китайская иероглифическая письменность, будучи идеографической, располагает богатым набором семантических средств создания простых и сложных по своей структуре знаков. Идеограмма (会意字) – это составной иероглиф, соединяющий два или более смысловых компонента. Например, идеограмма 信 ‘искренность’ состоит из двух графем-компонентов: 亻 ‘человек’ и 言 ‘речь’. Соединение различных смысловых компонентов позволяет осуществить номинацию нового понятия, которое, отличаясь от значений входящих в идеограмму смысловых компонентов, тем не менее, непосредственно связано с ними. Несмотря на то, что подобный тип китайских иероглифических знаков получил достаточно обширное научное освещение [1, 3], недостаточно исследованной областью остается сфера определения семантических особенностей сложения различных графических элементов для создания нового понятия, в частности, то, насколько распространены различные структурные типы «семантического сложения» графем, а также какова специфика семантики таких соединений.

Материал исследования составил 1550 идеограмм, отобранных путем сплошной выборки из словарей «汉语大字典» (Большой словарь китайских иероглифов) и «说文解字» (Шовэнь цзецзы) [1, 2].

Полученные списки включили также набор идеограмм из научной монографии «说文会意字研究» (Анализ идеограмм в древнем словаре Шовэнь Цзецзы) – 1 224 единицы [3, с.97], из диссертации «会意字研究» (Анализ идеограмм-иероглифов) – 280 идеограмм, «说文会意字研究» (Исследование идеограмм в древнем словаре ‘Шовэнь цзецзы’) – 1 267 идеограмм, «现代汉字中会意字研究» (Исследование идеограмм в системе современных китайских иероглифов) – 200 идеограмм [4, 5, 6].

Анализ 1 550 идеограмм китайской письменности показал, что данный тип иероглифических знаков может структурно включать от двух до четырех смысловых компонентов.

В частности, значительно распространенной (1 399 идеограмм, 90,2 %) является тенденция иероглифической номинации посредством соединения двух смысловых компонентов. Например, идеограмма 祝 ‘руководитель жертвоприношения’ состоит из двух элементов: 礻 ‘алтарь’ и 兄 ‘старший брат’. Следует отметить, что 礻 ‘алтарь’ для древних китайцев является необходимым для жертвоприношения предметом. 兄 ‘старший брат’ – субъект, который является важнейшим понятием о главном человеке, руководящем лице, так как по китайской традиции старший брат отвечает за семейные празднования и церемонии для предков.

Меньше распространенной является (131 идеограмм, 8,4 %) модель соединения трех смысловых компонентов. Например, идеограмма 窠 ‘поиск, старший мужчина’ состоит из компонентов 宀 ‘крыша’, 又 ‘правая рука’ и 火 ‘огонь’, соединение данных смысловых компонентов дает нам понятие о работе опытного хозяина — поиск вещей дома [2, 9].

Наименее частотной является (20 идеограмм, 1,4 %) структура соединения четырех смысловых компонентов. Например, идеограмма 學 ‘учиться’ создана из следующих четырех смысловых компонентов: 白 ‘брать или дать обеими руками’ — инструмент, выражающий процесс передачи, 攵 ‘гадание’ обозначает «знания», 宀 ‘крыша’ — локализатор, 子 ‘ребенок’ — субъект действия [4, 7].

В монографии «基础汉字形义释源» (Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов), профессором Пекинского педагогического университета Цзоу Сяоли (邹晓丽) отмечается, что китайские иероглифы, будучи логограммами, имеют 3 основных атрибута, основными из которых являются структура и семантика [7, с. 2].

Семантический анализ компонентов исследуемых идеограмм показал, что разные понятия графически записываются с помощью различных с семантической точки зрения компонентов. В целом нами выделены несколько тенденций.

Первая тенденция касается идеограмм, именующих объекты. Например, идеограмма 黍 ‘посо’, в чьей структуре соединяются смысловые компоненты 禾 ‘сельскохозяйственные культуры’, 入 ‘входить’ и 水 ‘вода, река’, образована именно таким образом потому, что в Китае зерна проса являются материалом для изготовления алкогольных напитков. Подобная логика — соединение процесса и объектов для обозначения понятия-объекта прослеживается также и в других знаках, например: 稻 ‘рис’ = 禾 ‘сельскохозяйственные культуры’ + 禾 ‘рука берущая’ + 白 ‘ступка’; 男 ‘аристократ низкого уровня, мужчина’ = 田 ‘поле с разграничением’ + 力 ‘плуг, сила’; 位 ‘место стояния в зале монарха’ = 亻 ‘человек’ + 立 ‘стоять’ и др.

Вторая тенденция представляет собой идеограммы, именующие процессы или действия. Например, 買 ‘купить’ — это идеограмма, в состав которой включаются смысловые компоненты 冫 ‘сетка’ и 貝 ‘ракушка’. Смысловой компонент 冫 ‘сетка’ часто представляет собой репрезентант инструмента для выражения понятия «забрать», а компонент 貝 ‘ракушка’ — инструмента для понятий, связанных со сделкой и богатством, так как ракушки использовались в древности в качестве денег. Сочетание данных семантических элементов для древних людей выражало понятие «купить». См. также: 賣 ‘продать’ = 出 ‘выходить’ + 買 ‘купить’; 畫 ‘рисовать (разграничение)’ = 聿 ‘рука с ручкой’ + 畵 ‘разграничение’; 各 ‘прибывать’ = 夂 ‘ступня вниз’ + 口 ‘рот’; и др.

Третий семантический тип — это идеограммы, именующие признаки или состояния. Например, идеограмма 明 ‘светло’ включает смысловые компоненты 日 ‘солнце’ и 月 ‘луна’. Их соединение в осознании древних китайцев дало понятие о признаке времени, когда можно видеть и солнце, и луну вместе на небе, то есть рассвет утром. См. также: 昏 ‘вечер, время заката солнца’ = 日 ‘солнце’ + 氏 «человек закладывающий вещи вниз»; 溫 ‘тепло у воды’ = 氵 ‘вода, река’ + 温 ‘доброта к заключенным’; 貧 ‘бедный, нищий’ = 分 ‘разделять’ + 貝 ‘ракушка-древние деньги’; и др.

Четвертый семантический тип — это идеограммы, именующие абстрактные понятия. Например, идеограмма 刑 ‘закон, принцип’ (последующая форма написания: 則) создана из смысловых компонентов 鼎 ‘емкость-треножник или четырехножник’ и 刂 ‘нож’, так как древние китайские правители часто выполняли обнародование закона посредством нарезки текста закона на большую бронзовую емкость 鼎. Еще можно привести в пример иные идеограммы

указанного типа: 國 (первоначальная форма написания:) 'страна' = 口 'стена города, граница' + 戈 'клевец, оружие' + 一 'один, единство' + 口 'рот', обозначающий «приказ»; 初 'первоначальный' = 衤 'одежда' + 刀 'нож'; 寶 (первоначальная форма написания:) 'драгоценность' = 宀 'крыша' + 玨 'пара нефритов' + 貝 'ракушки – древние деньги' и др. [5, 7, 8, 9].

Таким образом, для того, чтобы выразить различные понятия через идеограммы, китайской иероглифической письменности достаточно от двух до четырех семантических элементов в составе сложного знака. При этом наиболее частотной является тенденция обозначений через два смысловых компонента. Относительно семантической специфики включения компонентов в состав идеограмм можно говорить о тенденции обозначения объекта через процесс, осуществляемый непосредственно с его участием в качестве инструмента или локализатора. Идеограммы-номинации процессов состоят из объектов-инструментов, с помощью которых производится действие. Идеограммы-абстрактные сущности создаются посредством включения графем, обозначающих конкретные предметы.

Список использованной литературы

1. Сюй, Шэнь. Объяснение простых и толкование сложных знаков (Шовэнь цзецзы) / Шэнь Сюй. – Юйлу : Издательство в Юйлу, 2006. – 540 с. = 许慎. 说文解字。 – 岳麓 : 岳麓书社, 2006. – 540 页.
2. Большой словарь китайских иероглифов / Редкол. : Сюй Чжоншу, Ли Гэфэй, Чжао Чжэньдо [и др.]. – Ухань : Изд-во «Чунвэнь», 2010. – 5727 с. = 汉语大字典/汉语大字典编委会 : 徐中舒、李格非、赵振铎等, 学术顾问组 : 于省吾、王力等。武汉 : 崇文书局, 2010. – 5727 页.
3. Ши, Динго. Анализ идеограмм в древнем словаре Шовэнь Цзецзы / Динго Ши. – Пекин : Изд-во «Пекинский институт языка и культуры», 1996. – 215 с. = 石定果. 说文会意字研究。 – 北京 : 北京语言学院出版社, 1996. – 215 页.
4. Ху, Бэй. Исследование идеограмм китайской письменности: дис. ... доктор. филол. наук: 5. 2008 / Бэй Ху, Дэжуань Хуан; Аньхойский университет. – Хэфэй, 2008. – 129 с. = 胡北 ; 指导 : 黄德宽. 会意字研究。 – 安徽大学, 合肥, 2008. 129 页.
5. Ся, Цзюнь. Исследование идеограмм в древнем словаре 'Шовэнь цзецзы': дис. ... доктор. филол. наук: 5. 2009 / Цзюнь Ся, Цзялу Сюй; Восточно-китайский педагогический университет. – Шанхай, 2009. – 160 с. = 夏军 ; 指导 : 许嘉璐. '说文'会意字研究。 – 华东师范大学, 上海, 2009. 160 页.
6. Ляо, Цзин. Исследование идеограмм в системе современных китайских иероглифов: дис. ... маги. филол. наук: 1. 2017 / Цзин Ляо, Тинчжу Чэнь; Шанхайский транспортный университет. – Шанхай, 2017. – 67 с. = 廖静 ; 指导 : 陈婷珠. 现代汉字中会意字研究。 – 上海交通大学, 上海, 2017. 67 页.
7. Цзоу, Сяоли. Объяснения форм и значений основных китайских иероглифов / Сяоли Цзоу. – Пекин: Изд-во «Чжон Хуа Шу Цзю», 2007. – 246 с. = 邹晓丽. 基础汉字形意释源。 – 北京 : 中华书局, 2007. – 246 页.

8. Ли, Сюэцинь, Этимология иероглифов / редкол. : Ли Сюэцинь [и др.].. – Тяньцзинь: Тяньцзиньское издательство «Древняя книга», 2013. – 1420 с. = 李学勤. 字源. – 天津 : 天津古籍出版社, 2013. – 1420 页.

9. Гу, Янькуй, Словарь этимологии китайских иероглифов / редкол. : Янькуй Гу [и др.].. – Пекин: Издательство «Китайский язык», 2008. – 2037 с. = 谷衍奎. 汉字源流字典. – 北京 : 语文出版社, 2008. – 2037 页.

УДК 81-38

Д. Л. Тригубова

КАЛАМБУР В ТЭГЛАЙНАХ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ И МОДЕЛИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

В данной статье рассматривается специфика реализации каламбура как стилистического ресурса в тэглайпах к современным художественным фильмам. Выявлены три основных модели функционирования каламбура в текстах англоязычных тэглайпов к американским фильмам. Описаны характеристики каждой из моделей, рассмотрена их представленность и возможное влияние на эффективность киноаннотаций.

Ключевые слова: киноаннотация, тэглайн, стилистический прием, игра слов, каламбур, модель, название фильма, сюжет фильма.

Сегодня кинематограф представляет собой влиятельную и активно развивающуюся индустрию, привлекающую значительное количество разнообразных ресурсов для продвижения фильмов на кинорынке и привлечения к ним максимально возможного количества зрителей. Одним из таких ресурсов, представляющих интерес для лингвистического анализа, является киноаннотация как сжатое представление информации о фильме. Под аннотацией к фильму понимается текст публицистического жанра, в котором дается краткое, обобщенное описание или характеристика содержания фильма; краткое информативное сообщение рекламного характера о произведениях киноискусства [1]. Исследователи выделяют и рассматривают различные разновидности киноаннотаций. Данная статья посвящена рассмотрению такого вида киноаннотации, как тэглайн.

Тэглайн (англ. *tagline*) трактуется как функционально-прагматическая единица кинотекста, к основным функциям которой относятся аттрактивная и прагматическая. Помимо этого, тэглайн нацелен на информирование широкой зрительской аудитории о фильме. Это схожая с рекламным слоганом фраза, максимально лаконично и афористично передающая значимую информацию о фильме, в связи с чем отдельные исследователи называют тэглайн слоганом кинофильма. К основным чертам тэглайна относят четкость, броскость, соответствие ценностям и настроениям целевой аудитории [2, с. 134–136]. Одним из способов придания тэглайну выразительности и яркости является использование в нем разнообразных стилистических ресурсов.

Чрезвычайно релевантным для текстов малой формы, коим есть и тэглайн, является такое стилистическое средство, как каламбур. Такая релевантность связана с семантической многомерностью каламбура, а также его высокой стилистической емкостью при минимизированном текстовом объеме данного тропа в отличие от ряда других тропов (например, сравнения или развернутой метафоры), нуждающихся для своей реализации в достаточном текстовом пространстве. Этим обусловлен выбор каламбура в качестве стилистического средства, анализируемого нами в тэглайпах.

Существует множество определений понятия «каламбур» (фр. *calembour*). Обратимся к ряду научных и лексикографических источников:

– шутка, основанная на использовании слов, сходных по звучанию, но разных по значению, или на использовании разных значений одного и того же слова; игра слов [3, с. 411];

– оборот речи, употребляемый в публицистическом, художественном, разговорном стиле : игра слов, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства (омонимии) слов и словосочетаний, имеющих разное значение; остроумное высказывание, основанное на одновременной реализации в слове прямого и переносного значений [4, с. 140];

– стилистический оборот или самостоятельная миниатюра, основанная на сходном звучании слов или словосочетаний, имеющих разное значение, обычно придающая речи оттенок комизма; каламбур строится на омонимах, омографах, шуточной этимологизации слов и пр. [5, с. 119];

– стилистический оборот, основанный на комическом обыгрывании созвучных слов или словосочетаний с несовместимыми значениями; строится на полисемии, омонимии, омографах, шуточной этимологизации слов и др. [6, с. 184];

– стилистический прием, основанный на лингвокреативном обыгрывании значений слова или слов в составе словосочетания в результате одновременной или последовательной бисоциативной реализации нескольких значений этой единицы [7].

Рассмотрение приведенных выше определений позволяет установить ключевые характеристики каламбура: отнесенность к стилистическим ресурсам языка, использование созвучности или полисемии, придание тексту шуточного, юмористического характера.

Вопрос соотносительности каламбура и игры слов до сих пор носит дискуссионный характер. Ряд исследователей рассматривает данные явления как синонимичные. В рамках данной статьи мы вслед за Т. А. Гридиной трактуем игру слов как «форму деканонизированного употребления языковых единиц в речи, характеризующуюся творческим использованием языковых ресурсов, новой речевой комбинацией языковых средств» [8, с. 19]. Такое широкое понимание игры слов позволяет утверждать, что каламбур является разновидностью игры слов и, следовательно, любой каламбур представляет собой игру слов.

Исследователями предлагаются разнообразные классификации каламбура. Одной из таких классификаций является деление каламбура в зависимости от того приема, на котором он основан: на полисемии; на полной или частичной омонимии; на созвучии, т. е. омофонных лексических элементах; на антонимических словах [6, с. 185]. Существует также классификация на основе модели реализации каламбура: на основе слова (в том числе сложного); свободного словосочетания; фразеологической единицы; конвергенции каламбура с аллюзией [9].

Данная работа посвящена установлению специфики функционирования каламбура в текстах тэглайнов к современным кинофильмам. Эмпирическую базу исследования составили 100 тэглайнов к американским художественным фильмам, выпущенным в 2023 году. Тэглайны собраны с широко известной базы данных о кинофильмах IMDb.com.

Согласно результатам проведенного анализа, каламбур оказывается достаточно характерным средством выразительности для тэглайнов, поскольку встречается в трети рассмотренных текстов. При этом наш анализ позволил выделить три основные модели реализации каламбура, специфичных для тэглайнов к кинофильмам.

Первая модель подразумевает реализацию игры слов внутри самого тэглайна без связи с какой-либо внешней информацией. Такие тэглайны преимущественно построены на видоизменении устойчивых выражений. Рассмотрим несколько примеров. Тэглайн *Opposites react* к фильму “Elemental” представляет собой трансформированное устойчивое выражение *opposites attract* ‘противоположности притягиваются’. В данном случае каламбур построен на омофонных лексических элементах, т. е. реализуется благодаря их частичному созвучию. Каламбур в тэглайне *She deals your pain* к фильму “Pain Hustlers” также основан на созвучии элементов и содержит устойчивое выражение *to heal one’s pain* ‘исцелить чью-либо боль’, в котором лексема *heal* заменена на близкую по звучанию *deal*. Тэглайн *They’ll Die When They’re Dead* к фильму “Expendables” берет за основу устойчивое выражение *I’ll sleep when I’m dead* ‘высплюсь после смерти’, которое обозначает желание сэкономить время на сне и использовать его, чтобы наслаждаться жизнью. В тэглайне данное выражение трансформируется путем замены лексем *sleep* на *die*, дублирующего в некоторой степени семантику уже имеющегося в выражении слова *dead*, за счет чего создается парадоксальный смысл.

Вторая выделенная нами модель предполагает, что для полной реализации каламбура необходимо задействовать название фильма. Отметим, что в целях нашего исследования далее будет приводиться дословный перевод названий фильмов на русский язык, а не соответствующие русскоязычные кинозаголовки, которые зачастую отличаются от оригинала. Тэглайн *Oh. My. Gods* ‘О. Мои. Боги’ к фильму “Shazam! Fury of the Gods” ‘Шазам! Гнев богов’ представляет собой фразу-восклицание *oh my god!* с изменением числа финальной лексемы с единственного на множественное для корреляции с аналогичной лексемой в названии. Игра слов в тэглайне *Shed the Lies* ‘Отбрось ложь’ к фильму “Reptile” ‘Рептилия’ проявляется в связке с названием фильма: лексема *shed* в данном контексте реализует дополнительное значение ‘сбрасывать кожу’.

Тэглайн *Meet the man of your dreams* к фильму “Dream Scenario” ‘Сценарий снов’ содержит устойчивое сочетание *man of your dreams* ‘мужчина мечты’, однако в контексте фильма и в сочетании с его названием более релевантным оказывается перевод ‘Познакомьтесь с мужчиной из ваших снов’. Любопытным является реализация каламбура в тэглайне *This April, beau afraid. Beau very afraid!* к фильму “Beau Is Afraid” ‘Бо боится’, построенном на двух омофонных лексических элементах. Одним из таких элементов является глагол *be*, предполагаемый в данной фразе для реализации повелительного наклонения. В качестве второго элемента избирается имя персонажа *Beau*, приведенное в названии фильма. Каламбур в данном тэглайне создается благодаря их созвучию и замене глагола именем персонажа.

Особенно интересными для анализа оказались четыре тэглайна к фильму “Elemental” ‘Элементаль’, каждый из которых является примером данной модели. Элементаль представляет собой мифическое существо, соответствующее одной из четырех стихий: воздуха, земли, огня, воды. Все составленные тэглайны реализуют игру слов за счет устойчивых выражений, содержащих апелляции к одной из стихий:

- *Make a Splash* ‘Произведите фурор’ – лексема *splash* ‘всплеск’ – элемент «вода»;
- *Get Fired Up* ‘Зажигитесь’ – лексема *fire up* ‘зажечь’ – элемент «огонь»;
- *You’ll Dig It* ‘Вам понравится’ – лексема *dig* ‘копать’ – элемент «земля»;
- *Get Blown Away* ‘Поразитесь’ – лексема *blow away* ‘сдуть’ – элемент «воздух».

Наконец, реализация третьей модели требует вовлечения в каламбур не только названия фильма, но и отдельных элементов сюжетной линии. Например, к фильму “PAW Patrol: The Mighty Movie” ‘Патруль «ЛАПА»: Мощный фильм’ составлен тэглайн *Unleash Your Powers*, который можно перевести как ‘Дайте волю своим силам’. Содержащаяся в названии фильма лексема *PAW* может быть связана с животными, если интерпретировать ее как *raw* ‘лапа’. Однако полная капитализация лексемы свидетельствует о том, что перед нами аббревиатура, что не позволяет реципиенту в полной мере быть уверенным в такой интерпретации, в связи с чем для понимания каламбура одного лишь названия может оказаться недостаточно. Помимо этого, даже если предположить, что такая интерпретация верна, вид животного остается неизвестным. Раскрытие дополнительного смысла лексемы *unleash* как ‘спустить с поводка’ в тэглайне происходит при просмотре фильма или чтении информации о сюжете, позволяющих выяснить, что главными героями фильма являются собаки. Таким образом, каламбур реализуется за счет двойного значения лексемы *unleash*. Аналогичная ситуация складывается в тэглайнах *Adventure takes flight* и *Soar into a new adventure* к фильму “Migration” ‘Миграция’, где лексемы *flight* ‘полет’ и *soar* ‘парить’ являются отсылкой к тому, что главными персонажами фильма являются птицы. Одно из значений названия фильма, безусловно, связано с птицами, обозначая сезонную миграцию. Однако данная лексема имеет множество других значений, связанных, к примеру, с перемещением людей из одной страны в другую, в связи с чем для интерпретации каламбура одного лишь названия может оказаться недостаточно и требуется привлечение сюжета.

Тэглайн *Courting a legend* к фильму “Air” ‘Воздух’ также реализует игру слов по третьей модели. Глагол *to court* чаще всего обозначает ‘ухаживать за кем-либо’, однако в контексте сюжета фильма зрителю открывается иная интерпретация: фильм повествует о баскетболе, и данная лексема является отсылкой к баскетбольному корту. В тэглайне *Sucks to be him* к фильму

“Renfield” ‘Ренфилд’ использовано разговорное выражение *sucks to...*, указывающее на неприятный характер чего-либо, и тэглайн можно перевести как ‘отстойно быть им’. При этом зритель при просмотре фильма сможет обнаружить второй смысл тэглайна: одним из ключевых героев фильма является граф Дракула, что апеллирует к фразе *to suck blood* ‘высасывать кровь’.

Проведенный анализ фактического материала показывает, что наиболее частотной (43 % от выявленных случаев каламбура) в тэглайнах оказывается реализация каламбура по второй модели, в которой задействовано название фильма. Следом с небольшим отрывом следует третья модель, привлекающая сюжет фильма (38 %). Первая модель, в которой игра слов реализуется независимо от иных текстовых элементов, оказалась наименее представленной (19 %). По нашему мнению, такая ситуация обусловлена следующими факторами.

Популярность модели, вовлекающей в реализацию каламбура сюжет фильма, связана с тем, что такой прием позволяет отложить процесс интерпретации каламбура до просмотра фильма и тем самым способствует созданию более значительной интриги. Можно предположить, что зритель фильма, получив необходимую информацию для корректной интерпретации каламбура, чувствует себя частью некоего сообщества «осведомленных» зрителей, понимающих скрытый смысл тэглайна, что приносит ему дополнительные положительные эмоции от просмотра. С этим может быть связана достаточно высокая популярность указанной модели среди создателей тэглайнов.

Каламбур, вовлекающий название фильма, имеет схожий замысел, а несколько более высокая распространенность такой модели может быть связана с тем, что момент раскрытия необходимой для понимания игры слов информации намного менее отсрочен во времени – зрителю достаточно изучить название фильма, расположенное на постере, диске или ином носителе. Такая реализация каламбура, безусловно, менее эффективна в создании интриги. Однако она в большей степени гарантирует понимание каламбура в связи с тем, что далеко не все читатели тэглайнов затем станут знакомиться с иной информацией о фильме или смотреть его. За счет этого возникает риск того, что читатели могут так и не понять скрытый в тэглайне каламбур, и аннотация в значительной степени потеряет свою эффективность.

Низкая же распространенность игры слов, не требующей какой-либо дополнительной информации, может быть связана с меньшей эффективностью таких тэглайнов по привлечению внимания к фильму и недостаточной запоминаемостью ввиду отсутствия ассоциативных связей.

Список использованной литературы

1. Андреева, Е. М. Структурная композиция аннотаций к художественным фильмам / Е. М. Андреева // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны : сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. / Инновац. центр развития образования и науки ; редкол.: В. Н. Чечелева [и др.]. – СПб., 2016. – № 3. – С. 59–62.
2. Анисимов, В. Е. Интертекстуальные параметры малоформатных текстов французского кинодискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / В. Е. Анисимов. – М., 2021. – 311 л.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред.: С. А. Кузнецов. – СПб : «Норинт», 2000. – 1536 с.
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М. : «Промышленность», 1974. – 509 с.
6. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский [и др.]. – Киев: «Вища школа», 1984. – 235 с.
7. Шмелева, Е. С. О понятии каламбура / Е. С. Шмелева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. – 2016. – № 19 (758). – С. 110–120.
8. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: явление языковой игры : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Гридина. – М., 1996. – 566 л.
9. Шмелева, Е. С. О моделях каламбура / Е. С. Шмелева // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. – 2017. – № 10 (783). – С. 77–86.

УДК 811.111'271:316.77

Л. И. Богатикова

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье рассматривается проблема сущности убеждения, подчеркивается, что в основе коммуникативной стратегии убеждения лежит речевое воздействие. В статье дается описание факторов речевого воздействия, приемов и способов реализации коммуникативной стратегии убеждения, а также толкование понятий «пафос», «эмос», «логос». Предлагается описание конкретных приемов и способов убеждения, как то: создание достоверности, обращение к чувствам и эмоциям, использование логических аргументов, повторение ключевых моментов, представление примеров решения данной проблемы и др.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, речевое воздействие, невербальное воздействие, межкультурная коммуникация, восприятие, интерпретация, пафос, логос, эмос, убеждение, аргумент.

В повседневной жизни общение как одна из форм взаимодействия людей представляет собой не только осознанный, целенаправленный обмен информацией между людьми, но также установление эмоционального контакта и обратной связи, сопровождающееся во всех случаях речевым воздействием, причем как на сознательном уровне (когда коммуникант преследует цель оказать некоторое воздействие на своего собеседника), так и на подсознательном. Даже обмен, казалось бы, несущественной информацией о погоде так или иначе оказывает воздействие на собеседника, результатом которого может быть соответствующая реакция – или удивление, или выражение сомнения, или информирование – пополнение знаний собеседника и проч.

С одной стороны, речевое воздействие – это воздействие одного коммуниканта на другого или группу людей при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели. С другой стороны, речевое воздействие – это тот коммуникативный эффект, который то или иное сообщение оказывает на реципиента [1]. При этом выделяют не только речевое / вербальное воздействие при помощи слов, но и невербальное, реализуемое при помощи различных невербальных средств общения, сопровождающих вербальное – жесты, мимика, позы, дистанция и проч.

Особую роль в общении играют определенные факторы – типы коммуникативных сигналов или приемов, используемых в речевом воздействии. Основными факторами речевого воздействия являются следующие: 1) фактор внешности; 2) фактор соблюдения коммуникативной нормы; 3) фактор установления контакта с собеседником; 4) фактор взгляда; 5) фактор физического поведения во время речи (движения, жесты, позы); 6) фактор манеры (дружелюбие, искренность, эмоциональность, немонотонность, воодушевление); 7) фактор размещения в пространстве; 8) фактор содержания; 9) фактор языка; 10) фактор объема сообщения; 11) фактор расположения фактов и аргументов, идей; 12) фактор времени; 13) фактор количества участников; 14) фактор адресата [1, с. 53]. Причем коммуникант, целенаправленно осуществляя речевое воздействие, руководствуется этими факторами подсознательно.

Речевое воздействие охватывает такие основные виды общения, как деловое, межличностное, а также материальное (обмен предметами или продуктами деятельности), когнитивное (обмен информацией и знаниями), эмоциональное (обмен эмоциональными состояниями общающихся индивидов), мотивационное общение (обмен желаниями, побуждениями, целями, интересами и потребностями, например, часто бывают ситуации, когда ваш собеседник

сообщает о том, что что-то купил или что-то собирается сделать, например, поехать отдыхать, и у вас также возникает желание или потребность приобрести этот предмет или сделать то же самое). Особенно сильное речевое и неречевое воздействие оказывает реклама.

Одним из основных способов речевого воздействия является убеждение. Убеждение – это коммуникативная стратегия, в которой каждый из коммуникантов пытается убедить своего собеседника в правоте своего суждения и точки зрения, оказывая влияние на образ мыслей и стимулируя вербальные и невербальные действия и поступки в соответствии с интенцией говорящего. Убеждение возможно при условии достижения идентичного восприятия информации партнером по общению (со всеми его специфическими национально-культурными, социальными особенностями и чертами национальной психологии) и взаимопонимания, которое «требует от овладевающих иноязычной коммуникативной деятельностью достаточных фоновых знаний, социокультурного фона, в контексте которого функционирует изучаемый иностранный язык» [2, с. 32]. Более того, убеждение, в свою очередь, включает рассуждение, достоверность (правдивость) и мотивацию. Рассуждение означает обмен точками зрения и пониманием сущности данного вопроса со своим собеседником, путем «размышления» вслух, а именно: восстанавливая и прослеживая все действия, доводы, мысли, которые привели к данному умозаключению [3, р. 169]. Как известно, стремление убедить реализуется с помощью таких приемов обращения к аудитории, как: *пафос* (взывает к чувствам), *логос* (опирается на доводы разума) и *эмос* (апеллирует к нормам культуры).

Пафос реализуется путем обращения к чувствам и эмоциям коммуниканта. Средством убеждения может быть использование экспрессивных языковых средств, апеллирование к таким эмоциям собеседника, как страх, симпатия, радость, использование каких-то интересных жизненных историй и ситуаций, чтобы изменить взгляды и мнение аудитории и побудить ее к определенным действиям. Одним из наиболее ярких примеров реализации данной категории в общении и, в частности, в рекламе является такой стилистический прием, как игра слов – с формой, с содержанием, с тем и другим вместе. Во всех этих случаях игры со словом реклама пытается убедить клиента, развлекая его, создавая положительные эмоции, т. е. обращаясь к чувствам.

В более широком понимании коммуникативная стратегия убеждения строится на призывах к логике, разуму – это *логос*. В данном случае коммуникант опирается на различные аргументы, доказательства и рассуждения. Например, реклама лекарств, как правило, серьезно, с оттенком научности объясняет реципиенту принцип действия, медицинские показатели, преимущества перед другими препаратами и т.п. Реклама автомобилей, бытовой техники часто включает в себя перечисления конкретных технических преимуществ данной марки.

Сила убеждения *эмоса* основывается на знании и обыгрывании норм культуры и речи. Она основывается на доверии, опыте и характере коммуниканта, пытающегося убедить своего собеседника. Иначе говоря, способы убеждения этого типа, в частности, в рекламе обусловлены национальной культурой. Использование *эмоса*, *логоса* и *пафоса*, как видим, особенно ярко представлено в рекламе.

Убедительная речь невозможна без опоры на достоверность (правдивость) фактов, т. е. без создания таких условий восприятия, которые располагают слушающих к доверию и заставляют их поверить в то, что сказано [3]; последнее побуждает партнера по общению к определенной реакции посредством воздействия на его чувства, эмоции, мысли, потребности и ценности.

Эффект убеждения зависит от восприятия, понимания и интерпретации данного высказывания говорящим. Одно и то же высказывание может произвести различный прагматический эффект на различных коммуникантов и на одного и того же говорящего в различных ситуациях в зависимости от жизненного опыта, их интеллекта, их эстетического и эмоционального развития и даже их психического состояния в данный момент и преследуемых целей в данной ситуации, а также национальной психологии. Как констатирует Дж. Гумперз, наше восприятие и память являются результатом предрасположенности и склонности, характерной для определенной культуры. Когда люди с различными социально-культурными особенностями и ценностями сталкиваются друг с другом, это может привести к возникновению трудностей в общении. А причиной

этих трудностей и непонимания являются «сигнальные механизмы», называемые «контекстуализирующими знаками»: это вербальные и невербальные знаки, которые соотносятся с тем, что было сказано, и на основе которых возникают контекстуальные предположения, т. е. это фоновые знания, которые позволяют делать соответствующее умозаключение о том, что собеседник намеревался передать словами» [4, p. 147].

Убедить значит вселить в собеседника уверенность в том, что истина доказана, что данное утверждение неоспоримо. Как видим, в убеждении используется и логика, и эмоции, и эмоциональное давление (*Во-первых ... Поверь, так оно и есть! Это действительно так! Я это точно знаю! И другие так думают* и проч.) [1, с. 59–61].

Основными приемами и способами коммуникативной стратегии убеждения являются следующие:

а) создание достоверности путем обмена опытом, впечатлениями, цитированием достоверных источников, демонстрацией успехов, компетентности и квалификации;

б) воздействие на эмоции, поскольку многие люди руководствуются, в основном, своими эмоциями, нежели разумом в решении важных вопросов. Этого можно достичь с помощью историй / рассказов, ситуаций и примеров из прошлого опыта с использованием эмоционально-экспрессивных средств различных языковых уровней (фонетического, лексического, грамматического, стилистического);

в) использование логических аргументов и доказательств, подкрепленных конкретными данными, статистической информацией;

г) указание на пользу и преимущества данного предложения, мнения, действия, продукта и т. д., что демонстрирует, как данное утверждение / действие и проч. соответствует интересам собеседника;

д) использование подтверждения и поддержки данного мнения, взгляда, действия, поступка и проч. со стороны общества; здесь имеется в виду тот факт, что, как правило, люди следуют примеру других, т. е. если один – два – три человека поддерживают данную точку зрения, то и другие к ним присоединяются;

е) указание на ограниченность доступности данного предмета / продукта, призывая таким образом своего собеседника / аудиторию к необходимости приобрести его как можно скорее;

ж) повторение ключевых моментов сообщения, что способствует лучшему пониманию и запоминанию смысла сообщения;

и) представление примеров решения данной проблемы, что может побудить собеседника к соответствующим действиям или последовать предложенному решению;

к) поощрение взаимных уступок, взаимной поддержки, взаимовыручки и взаимопомощи, например, небольшой подарок или скидка и проч.; в данном случае аудитория будет вынуждена реагировать соответственно;

л) уверенность, доходчивость, логичность, доказательность и обоснованность, наглядность.

Речевое взаимодействие между носителями разных языков возможно и может быть реализовано при условии осознания различий и особенностей иноязычной культуры, особенностей взаимодействия различных культур и овладении этими особенностями, тем более, если речь идет о таких ситуациях, где требуется не только обеспечить взаимопонимание, но и убедить своего собеседника в правоте своей точки зрения. Таковыми ситуациями могут быть обсуждение каких-либо торговых сделок, каких-то проблем на научных конференциях, симпозиумах, встречах, делового сотрудничества в целом.

В межкультурном общении сказанное может быть понято двусмысленно (неопределенно) из-за различий между разными языками (лингвистическими, паралингвистическими, социокультурными, т. е. культурно-специфическими ценностями и значимостью контекстуальных факторов, а также социопрагматическими ценностями), поэтому восприятие и смысл одного и того же контекста в процессе общения может быть разным. Как считает Б. Уорф [5, с. 14], в различных языках люди воспринимают действительность по-своему, и эта воспринимаемая реальность является «относительной» к языку воспринимающего. Это объясняется

более или менее правильной оценкой ситуации, которая показывает, как информант воспринимает внешние контекстуальные факторы, характерные для данной ситуации, такие как статус и отношения коммуникантов (доминирование и социальная дистанция), их права и обязательства, в том числе и внутренние контекстуальные факторы, указывающие на то, какое значение придает говорящий цели общения, своим намерениям, на вероятность того, поймет и согласится ли со сказанным адресат, а также на трудности для говорящего выполнить это [6, с. 50]. Очень часто эти трудности могут привести к переносу своих чувств, мыслей и восприятия на других [7, с. 53], т. е. говорящий ложно полагает, что его партнер по общению понимает, размышляет и делает соответствующие выводы и умозаключения, аналогичные его выводам и умозаключениям. А в межкультурном общении осуществляется не только перенос чувств, но и также культурных ценностей и особенностей поведения, что приводит к неправильной оценке других людей, их вербального и невербального поведения и ошибочным выводам и заключениям. Поэтому в межкультурном общении стратегии убеждения должны включать тщательный анализ, понимание своих собеседников, основанные на социопрагматических и социокультурных фоновых знаниях и ценностях.

Таким образом, коммуникативные стратегии убеждения в аспекте межкультурной коммуникации понимаются как способность восприятия и порождения речевых актов, основанных на социопрагматических и социокультурных знаниях и осознании национально-культурных особенностей и ценностей, включая и особенности национальной психологии с целью изменения отношения слушающего, его ценностей и взглядов, т. е. стратегии убеждения в межкультурном общении должны строиться на знании культурных особенностей и различий, способов построения аргумента, на умении понимать чувства, мотивы и намерения партнера по общению и соответственно реагировать.

Список использованной литературы

1. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.
2. Барышников, Н. В. Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе / Н. В. Барышников // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 28–32.
3. Sprague, J. The Speaker's Handbook / J. Sprague, D. Stuart. – Harcourt College Publishers, USA, 2000. – 159 p.
4. Gumperz, J. Discourse strategies / J. Gumperz. – Cambridge, Cambridge University Press, 1982. – 225 p.
5. Whorf, B. L. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf, Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1956. – 278 p.
6. Kasper, G. Variation in interlanguage speech act realization. In: Variation In Second Language Acquisition. Volume I: Discourse and Pragmatics. Edited by S. Gass, C. Madden, D. Preston & L. Selinker. Matters LTD / G. Kasper. – Clevedon, Philadelphia, 1989. – 288 p.
7. Robinson, G. L. Cross-Cultural Understanding. Processes and approach for foreign language, English as a second language and bilingual educators / G. L. Robinson. – Pergamon Institute of English, New York, 1985. – 133 p.

УДК 378.147:070:811Б—≥243Б—≥271:316.77

О. В. Солохина

МЕТОДЫ И ФОРМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДСТВАМИ МЕДИАОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье рассматриваются формы и методы формирования коммуникативной культуры иностранных студентов средствами медиаобразования, в частности, работа

с медиатекстом. Эффективность средств медиаобразования, а в частности, самого медиатекста, базируется на восприятии, понимании и интерпретации с последующим применением полученной информации. В статье также разбираются основные этапы работы с медиатекстом и уточняется понятие «жанр медиатекста».

Ключевые слова: медиатекст, коммуникативная культура, средства медиаобразования, жанр медиатекста.

В эпоху информационных технологий культура общения людей меняется. Меняются и методы формирования навыков коммуникативной культуры. Согласно концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 гг. предусмотрен переход к новой форме образования, которая имеет большую ориентированность на информационную подготовку обучающихся. Одним из средств реализации данного направления является использование средств медиаобразования в процессе обучения. Основная цель данной методики – сформировать культуру информационного потребления личности с помощью и на материале средств массовой информации, так как сегодня информация и медиа являются важными составляющими не только жизни отдельно взятого человека, но и всего общества в целом.

На практике реализация сформулированных теоретических положений формирования коммуникативной культуры подразумевает под собой применение разработанной методики с целью научить студентов ориентироваться в информационном потоке, используя все виды медиа: печатные, аудиальные, аудиовизуальные, электронные. Результатом данной деятельности должно стать формирование не только коммуникативной и информационной культуры студентов, но и умение успешно решать вопросы взаимопонимания и взаимодействия с носителями изучаемого языка, основываясь на нормах и традициях народа.

Эффективность средств медиаобразования, и, в частности, самого медиатекста, базируется на восприятии, понимании и интерпретации с последующим применением полученной информации. Хотя сам медиатекст представляет собой лишь набор знаков и символов, которые способны продуцировать смысл, содержание медиатекста воспринимается каждым человеком индивидуально и пропускается через систему личностных смыслов и понятий. Орлова О. В. в своей статье характеризует восприятие медиатекстов разных видов и жанров как интерактивное взаимодействие автора медиатекста и реципиента медиаинформации, реализованное актом коммуникации и техническими информационными средствами [1, 2].

При работе с медиатекстом можно выделить три этапа: организационно-мотивирующий, эмоционально-деятельностный, продуктивно преобразующий. Рассматривая более подробно каждый из этапов, можно сказать, что организационно-мотивирующий этап даёт возможность расширения имеющихся представлений о жанрах и особенностях представления и получения информации различными медиасредствами, а также создаёт условия для установки на восприятие медиатекста в зависимости от жанра. Можно выделить четыре уровня установочной деятельности при прохождении организационно-мотивирующего этапа: смысловая, целевая, операционная установки и психофизические механизмы реализации установки. Смысловая установка представляет собой модель выражения личностного смысла в виде устойчивой готовности к восприятию текста. Целевая установка выполняет функцию стабилизации действия и особенно необходима в случаях, когда внимание личности снижается из-за различного рода препятствий. Операционная установка предполагает использование уже имеющегося опыта поведения в конкретных ситуациях или использование предложенных педагогом решений. Психофизиологические механизмы реализации установки включают в себя сенсорные и моторные установки, которые способствуют полноценному усвоению медиатекста [3, 4].

Первичное восприятие медиатекста является началом эмоционально-деятельностного этапа и состоит из трёх уровней: внимание, соучастие, открытие. [5]. На стадии внимания обучаемый воспринимает медиатекст как знаковую систему, состоящую из слов, звуков, цвета, символов и т.д. В начале процесса первичного восприятия медиатекста внимание обучаемого

фокусируется на общем содержании и сопровождается временным интересом, который может возникнуть в начале восприятия и сойти на нет в конце. На стадии соучастия интерес к медиатексту возрастает, появляются ассоциации, полученная информация сравнивается с собственным жизненным опытом. Однако, соучастие может выражаться у разных людей по-разному и в различной степени. Это зависит от уровня индивидуально-личностных особенностей человека, образности его мышления и эмоционально-чувственной сферы каждого конкретного индивида. Чтобы сохранить длительный интерес к медиатексту и удержать внимание личности, можно использовать различные приёмы для подкрепления и продления мотивирующего состояния. Например, это может быть индивидуальная беседа педагога с обучаемым, использование наглядных примеров из собственного опыта, примеры из жизни известных людей или знакомых в окружении обучаемого и т.д. На стадии открытия обучаемый осознанно или интуитивно обнаруживает смысл произведения, заложенный автором, и внутренне переживает его, завершая восприятие [5].

После перечисленных стадий восприятия медиатекста следует его анализ. Анализ представляет собой постепенно усложняющуюся деятельность сознания от эмоционального к рациональному через комплекс вопросов и заданий, направленных на понимание медиатекста в многовекторном контексте, определение основной идеи медиатекста и, как следствие, формирование личностной оценки. Задания, предлагаемые обучаемым, должны помочь проанализировать медиатексты с разных точек зрения и восприятия. Например, это может быть анализ личности главного или второстепенных героев, анализ языкового строя, построения предложений, использование лексики для описания деталей сюжета, анализ медиатекста с точки зрения моральной оценки автора в нравственно-этическом аспекте, и в завершение, конечно, личностная оценка, т. е. анализ отношений героев, их чувств, их поведения. Конечно, речь не идёт об использовании какого-то одного вида анализа, а об их сочетании. Это поможет сделать работу с медиатекстом интересной и увлекательной для студентов. При проведении анализа медиатекста происходит перенос понятий и способов действия информации, заложенной в медиатексте, в новые условия применения [6]. Используя полученные в процессе работы с медиатекстом знания и умения, индивид переносит их в новую ситуацию, что является показателем творческого мышления.

В современном и постоянно меняющемся мире умение воспользоваться полученными знаниями приобретает всё большую значимость. Мы постоянно и в большом количестве получаем информацию из разных источников, как в процессе коммуникации с другими представителями общества, так и из различных медиаисточников. Многосторонний процесс переноса информации подразумевает применение уже знакомой информации в процессе совершенствования общеучебных умений, которые в рамках компетентного подхода рассматриваются как важные инструменты самоуправления информационной деятельностью. В настоящий момент компетентный подход ставит на первое место не информированность, а умение находить решение проблемы, т.е. навыки и умения коммуникации. По мнению А. В. Фёдорова, основное отличие восприятия медиатекста от других видов восприятия состоит в его творческой направленности, которая может выражаться в виде разного рода творческих работах. Например, написание интервью, создание рекламы и анонса к фильму или какому-то продукту и т. д. При творческом переосмыслении медиатекста возможны варианты его восприятия и понимания. Так, каждый может выбрать для себя наиболее важный и впечатливший образ, персонаж или событие, оформить высказывание, используя разные языковые и художественно-образительные средства. Таким образом, авторский творческий продукт представляет собой «смысл медиатекста в концептуальной системе реципиента», который можно рассматривать как материализованный продукт интерпретации медиатекста и как результат интерпретации внутреннего мира индивида, создающего этот продукт [7].

Анализируя методы работы с медиатекстами, следует уточнить само понятие «жанр медиатекста». Жанры в системе медиа определяются как «формально-характерные способы, в которых происходит особая презентация содержания с последующим его предъявлением массовой

аудитории» [8, с. 149]. Как классические, так и современные жанры медиа, включая интернет-медиа, реализуются различными способами и отличаются формой конечного продукта. Невозможность провести чёткое разграничение современных жанров медиатекстов, нестабильность и подвижность их границ можно объяснить постоянным расширением коммуникационного пространства и связанным с ним развитием информационных технологий, и особенно возможностей и технологий сети интернет. Все современные медиатексты имеют такие черты, как мультимедийность, т. е. использование в медиатексте вербальных и невербальных составляющих, например, одна из самых распространённых форм – сочетание слова и звука, или сочетание слова, звука и иллюстрации и т. д. Также медиатекстам присуща такая черта, как гипертекстуальность. Это обозначает наличие внешних и внутренних ссылок для осуществления связи отдельных частей текста, что помогает добиться многопланового содержания медиатекста. Также можно назвать полифункциональность, т. е. возможность использования медиатекста не только как источник получения информации, но и для последующего её использования, и интерактивность, которая даёт возможность быстро устанавливать обратную связь между автором медиатекста и реципиентом. Полифункциональность и интерактивность являются неотъемлемыми атрибутами современного медиатекста.

Список использованной литературы

1. Пищальникова, В. А. Концептуальный анализ художественного текста: учеб. пособие / В. А. Пищальникова. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1991. – 87 с.
2. Орлова, О. В. Медиавосприятие: узнавание, видение или участие [Электронный ресурс] / О. В. Орлова // Медиа. Информация. Коммуникация. – 2013. - № 7. – Режим доступа: <http://mic.org.ru/vup/> – Дата доступа: 15.06.2024.
3. Восприятие и действие / А. В. Запорожец [и др.]; под ред. А.В. Запорожца. – М. : Просвещение, 1967. – 323 с.
4. Асмолов, А. Г. Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 151 с.
5. Прозоров, В. В. Художественный текст и читательское восприятие (К теории вопроса) / В. В. Прозоров // Филол. науки. – 1978. – №1. – С. 11–17.
6. Мельник, Г. С. Mass media: психологические процессы и эффекты / Г. С. Мельник. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 160 с.
7. Рогозина, И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект / И. В. Рогозина. – М. : Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2003.–290 с.
8. Пастухов, А.Г. Медиажанры и медиаформаты: к разграничению понятий / А. Г. Пастухов // Учебн. пособие Орл. гос. ун-та. – 2015.– № 5 – С. 148–153.

УДК 372.881.1

Е. В. Цупикова, Г. Н. Мусагитова

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СТАНОВЛЕНИИ НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА ПЕРЕВОДЧИКА

В статье рассматриваются понятие и составляющие языковой картины мира и их влияние на становление и развитие научной картины мира переводчика. Приводятся сопоставление разных подходов в рассмотрении понятия концепта, соотнесение аспектов языковой

и научной картин мира в процессах овладения иностранным языком; делается вывод о необходимости мыслительной реорганизации концептов языка с целью их научного описания и систематизации.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, культурно-языковой код, познание, научная картина мира, понятие.

Овладение иностранным языком предполагает формирование языковой картины мира (далее – ЯКМ), присущей носителям языка, позволяющей не только обогатить свое мировоззрение видением мира с различных позиций, через призму двух языков, но и создать основу для развития научной и профессиональной картин мира переводчика. Составляющие ЯКМ выступают как программа изучения языка, включающая сопоставление содержания концептов родного и иностранного языков, которые, в свою очередь, образуют культурно-смысловые коды в виде совокупностей текстов разных стилей. ЯКМ со своими установками и моделями оказывает серьезное влияние на развитие научной картины мира, в которой не находится места для идиоэтнических, упрощенных и стереотипных представлений. Задачей переводчика становится преодоление такого влияния и осознанная мыслительная деятельность по организации и развитию универсальной для всех языков научной картины мира на основе ЯКМ.

Языковая картина мира в научной литературе определяется как знания о мире, интегрированные в языковые единицы, исторически сложившаяся в сознании носителей языка система представлений об окружающей действительности [1, с. 6]; социально наследуемые элементы национальных знаний и культуры, запечатленные в семантике языка [2, с. 141].

Языковая картина мира – формируемая у всех носителей языка при овладении им совокупность представлений о мире, организованная в целостную систему мировоззрения, заключенная в значениях единиц языка, а именно: предписания, убеждения, оценки и отношения, объем и содержание понятий, способы и основания категоризации мира, концепты культуры, стереотипы и модели мышления и поведения, символика и др.

Перечисленные элементы можно считать составляющими языковой картины мира, имеющими разное материальное воплощение в языке – различной длины и семантической насыщенности единицы языка как информационные культурные коды:

– слова (объем и содержание понятий, в том числе концепты, определяемые как синонимы смысла, содержания понятий [3, с. 23]);

– объединения слов (тематические ряды, гипонимические, гетеронимические, антонимические, синонимические и др. ряды и пары, отображающие логические связи объектов и явлений в системе языка);

– метафоры и сравнения (поиск формального /функционального сходства объектов на основе обнаруженных ассоциаций разных типов культурно предопределен: носители того или иного языка имеют сходные предпочтения в обозначении объектов метафорическим переносом [4];

– фразеологические единицы, в том числе пословицы и поговорки (в свернутом виде несущие сентенционные тексты о том, как выстраивать траектории собственной жизни: «культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит» [3, с. 82]; «пословицы – это по традиции передаваемые из поколения в поколение языковые выражения, отражающие веками сформировавшуюся обыденную культуру, в которой в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [5, с. 243].

Все перечисленные языковые единицы либо представляют собой концепты, либо связаны с каким-либо концептом, либо включают концепт как составляющую.

Среди подходов к определению понятия концепта в научной литературе следует упомянуть три основных подхода (рисунок 1).

Подход	Сущность концепта	Обобщающая формулировка
Лингвокогнитивный (Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев)	«оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (linguamentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [6]	= способ и результат квантификации и категоризации знаний, оперативная единица мысли, та или иная форма абстрагирования = единица ментальных и психологических ресурсов сознания и отражающая некое знание информационная структура
	«намек на возможное значение», «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [7]	
	базовая аксиоматическая категория, неопределяемая и принимаемая интуитивно, как гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта [8]	
Лингвокультурологический (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик)	«сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «...то, посредством чего человек ...входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [9]	= ментальная сущность антропоцентрического характера, отражающая культурную специфику нации
	«это понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса [10]	
	многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [11]	
Психолингвистический (В. А. Пицальникова)	совокупность всех знаний и мнений, связанных с той или иной реальией [12]	= объем, содержание понятия + все связанные фоновые знания; операторная единица яз сознания, УПК – квант опыта

Рисунок 1 – Подходы к осмыслению понятия *концепт*

Единицы языка, несущие национальную культурную информацию, передают разные культурно-языковые коды. Культурно-языковой код – это совокупность (сеть, система) знаков материального и духовного мира, выражающих представления носителей языка о реальности и ее составляющих и их пространственных и временных характеристиках [5, с. 243] и передающая культурные смыслы; способ анализа, оценки, категоризации и структурирования внешнего мира через призму культурных особенностей [13].

Выделяются следующие культурно-языковые коды: **соматический** (отображающий чувственное восприятие мира индивидом и его эмоциональные отклики на объекты и явления действительности, например: раздражение – *сидит в печенках*, стыд – *покраснеть до корней волос*, гнев – *под горячую руку*, страх – *душа в пятки ушла* и др.), **биоморфный** (отображающий представления о растительном и животном мире: *медлительный, как черепаха, хитрый как лиса, прекрасная, как роза, нежная, как фиалка*), **предметный** (отображающий представления о предметах и их пространственных расположениях: *нож в сердце – нож* как страдание, *лезть на стену – стена* как гнев, раздражение), **мифологический** (отображающий вторичную реальность, содержащий стереотипные фольклорные представления о персонажах: *черт попутал – черт* как искуситель, пакостник).

Таким образом, в составе языковой картины мира можно выделить следующие подсистемы:

1. Ценностная картина мира – компонент ЯКМ, содержащий систему оценочных суждений, содержание которой сложилось в результате воздействия на языковую личность религии, морали, фольклора, литературы лингвокультурного сообщества.

2. Регулятивная картина мира – компонент ЯКМ, содержащий систему предписаний, советов, предупреждений, содержание которых основано на моделировании и анализе обобщенных ситуаций реагирования на стимулы разного характера.

3. Наивно-логическая картина мира – компонент ЯКМ, включающий системы представлений о сущности понятий окружающей действительности, их взаимосвязях и взаимодействиях.

Формируя ЯКМ по мере освоения языка, индивид руководствуется в своем поведении и мышлении ее установками и моделями, что неизбежно влияет и на становление его научной и профессиональной картин мира.

Начальный этап научного познания, по Э. Кассиреру, находится под сильнейшим влиянием языковых моделей и стереотипов: «...отправной точкой всякого теоретического познания является уже сформированный языком мир: и естествоиспытатель, и историк, и даже философ видят предметы поначалу так, как им их преподносит язык» [14]. Задачей ученого становится преодоление этой власти языка и перевод своей мыслительной деятельности в сферу научной картины мира: «Научное познание, возвращенное на языковых понятиях, не может не стремиться покинуть их, поскольку оно выдвигает требование необходимости и универсальности, которому языки как носители определенных разнообразных мировидений, соответствовать не могут и не должны» [14].

Б. Уорф отождествлял ЯКМ и НКМ: по его мнению, система языка подсказывает исследователю пути организации потоков поступающей из внешнего мира информации, служит инструментом их упорядочения и систематизации [15].

По Й. Л. Вайсгерберу [16], ЯКМ существенно влияет на научное познание, но, в отличие от НКМ, имеющей свойство универсальности, ЯКМ идиотнична. Так как целью науки является достижение предельной объективности, ученый должен исключить всякого рода субъективные элементы, в том числе и национальные. Конкретный же язык существует лишь в субъективно-этнических рамках, представляя собой призму, через которую видят мир его носители. Полностью убрать из НКМ национальную специфику невозможно, однако, по Вайсгерберу, к этому нужно стремиться каждому человеку, работающему в науке. Ученый допускал некоторую свободу научного сознания от ЯКМ, но лишь в том смысле, чтобы в ее рамках получить некую индивидуальность взгляда на мир, опять же ограниченную национальной спецификой.

Классификации и категории, имеющиеся в языке индивида, задают, в конечном счете, формирование его ЯКМ, которая, вследствие гораздо большего по времени функционирования языка по сравнению со временем развития научного познания, во многих моментах является наивной. В итоге, не ЯКМ определяет мировоззрение исследователя, а сама информация внешнего мира в сочетании с независимой концептуальной ее интерпретацией в сознании реципиента.

Научная картина мира имеет две подсистемы – общенаучную и профессиональную. Общенаучная подсистема включает научные знания о мире в целом; профессиональная картина мира является обязательной составляющей профессиональной компетентности специалиста,

включая его знания о сфере профессиональной деятельности: в данном понятии отображаются особенности работы когнитивных механизмов индивида-представителя определенной профессии [17], «профессиональная языковая картина мира является формой выражения единого содержательного инварианта профессионального знания» [18, с. 100].

Единицами профессиональной картины мира являются термины, профессионализмы, номенклатура, «нетерминологическая лексика, которая объективирует обыденные и фоновые знания» [19, с. 169], совокупность специальных текстов той или иной научной области.

Формирование ЯКМ и НКМ и их основные единицы представим в виде схемы (рисунок 2).

Рисунок 2 – ЯКМ и НКМ и их основные единицы

Таким образом, в процессе обучения иностранному языку в первую очередь формируются ценностный, регулятивный и наивно-логический аспекты ЯКМ, каждому из которых свойственна логическая завершенность и оформленность в виде национально специфичных и непреложных концептов. Выступая основой развития НКМ, концепты подвергаются в процессах познания уточнению, коррекции, перегруппировке, сопровождающимся осознанной «автоинспекцией». Результатом такой мыслительной деятельности являются универсальные условные единицы, системно организованные в НКМ переводчика.

Список использованной литературы

1. Закирова, Е. С. Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей (на материале английского и русского языков для специальных целей в сфере автомобильного транспорта : автореф. дис. ... док. филол. наук : 10.02.20,10.02.01 / Е. С. Закирова. – Москва, 2015. – 46 с.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 300 с.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

4. Красавский, Н. А. Метафора как способ художественной экспликации ассоциативно-образных признаков концепта «страх» в повести Стефана Цвейга «Жгучая тайна» / Н. А. Красавский // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 18 октября 2013 г.). – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – С. 449–454.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
6. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
7. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Под об. ред. В. П. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 280–287.
8. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин / Москва : АСТ «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
9. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
11. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
12. Пищальникова, В. А. Общее языкознание. Учеб. пособие для филол. факультетов / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. – 238 с.
13. Красных, В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований / В. В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2013. – № 2. – С. 7–18.
14. Радченко, О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О. А. Радченко. – Москва : УРСС, 2006. – 310 с.
15. Уорф, Б. Л. Язык, мышление, действительность / Б. Л. Уорф; пер. с англ. В. И. Фролова. – Москва : Альма Матер, 2024. – 334 с.
16. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер; пер. с нем. О. А. Радченко. – Москва : УРСС, 2004. – 229 с.
17. Сулейманова, А. К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / А. К. Сулейманова. – Уфа, 2006. – 47 с.
18. Чернышова, Л. А. Профессиональная языковая картина мира: общее и национально-обусловленное / Л. А. Чернышова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 6-2. – С. 98–102.
19. Матвеева, О. В. Медицинская терминология как один из языков для специальных целей / О. В. Матвеева // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : Материалы восьмой международной научно-практической конференции, Самара, 25–26 сентября 2013 года. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2013. – С. 165–171.

В. В. Аверьянова

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ С ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ-НОСИТЕЛЕМ ЯЗЫКА

Описываются преимущества изучения иностранных языков с носителями языка в роли преподавателей: иммерсивный характер обучения, психологическое влияние и эустресс, моделирование и ассимиляция речевых образцов, культурное погружение. В то же время в исследовании подвергается сомнению идея о том, что владение языком на уровне носителя автоматически обеспечивает эффективное преподавание. В статье подчёркивается важность специальной подготовки преподавателей, рассматриваются случаи, когда обучение с носителями не оправдывает ожиданий, включая начальные этапы изучения языка и подготовку к языковым тестам.

Ключевые слова: носитель языка, обучение иностранному языку, преподаватель, тесты TOEFL, IELTS, культурное погружение, эустресс.

Тема привлечения носителей языка в качестве преподавателей иностранных языков остается актуальной в контексте глобализации и увеличения доступности образовательных технологий. Однако популярные представления о несомненных преимуществах таких методик не всегда находят подтверждение в реальности образовательного процесса. Данное исследование направлено на анализ распространенных стереотипов с учетом современных исследований в области прикладной лингвистики и образовательной психологии.

Существует мнение, что носители языка по умолчанию являются лучшими преподавателями за счет своего глубокого понимания языка. Однако владение языком на уровне носителя не гарантирует умения эффективно обучать ему. Носители языка могут эффективно передавать культурные и языковые нюансы, но часто недостаточно квалифицированы в методике обучения, что осложняет процесс усвоения материала учащимися.

Профессиональные навыки в области методики преподавания иностранного языка, способность объяснять грамматику, фонетику и лексику, доступно передавать сложные концепции и адаптировать учебный материал под нужды учащихся важны и часто требуют специальной подготовки.

Рассмотрим типичные ситуации, когда изучение иностранного языка с носителем может не оправдать ожиданий.

1. Изучение английского «с нуля».

Идея о преимуществах изучения иностранного языка исключительно с носителями требует критического осмысления, особенно в контексте начального этапа освоения языка. Вопреки распространенному мнению о методе «полного погружения» как о наиболее естественном и, соответственно, эффективном подходе к изучению языка, сравнимом с лингвистическим развитием детей, стоит отметить значимые различия в обучении взрослых.

Процесс обучения языку детей, действительно, характеризуется естественностью и непринужденностью восприятия, но он требует значительного времени – годы непрерывного и интенсивного взаимодействия с языковой средой. В контексте обучения взрослых подобный метод мог бы повлечь за собой непропорционально большие временные и ресурсные затраты.

Дополнительно, принимая во внимание начальные этапы освоения иностранного языка, крайне важно учитывать психологический комфорт обучающихся. Аналогия с обучением плаванию здесь весьма наглядна: так же как нецелесообразно оставлять неопытного пловца одного

в воде в надежде на его инстинктивные способности к адаптации, так же рискованно обучать начинающего без предварительной поддержки и подготовки. Исходный контакт с языком в условиях крайнего недопонимания может стать источником сильного стресса и, как следствие, отторжения и демотивации.

На опыте большинства успешно освоивших иностранный язык можно утверждать, что наличие базовых знаний, полученных в более комфортной обучающей среде, значительно упрощает последующее общение с носителями языка. Эффективная стратегия предполагает сначала развитие основ грамматики, лексики, произношения и слушания в родной или уже известной языковой среде. Только после достижения определенного порога владения языком целесообразно вводить практику с носителями для углубления языковых навыков и культурного обогащения.

2. Подготовка к языковым тестам TOEFL, IELTS.

Профессиональная подготовка к языковым тестам требует от преподавателя знаний, выходящих за рамки простого владения языком. В первую очередь, многие носители языка, даже прекрасно владеющие им в повседневной жизни, зачастую не имеют необходимых навыков для объяснения грамматических правил, которые им кажутся интуитивно понятными. Например, объяснение употребления времен и модальных глаголов может стать проблемой для носителя, который никогда не сталкивался с необходимостью анализировать языковые структуры в образовательных целях.

Вторая значимая проблема заключается в необходимости детального понимания структуры и требований экзаменов. Преподаватель должен обладать знаниями о форматах заданий, критериях оценивания и стратегиях успешной сдачи экзаменов, что часто лежит за пределами компетенции многих носителей языка, которые не прошли специального обучения в плане подготовки к таким тестам.

Следует также отметить, что русскоязычные преподаватели, специализирующиеся на преподавании иностранных языков, могут быть эффективны в обучении русскоязычных студентов для сдачи тестов TOEFL и IELTS. Они лучше понимают общие трудности, с которыми сталкиваются учащиеся, и могут предложить специализированные методики преодоления этих трудностей на основе сравнения грамматических и лексических систем языков.

Итак, цель обучения с носителем языка оправдана, если речь идет о повышении коммуникативной компетенции в рамках свободного разговорного взаимодействия или о погружении в культурную среду языка. Однако для целей подготовки к международным языковым экзаменам более рациональным выбором будет преподаватель, имеющий специальную подготовку и опыт в данной области, способный обеспечить методически грамотное и содержательно полное обучение с акцентом на особенности экзаменационных процедур.

Несмотря на указанные выше нюансы, обучение иностранному языку с носителем этого языка обладает рядом уникальных преимуществ, которые можно продемонстрировать, исследуя педагогические, лингвистические и психологические аспекты процесса обучения.

1. Иммерсивный характер обучения

Занятия с носителем языка создают ситуацию, в которой обучаемые погружаются в языковую среду с первых минут. Это способствует выработке умений аудирования и говорения в условиях естественного языкового контекста. Подобное обучение не позволяет учащемуся опираться на перевод с родного языка, что способствует развитию языковой догадки и способности к контекстуальному угадыванию значений слов и выражений, чем значительно обогащает коммуникативные навыки.

2. Психологическое влияние и эустресс.

Согласно психологическим исследованиям, положительный мобилизирующий стресс (эустресс) может способствовать улучшению познавательной деятельности. Обучение с носителем языка генерирует именно такой вид стресса, мотивируя учащегося принимать более активное участие в процессе обучения, что ускоряет усвоение языка.

Многие студенты не хотят и не нуждаются в идеальной грамматике и идеальном понимании правил английского языка, но им необходимо обрести уверенность в общении с носителями языка [1, с. 98]. Подобный эустресс способствует психологической адаптации и снижению боязни коммуникативного взаимодействия с носителями языка.

3. Моделирование и ассимиляция речевых образцов.

В процессе обучения с носителем языка студенты не только учатся грамматическим правилам языка, но и непосредственно моделируют речевые образцы: интонацию, произношение, манеру речи. Особенно ценно подражание произношению и интонации носителя. Это дает возможность не только изучать язык, но и ассимилировать его на более глубоком уровне, ведь язык – это не просто система правил, это также и живая, изменяющаяся среда коммуникации.

4. Культурное погружение.

Обучение с носителем языка также предоставляет уникальные возможности для культурного обмена и погружения. Студенты получают возможность не только изучать язык, но и познавать культурные аспекты страны через взаимодействие с преподавателем. Это способствует формированию межкультурной компетентности, которая является ключевой в современном мультикультурном мире.

При выборе носителя языка стоит учесть его профессиональную подготовку и личностные качества. Педагог должен обладать не только знаниями, но и умениями их преподавать. Очень важна способность преподавателя составлять план урока, ориентируясь на цель обучения, и работать над достижением цели с помощью определенных стратегий преподавания. Учитель также должен уметь вовлекать учащихся в процесс обучения и предоставлять им возможность обратной связи. Хороший учитель обладает терпением, энтузиазмом, юмором и креативностью, любит свою работу и постоянно совершенствуется.

Некоторые ученые предлагают в качестве оптимального решения привлекать для проведения занятий как носителей языка, так и русскоязычных преподавателей [2, с. 254–255], которые могут поочередно проводить занятия, при согласованности общей программы и обеспечении системного подхода. При этом крайне важно совместное планирование занятий, посещение и анализ учебных занятий друг друга, консультации. Так можно наиболее эффективно использовать те преимущества, которые предоставляет обучение с носителем и неносителем языка.

Таким образом, выбор преподавателя должен опираться не только на его языковой профиль, но и на профессиональную подготовку, опыт и умение отвечать на индивидуальные нужды учащихся. На предварительном этапе обучения, особенно для начинающих, может быть предпочтительнее работа с преподавателем, владеющим языком учащегося, чтобы обеспечить более тщательное и осмысленное изучение основ иностранного языка.

Занятия с носителями языка могут быть очень полезны на более поздних этапах изучения, когда у учащихся уже сформирована стабильная база и существует потребность в освоении идиоматических выражений, совершенствовании произношения, повышении уровня понимания разговорного языка и расширении словарного запаса. Взаимодействие с носителями языка также стимулирует культурное погружение и помогает развивать межкультурные коммуникативные навыки.

Список использованной литературы

1. Luksha, I.V. Pros and Cons for Using non/native English Speaking Teachers / I. V. Luksha, E. N. Solovova // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Выпуск 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 97–99.
2. Митина, А. М. Эффекты взаимодействия отечественного преподавателя и носителя языка при обучении иностранному языку / А. М. Митина, Е. В. Новоженкина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – № 11. – С. 253–256.

И. Н. Авилкина

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ НЕЛИНЕЙНЫХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье представлена проблема чтения нелинейных текстов студентами неязыковых специальностей. Автор статьи обосновывает необходимость формирования навыков чтения нелинейных документов на занятиях по иностранному языку. Выявляются трудности при работе с нелинейными текстами на иностранном языке. Дается определение понятию нелинейного текста и определяются его характеристики. Для решения настоящей проблемы разрабатывается алгоритм чтения нелинейных текстов на немецком и французском языках.

Ключевые слова: чтение, речевая деятельность, нелинейный текст, график, диаграмма, таблица, навыки.

Чтение является неотъемлемым видом речевой деятельности в обучении иностранному языку. Первое, чему учатся учащиеся на уроках иностранного языка – это алфавит, правила чтения, а затем уже грамматика, аудирование, письмо, извлечение информации из текста через корректное понимание изложенного.

Целью чтения, его результатом считается понимание, которое характеризуется как количеством извлекаемой из текста информации, так и характером её переработки. Понимание варьируется по степени полноты, глубины и точности. Виды чтения различаются с учётом того, какая коммуникативная задача выдвигается перед чтецом. Различают следующие виды чтения: ознакомительное, поисковое, просмотровое, изучающее.

Вопросами обучения чтению как одному из видов речевой деятельности занимались такие учёные как Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, С. К. Фоломкина и др. Они рассматривали обучение чтению как практику речевой деятельности, т.е. коммуникацию, а не только как извлечение количественной и качественной информации. Для реализации этого положения материалы для чтения должны быть текстами, обладающими всеми признаками коммуникативной единицы, а не иллюстрациями на ту или иную тему [1, с. 221; 2, с. 191; 3, с. 98.].

Кроме того, обучение чтению должно строиться как познавательный процесс, для поддержания мотивации студентов, текстовый материал должен иметь актуальный характер и новизну, значимую в профессиональном плане.

Наряду с этим, современные авторы для большей убедительности, привлекательности и точности текстовой информации часто добавляют в материал диаграммы, таблицы, схемы, рисунки. На занятиях по иностранному языку такие материалы чаще всего игнорируются студентами в связи с неумением их прокомментировать. В связи с чем формирование навыков чтения нелинейных текстов на иностранном языке становится актуальной задачей в наши дни.

В нашей статье речь пойдёт о чтении нелинейных текстов студентами неязыковых специальностей и проблеме корректного воспроизведения и правильного понимания данных документов. Нелинейный текст представляет собой графический материал в виде таблиц, графиков, диаграмм, рисунков, карт, схем и требует особых навыков при его репродуцировании.

Исходя из этого, лингвисты Н. М. Валюшина и А. П. Рыбникова выделяют следующие характеристики несплошных текстов [4, с. 56; 5, с. 73.]:

- нестандартное представление информации;
- краткость изложения материала;
- визуализация, наличие вербальных и невербальных элементов;
- наличие математических символов, условных обозначений и другое (рисунок 1).

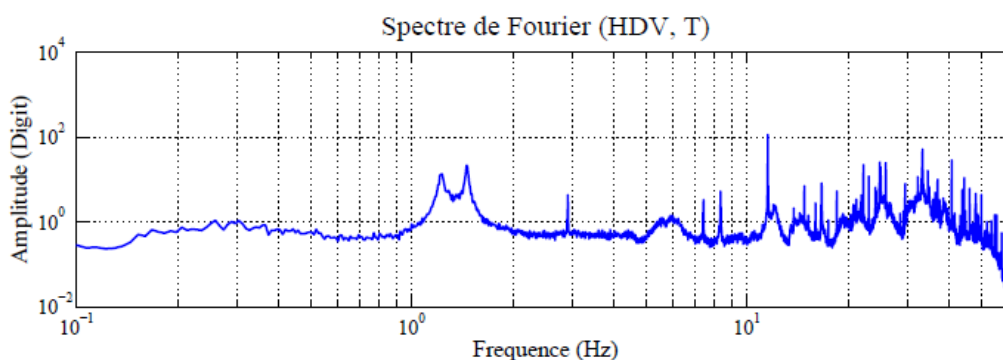

Рисунок 1 – Spectre de Fourier d'un signal enregistré par la station OGH6 (composante T), il contient peu d'énergie au voisinage de la fréquence de Nyquist

В профессионально ориентированных текстах часто встречаются графики, таблицы, диаграммы, без понимания которых невозможно полное восприятие необходимой информации. Особенно мы с этим сталкиваемся с учащимися магистратуры и аспирантуры, когда речь идёт об аннотировании и переводе научно-публицистических и профессиональных текстов. Как показывает практика чтения нелинейных документов, учащиеся магистратуры и аспирантуры по техническим специальностям чаще всего пропускают эту информацию, так как не знают, с чего начать описание графика или диаграммы. Возникает вопрос, нужно ли это описание вообще включать в сообщение и как правильно читаются многие измерительно-математические термины в графических изображениях. Исходя из опыта работы с профессионально-технической литературой и документами, можно с уверенностью сказать, что корректное чтение нелинейных текстов не только обогащает устную речь учащихся, но и выводит на новый уровень профессиональной компетентности.

В связи с этим мы решили провести небольшое исследование среди учащихся первого курса ИМА (Институт магистратуры и аспирантуры) сибирского государственного университета СибАДИ по направлению «Строительные конструкции», «Машиностроение» и «Градостроительство», с целью выявить трудности в чтении нелинейных текстов. В опросе приняли участие 23 респондента, которые ответили на вопросы, представленные в таблице 1. Результаты анкетирования представлены в процентном содержании.

Таблица 1 – Чтение нелинейных текстов на иностранном языке

Вопросы	Скорее да	Скорее нет	Затрудняюсь ответить
1	2	3	4
1. Знаете ли Вы, что такое нелинейный текст?	15 %	80 %	5 %
2. Часто ли вам приходится читать тексты на иностранном языке с диаграммами и схемами?	75 %	18 %	7 %
3. Умеете ли вы комментировать нелинейный текст?	12 %	69 %	19 %
4. Вы учились когда-нибудь читать нелинейные тексты на занятиях?	0 %	89 %	11 %
5. Делаете ли вы аннотирование текстов на иностранном языке?	90 %	8 %	2 %
6. Как вы считаете, диаграммы, таблицы, рисунки делают текст интереснее?	98 %	2 %	0 %

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
7. Используете ли вы схемы, диаграммы, таблицы для аннотирования текстов?	26 %	70 %	4 %
8. Хотели бы вы научиться читать нелинейные тексты?	100 %	0 %	0 %

Результаты диагностирования показали, что большинство учащихся не обращают внимание на графические иллюстрации в изучаемом тексте или просто упоминают при ответе об их присутствии. Но происходит это не оттого, что это им неинтересно или они считают это не очень важным, а оттого, что они просто не знают, как правильно прокомментировать нелинейный материал. Поскольку студенты, магистранты, аспиранты технических специальностей по долгу своих профессий много работают с научно-публицистическими текстами, где, несомненно, встречаются схемы, графики, чертежи, мы решили облегчить данную задачу. Для этого мы разработали алгоритм чтения нелинейных текстов на примере занятий по немецкому и французскому языкам и апробировали данный материал на практических занятиях. Алгоритм чтения нелинейных текстов представляет собой следующую последовательность описания графических данных (таблица 2).

Таблица 2 – Алгоритм чтения нелинейных текстов на немецком языке

1. Thema	– Dem Diagramm ist zu entnehmen, dass/wie... – Aus der Grafiker gibt sich dass...
2. Source	– Die Angaben basieren auf einer repräsentativen Umfrage unter..., die in der Zeit vom... bis zum... durchgeführt wurde.
3. Umschreibung/Erklärung Evolution	– hatsich im Zeitraum von 20... bis 20... (fast / mehrals) verdoppelt / verdreifacht / vervierfacht.
4. Beschreibung/ Erläuterung Vergleich	– Während 20... noch ...%... erhielten, waren es 20... nur noch...%. Gaben 20%... noch.% der Befragten an, dass sie ..., waren es 200... nur noch...
5. Kommentar/Fazit	– Die Grafik zeigt deutlich den kontinuierlichen Rückgang / Anstieg des / der...

Апробация данного алгоритма происходила на практических занятиях по немецкому языку в магистратуре и аспирантуре, демонстрируя положительные результаты. В зависимости от того, какая комплексная задача ставится перед учащимся (чтецом), каковы потребности специалистов в области чтения, определяем, какие из видов этой речевой деятельности ему необходимы и какие ситуации нужно предусматривать, создавать в процессе обучения. Студенты сами находят нелинейные тексты на соответствующих немецких сайтах и результативно комментируют их с помощью созданного алгоритма. Процесс чтения нелинейных текстов на французском языке имеет идентичную структуру и успешно используется учащимися на занятиях. Примеры нелинейных текстов представлены на рисунке 2.

Vorbilder und Idole 2022

– „Gibt es eine Lieblingsperson/-figur, für die Du besonders schwärmst?“ –

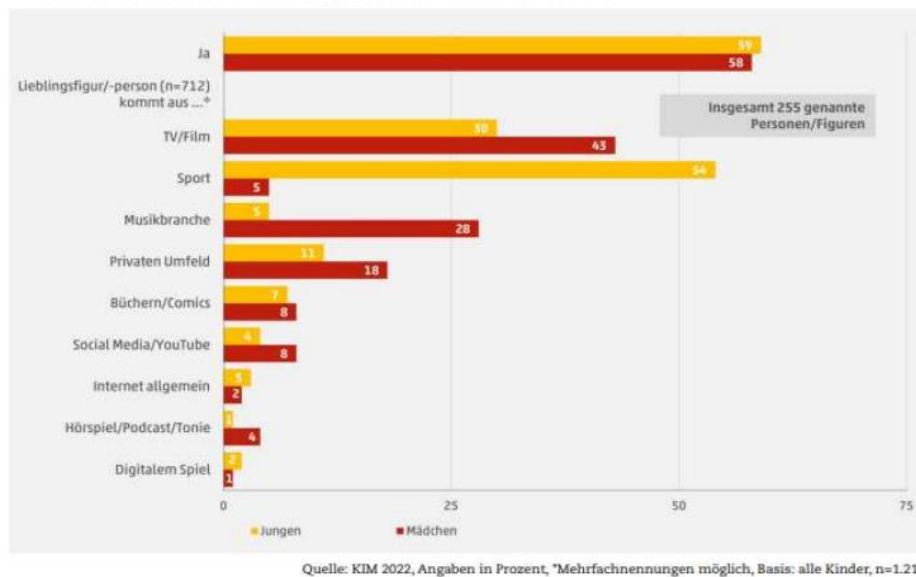

Рисунок 2 – Примеры нелинейных текстов

В заключение можно сделать вывод: согласно результатам исследования было установлено, что в работе с нелинейными документами у студентов развиваются прогностичность мышления, логичность и алгоритмизация сознания, способность к нестандартному восприятию материала.

Список использованной литературы

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : «ЭКСМО», 2024. – 544 с.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – М. : «Логос», 2001. – 384 с.
3. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе : учебно-методическое пособие / С. К. Фоломкина. – Москва : Высшая школа, 2005. – 253 с.
4. Валюшина, Н. М. Нелинейный текст как методическая проблема / Н. М. Валюшина // Сибирский учитель. – 2020. – № 2. – С. 40–47.
5. Рыбникова, А. П. Виды текстов в обучении иностранному языку: нелинейные тексты / А. П. Рыбникова // Разработка учебно-методического обеспечения для внедрения инновационных методов обучения при реализации ФГОС ВО: Материалы 14 научно-методической конференции ТПГУ им. Л. Н. Толстого, Тула, 18-19 декабря 2018 года / Под общей редакцией В. А. Панина. – Тула : Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2018. – С. 316–320.

УДК 378.147:811.111'271.1'36

Ю. Е. Акулич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПИСЬМЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ

В данной статье раскрываются вопросы, возникающие при обучении коммуникативной грамматике в рамках использования письменных коммуникативных заданий, направленных на совершенствование грамматических навыков. Подбор письменных заданий должен быть сбалансирован таким образом, чтобы материал и речевая деятельность соответствовали

тренировке грамматических конструкций. Письменные коммуникативные задания являются техническим компонентом письменного представления корректного использования грамматических явлений и конструкций.

Ключевые слова: коммуникативные задания, информационный пробел, пробел во мнении, коммуникативная деятельность.

Многие студенты и преподаватели настаивают на том, что традиционные методы тренировки грамматики неэффективны. Один из креативных и увлекательных способов преподавания коммуникативной грамматики, который, как известно, дает отличные результаты, – это обучение грамматике посредством письма.

Одна из причин, почему преподавание грамматики является такой сложной областью, заключается в том, что совершенствование грамматических навыков напрямую связано с совершенствованием навыков письменной речи. Учащиеся, не обладающие должным пониманием грамматики, могут испытывать трудности с контролем языковой грамотности при письме. Однако грамматика также является дисциплиной, которую многие учащиеся не любят и отказываются изучать.

Какими бы способами обучения не пользовались преподаватели, они имеют решающее значение для будущих успехов обучаемых. Работая над обучением грамматике посредством письма и чтения со своими учениками, можно использовать следующие методы преподавания.

1. Традиционный метод. Многие методисты утверждают, что данный метод является лучшим, он способствует стопроцентному усвоению грамматических явлений, так как основывается на запоминании правил и структур языка, их чрезмерной тренировке вне контекста.

Один из наиболее традиционных методов, возникший в конце девятнадцатого и начале двадцатого веков и предлагающий понимание грамматических правил в процессе перевода со второго языка на родной – это метод грамматического перевода. Использование этого метода предполагает, что студенты тратят много времени на чтение текстов, их перевод, выполнение упражнений и тестов. Положение грамматики на уроке с использованием метода перевода грамматики можно охарактеризовать следующим образом: даются длинные подробные объяснения сложностей грамматики; грамматика предоставляет набор правил соединения слов, а обучение фокусируется на форме и изменении слов; мало внимания уделяется содержанию текстов, которые трактуются как грамматика, предназначенная для анализа.

2. Модельный метод. Данный метод является одним из очень популярных способов обучения грамматике, выходящим за рамки традиционного метода, является модельный метод. Модельный метод, или обучение посредством моделирования, предполагает показ учащимся «моделей» хорошего письма и грамматики, которые они могут наблюдать и имитировать. Для обучаемых, для которых английский язык не является родным, это метод гораздо эффективнее для запоминания (так как помогает увидеть правильное использование грамматики в контексте), чем простое выполнение грамматического упражнения.

3. Обучение в контексте. Преподавание в контексте предполагает показ учащимся коротких примеров, устных или письменных, для иллюстрации грамматических концепций. Это творческое решение традиционных упражнений по грамматике, позволяющее обучаемым учиться с помощью забавных абзацев и историй, а не упражнений, которые многие студенты находят скучными.

4. Выборочный обзор грамматики, основанный на повторении материала. Для студентов, для которых английский язык не является родным, более важно обратиться к грамматической терминологии, а затем убедиться, что они имеют общее представление о том, как работает грамматика в устной и письменной речи.

Хотя студентам действительно необходимо подробно изучать грамматику, процесс изучения языка более сложен и не исчерпывается простыми грамматическими правилами. Студенты хорошо справляются с грамматическими упражнениями; однако, когда дело доходит до применения этой грамматики в их письме, они терпят неудачу, потому что письмо и грамматика преподаются, как правило, как отдельные понятия. Независимо от того, используются тексты до обучения или после него, студентам критически важно видеть грамматические

понятия в их соответствующем и реалистичном контексте. Если они не смогут понять закономерности и ситуации, в которых эти грамматические явления применимы, они не смогут выйти за рамки базовых упражнений. Просмотр представленных грамматических категорий в текстах позволит учащимся более уверенно использовать эти структуры в письменной речи.

После введения и отработки грамматических конструкций можно предложить студентам короткое неформальное письмо, иллюстрирующее эту грамматическую конструкцию. Будь то мини-рассказ или полное эссе, написание истории, направленной на выявление грамматической структуры, поможет студентам воспроизводить грамматику более естественно, чем выполнение обычных упражнений с предложениями. Кроме того, упор на письменные коммуникативные задания, а не на грамматику, укрепляет идею о том, что изучение языка – это не просто запоминание правил.

Один из подходов – сообщить студентам необходимое количество структур для каждого письма. Например, можно предложить упражнение «*Landscapes*», в котором студенты должны описывать предложенные ландшафты с модальными глаголами вероятности, возможности и способности.

Некоторые грамматические конструкции трудно выявить в разъяснительном письме. Например, настоящее длительное время используется в различных смысловых контекстах по сравнению с настоящим простым. Чтобы выявить широкий спектр употребления, можно использовать картинки в качестве письменных коммуникативных заданий. Например, задание «*Spot the difference*», в котором студентам нужно письменно описать разные ситуации, происходящие в аэропорту, используя разницу значений простого и длительного настоящего времени. В зависимости от конкретной грамматической структуры, которую вы преподаете, картинки дают студентам свободу использовать практически любую конструкцию. Для тренировки степеней сравнения и других сравнительных конструкций прилагательных можно предложить упражнение «*Men and women are from different planets*», в котором студенты описывают разницу мужчин и женщин, используя данную грамматическую структуру.

Без успешных письменных стратегий использования грамматики грамматические структуры сами по себе совершенно бесполезны. Коммуникативный подход является основополагающим для эффективного преподавания языка. Письменные задания в рамках коммуникативного подхода дают возможность совершенствовать не только грамматические навыки, но и навыки чтения. Так, например, на основе отрывков текста из упражнения «*Your views on technology*» студенты формируют правило употребления модальных глаголов совета, вероятности, запрета, убеждения:

1. *Children should be encouraged to play computer games.*
2. *The time children spend watching television and videos must be limited.*
3. *Mobile phones should be banned in public places.*
4. *Computer can't be used for anything creative.*
5. *I think I could be replaced at work by a computer.*
6. *Information doesn't equal wisdom.*

Следует отметить, что письменные коммуникативные задания, которые внедряются в учебный процесс для изучения грамматических явлений, должны быть сбалансированы, чтобы деятельность, направленная на тренировку и совершенствование внедряемых структур, достигла коммуникативной цели. Различные модели преподавания, включая традиционные, должны осуществляться на основе устного или письменного общения посредством использования креативных заданий, вовлекающих тренировку разных языковых навыков обучаемых.

Список использованной литературы

1. Kay, S. Reward Upper-intermediate. Communicative activities for students of English / Susan Kay. – The Lake school of English : Heinemann, 1996. – 118 p.
2. Klippel, F. Keep talking / F. Klippel. – Cambridge University Press : Cambridge, 1985. – 202 p.

П. В. Гибкий, В. С. Селезнева

**ПРИМЕНЕНИЕ CALL-МЕТОДА
В ХОДЕ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ
(НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МУЛЬТИМЕДИЙНОГО ЛИНГАФОННОГО КАБИНЕТА
ЛИНКО V8.2 И TELEGRAM- КАНАЛА)**

В статье рассматривается использование CALL-метода в ходе изучения иностранного языка в лингафонном кабинете. Описывается основной функционал лингафонного кабинета, его преимущества по сравнению с другими средствами обучения иностранного языка, возможности совершенствования навыков аудирования и говорения, а также условия применения CALL-метода в лингафонном кабинете при использовании «ПО Линко V8.2» и Telegram-канал «Китайский язык с Гибким Павлом» на занятии по китайскому языку.

Ключевые слова: методика обучения, китайский язык, аудирование иностранной речи, говорение, CALL-метод, лингафонный кабинет, Telegram-канал, мультимедиа, интерактивные уроки, медиафайлы.

Под CALL-методом в современной педагогической практике понимается использование широкого спектра ИКТ (информационно-коммуникационных технологий), в частности интеллектуальных обучающих систем, электронных образовательных платформ, систем управления образовательным процессом и др. [1, с. 357], см. также [2, с. 57–71]. В статье предлагается методика практического применения CALL-метода в лингафонном кабинете на занятиях по иностранному языку. Данный метод выступает в качестве средства воссоздания условий речевой деятельности, приближенных к естественной языковой среде, а также выступает инструментом передачи и получения информации. Необходимость использования лингафонного кабинета определяется аспектом изучения иностранного языка и применения методик для отработки соответствующих навыков.

По нашему мнению, на занятии по китайскому языку данный метод необходимо сочетать с коммуникативным подходом [3] к изучению иностранного языка и придерживаться следующей структуры: введение в атмосферу иноязычного общения, разминка, тренировка, речевая практика. Кроме того, при реализации сознательно-практического метода изучения иностранного языка [4], следует подробно объяснять студентам значение и употребление всех новых синтаксических явлений и лексических единиц, особенности произношения китайских звуков: инициалей и финалей. Необходимо обратить внимание студентов на то, что китайская фонологическая система в некотором смысле является антитетической по отношению к русской. Прежде всего, инициали и финали не являются полными коррелятами терминов «согласный» и «гласный»: инициаль всегда находится в начале слога, финаль – в конце (после инициали). Каждый слог произносится с тем или иным тоном, который выполняет смысловоразличительную роль: если инициаль и финаль совпадают, но тон отличается, иным будет и смысл. Следовательно, структура китайского слога коренным образом отличается от своего русского коррелята и строго фиксирована: инициаль, финаль, тон (см. [5, с. 9–17]).

Один фонологический слог всегда соответствует одному иероглифу, поскольку китайский оптический знак, в отличие от русского, не является производным от акустического [6]. Другими словами, китайский иероглиф напрямую соотносится не с акустическим образом, а с обозначаемым понятием, предметом или явлением. Следовательно, китайский письменный и китайский устный являются разными языками, чего нельзя сказать о русском устном и письменном языках (звукобуквенное письмо является транскрипцией устной речи). С этим связано отсутствие в китайском письменном языке репрезентантов фонем. Составить инвентарь

фонем китайского устного языка не представляется возможным из-за тоном (тонов), которые переводят все гласные фонемы китайского языка в фонологические слоги [6]. Кроме того, следует отметить, что большинство китайских лексических единиц являются двусложными (китайский язык развивается в сторону бинарности).

Как мы считаем, использование лингафонного кабинета на занятии по китайскому языку может способствовать более качественной постановке китайского произношения, развитию навыков аудирования, говорения, индивидуализации и дифференциации учебного процесса. Слово «лингафонный» дословно означает следующее: лат. *Lingua* – язык и греч. *phone* – звук, речь, т. е. у обучающихся иностранному языку и преподавателя есть доступ к аудио- или аудиовизуальным материалам посредством аудио-, видео- и мультимедийного оборудования [7], которое располагается в компьютерном классе, включающим рабочее место преподавателя и обучающихся, объединенных локальной сетью. ПК (персональный компьютер) преподавателя оснащен системой управления лингафонным кабинетом. К каждому ПК в классе подключены наушники с микрофоном и камерой.

Преимущества лингафонного кабинета при изучении иностранного языка по сравнению с другими ИКТ: комбинирование различных форм работы в рамках общего, парного и группового режимов; запись высказываний обучающихся, а также запись комментариев преподавателя; прослушивание записи преподавателем с целью выявления фонетических, лексических, грамматических ошибок; возможность проговаривания иноязычного материала с самостоятельным прослушиванием без посторонних помех в нужном для себя звуковом режиме; преподаватель может присоединиться к любому рабочему месту для индивидуальной работы со студентом; возможность индивидуального прослушивания и просмотра обучающих программ [8].

Успешное использование лингафонного кабинета на занятии по иностранному языку становится возможным благодаря программному обеспечению (далее – ПО) «Линко V8.2». Являясь многофункциональной системой для управления компьютерным классом, она позволяет преподавателю контролировать все аспекты учебной деятельности студентов во время занятия.

Основные функции ПО «Линко V8.2»: управление компьютером студента; трансляция видео на компьютерах учащихся; отображение содержимого рабочих столов студентов на ПК преподавателя; обмен текстовыми сообщениями с обучающимися; запись и прослушивание материалов студентов на магнитофон с функцией прослушивания собственного голоса; синхронный перевод с одного языка на другой; создание учебных материалов для обучающихся.

Важно отметить что система управления ПО «Линко V8.2» не нуждается в особых настройках, а устанавливается на компьютеры в уже имеющемся компьютерном классе, обеспечивая доступ преподавателя к компьютерам обучающихся по сети [9], (см. также [10]). С помощью данной платформы преподаватель может создавать интерактивные занятия, используя базовые знания ПК. Интерактивные занятия предполагают активное взаимодействие обучающегося со всеми участниками образовательного процесса. Благодаря мультимедийному лингафонному кабинету «Линко V8.2» преподаватель может смоделировать ситуацию погружения в языковую среду, предлагая способы тренировки лингвистических навыков, способы формирования точки зрения, параллельно оценивая работу обучающихся.

На занятиях по китайскому языку мультимедийный лингафонный кабинет «Линко V8.2» позволяет совершенствовать навыки аудирования и говорения с помощью функции «Цифровой магнитофон», состоящей из следующих разделов:

- непосредственное воспроизведение медиа файла и запись звука;
- воспроизведение звукового ряда сопровождается показом графической гистограммы на аудиографе, с возможностью регулирования скорости воспроизведения и громкости звука;
- редактор учебного курса «Репетитора», позволяющий создавать звуковые учебные файлы с текстовыми субтитрами;
- репетитор, предназначенный для прослушивания учебного материала с субтитрами в различных режимах обучения.

Для разработки аудиоматериала необходимо воспользоваться разделом «Редактор учебного курса Репетитора», нажать на значок «Новый учебный курс» и выбрать способ создания программы репетитора: «Импорт медиа файла». После выбора подходящего медиа файла субтитры появляются автоматически. Каждый субтитр пронумерован, отражает время начала, продолжительность и строку для ввода текста субтитра. При выделении строки субтитров на гистограмме аудиографа выделяется соответствующий фрагмент, который можно прослушать, а также изменить длину звукового ряда после выделения, нажав на появившуюся кнопку «Сохранить». Исходя из вышеизложенного, можно разделить аудиозапись на звуковые отрезки с субтитрами, что позволит прослушивать запись по частям, повторяя отдельные фрагменты для тренировки произношения с использованием визуальной опоры (субтитров). После сохранения обработанной аудиозаписи в режиме «Репетитор» можно начать прослушивать запись и воспользоваться функцией регулировки скорости воспроизведения. Каждый звуковой отрезок сопровождается отображением соответствующего субтитра. Обратим внимание на то, что рассматриваемая программа может быть использована в качестве эффективного средства совершенствования навыков аудирования и говорения с учетом принципов индивидуализации и дифференциации обучения [11]. Кроме того, «Линко V8.2» позволяет эффективно применять технологию «Обучение в сотрудничестве» [12], делить студентов на группы, назначать экспертов и лидеров, устанавливать набор функций для преподавателя и лидера группы с возможностью контроля над деятельностью группы, изменять состав группы в ходе занятия [9]. Обучающиеся также имеют возможность отрабатывать произношение звуков, моделировать коммуникативные ситуации (целесообразно поручить эту задачу лидеру группы), составлять диалоги, записывать свою речь, чтобы прослушать её позднее и сравнить с аутентичными материалами, озвученными носителями языка.

Следует отметить, что ПО «Линко V8.2» в большей степени ориентировано на использование в рамках учебного занятия в лингафонном кабинете, поэтому, чтобы облегчить доступ студентов ко всему материалу, изучаемому в рамках учебной программы, можно использовать такую дополнительную платформу, как Telegram-канал. После занятия преподаватель может разместить пост со всей изученной информацией в систематизированном виде, и студенты смогут в любое время с ним ознакомиться, вернуться к его изучению и сохранить его. Основные преимущества использования данного ИКТ для преподавателя – отсутствие необходимости дополнительной верстки, возможность в любой момент отредактировать сообщение и отправить дополнительную информацию студентам. Студенты, в свою очередь, могут загружать файлы, читать текстовые сообщения и др. посредством любых устройств, на которых установлен мессенджер Telegram. В Минском государственном лингвистическом университете на кафедре теории и практики китайского языка данную роль выполняет Telegram-канал «Китайский язык с Гибким Павлом» [13] и др.

Таким образом, применение CALL-метода и использование мультимедийного лингафонного кабинета «Линко V8.2» позволяет эффективно совершенствовать навыки аудирования и говорения у студентов лингвистических специальностей, изучающих китайский язык. Данное техническое средство также позволяет более эффективно осуществлять постановку китайского произношения, уделять пристальное внимание фонетическим аспектам, важность изучения которых определяется основополагающими различиями между фонологическими системами китайского и русского языков. Структура китайского слога отличается от своего русского коррелята, состоит из инициали (начального согласного), финали (конечного гласного) и тона. Китайский письменный знак, в отличие от русского, непосредственно соотносится не с акустическим образом, а с обозначаемым понятием, предметом или явлением. Один слог всегда соответствует определенному иероглифу, большинство лексических единиц в китайском языке являются двусложными. Благодаря аудиовизуальному материалу обучающийся может погружаться в китайскую аутентичную среду, совершенствовать навыки аудирования и говорения. Для эффективного применения данного технического средства преподавателю

необходимо использовать коммуникативный подход к изучению иностранного языка и сознательно-практический метод обучения. Активное использование лингафонного кабинета в образовательном процессе позволяет эффективно применять технологию «Обучение в сотрудничестве», способствует индивидуализации и дифференциации учебного процесса. Также предлагается дублировать информацию в Telegram-канале с целью обеспечения доступа студентов ко всему учебному материалу и предоставления возможности повторять его в любое время, в любом месте, в удобном для них формате.

Список использованной литературы

1. Розина, И. Н. Эволюция CALL-методов обучения английскому языку / И. Н. Розина // ОТО. – 2017. – №3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-call-metodov-obucheniya-angliyskomu-yazyku>. – Дата доступа: 08.04.2024.
2. Warschauer, M., Computers and language learning: an overview / M. Warschauer, D. Healey // Language Teaching, 1998. – P. 57–71.
3. Маукебаева, М. А. Коммуникативный подход в обучении иностранному языку / М. А. Маукебаева // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2015. – № 17. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyy-podhod-v-obuchanii-inostrannomu-yazyku>. – Дата доступа: 09.05.2024.
4. Алиев, С. Н. Сознательно-практический метод – ведущий метод в условиях вузовского обучения иностранному языку // Вестник педагогического университета (Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин). – 2020. – № 1 (1). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/soznatelno-prakticheskiy-metod-veduschiy-metod-v-usloviyah-vuzovskogo-obucheniya-inostrannomu-yazyku>. – Дата доступа: 09.05.2024.
5. Спешнев, Н. А. Введение в китайский язык / Н. А. Спешнев : Фонетика и разговорный язык / Н. А. Спешнев. – СПб. : Каро, 2016. – 256 с.
6. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс [Электронный ресурс] / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).
7. Language lab.– Режим доступа: <https://articles-fpm.znanierussia.ru/articles/>. – Дата доступа: 08.04.2024.
8. Полушкина, Г. Ф. Научно-методическое сопровождение использования мультимедийного лингафонного кабинета как средства повышения качества преподавания / Г. Ф. Полушкина // RESONANCES SCIENCE Proceedings of articles the international scientific conference. Editors prof. V. I. Pishhik, N. G. Poteshkina, Ju.A. Vedvedev. – 2016. – P. 247–254.
9. Линко V8.2: ПО для компьютерного лингафонного кабинета. – Режим доступа: <https://linkom.ru/>. – Дата доступа: 02.03.2024.
10. Интернет-обучение: технологии педагогического дизайна / под ред. канд. пед. наук М.В. Моисеевой. – М.: Камерон, 2004. – 216 с.
11. Гибкий, П. В. Использование принципа дифференциации в ходе изучения эффекта прошедшего времени в китайском языке / П. В. Гибкий // Педагогическая инноватика и непрерывное образование в XXI веке: сборник научных трудов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Киров, 2023. – С. 350–353. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54076311>. – Дата доступа: 17.05.2023.
12. Гибкий, П. В. План занятия «Эффект временных отношений в китайском языке» с использованием технологии «Обучение в сотрудничестве» / П. В. Гибкий // Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа – университет – предприятие» [Электронный ресурс] : XIV международная научно-методическая конференция (Гомель, 2 февраля 2023 г.) : [материалы] / редкол. : Ю. В. Никитюк (гл. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. – С. 90 – 92.
13. Гибкий, П. В. Китайский язык с Гибким Павлом [Электронный ресурс] / П. В. Гибкий. – Режим доступа: <https://t.me/gibkit>. – Дата доступа: 23.02.2023.

Т. В. Лозовская

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СЕТКА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ АКЦЕНТОВ В ОБУЧЕНИИ ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме подготовки высококвалифицированных специалистов в области письменного перевода. Рассмотрен и проанализирован один из важных аспектов целостности текста. Выявлена и обоснована необходимость использования логического подхода в процессе обучения будущих переводчиков. Приведены примеры корректного выявления лексико-тематической сетки с целью воссоздания ее в переводимом тексте, при сохранении ее единства и связности.

Ключевые слова: перевод, лексико-тематическая сетка, логический подход, целостность, термины.

Один из аспектов целостности текста состоит в том, что лексические единицы образуют его лексико-тематическую сетку (ЛТС). ЛТС – это слова и словосочетания, которые играют ключевую роль для понимания содержания текста. Они связаны между собой логически, семантически и формально. Часто это слова образованы друг от друга или по регулярной модели. Еще одно важное свойство элементов ЛТС состоит в том, что они употребляются в тексте неоднократно [1, с. 578].

Что же нужно переводчику делать с этой лексико-тематической сеткой? Во-первых, выявить ее в оригинальном тексте, чтобы воссоздать ее в переводном тексте, при этом сохранив единство и связанность этого лексического костяка переводимого текста. Дело в том, что это не всегда происходит само собой, даже при корректном переводе каждого из высказываний, образующих текст. Следовательно, этому надо обучать. Для примера можно привести аннотацию к научной статье:

Теоретическое исследование управляемости: социологический подход. В статье управляемость рассматривается как качество взаимосвязанных элементов: субъектов, институтов и связей между ними, исследуются критерии управляемости в социологии и теории управления. Перспективы социологического изучения управляемости связываются с изучением управляемых полей в социальном пространстве. Эти поля формируются не единичным субъектом управления, а взаимодействием между субъектами, опосредованным институционализацией.

В этом предложении по признаку повторяемости легко выделить те слова и словосочетания, которые образуют лексико-тематическую сетку этого текста выделены. Это слова «управляемость», «управления», «управляемые поля» и «субъекты управления». Иногда для краткости здесь они именуется просто «субъектами». Обычно авторов научных статей просят снабдить их аннотациями на английском языке. Вот что написано в такой англоязычной аннотации авторами:

Theoretical Study of Guidability. A Sociological Approach. The article considers guidability as a quality of interconnected elements: subjects, institutions and connections between them. The prospects of sociological studies of guidability are closely associated with research of manageable fields in the social space. These fields are not formed by an individual subject of management, but by interaction between subjects intermediated by institutionalization [2].

К сожалению, лексико-тематическая сетка здесь распалась, потому что тесно связанные между собой понятия оказались переведены лексемами самого разного происхождения. Например, что такое «управляемые поля»? Очевидно, что это поля, обладающие признаком управляемости. Следовательно, эти два термина должны быть выводимы друг из друга. Однако, по-английски мы получаем «управляемые поля» как “manageable fields”, а «управляемость» как “guidability”. В результате лексико-тематическая сетка распалась, а также распадается и разрушается смысловая ткань переводного текста. Это легко исправить, прибегая

к редактированию текста. В английском языке легко образуется существительное “manageability” от глагола “to manage” и прилагательного “manageable”, которым мы можем заместить неправильно подобранный эквивалент “guidability”.

Необходимо отметить, что помимо повторяемости элементы ЛТС имеют и следующие два важных свойства: относительная устойчивость формы (хотя конечная форма может иногда варьироваться и иногда, когда повторов слишком много, эти элементы могут замещаться синонимами) и четкость их значения (они терминологизируются и поэтому как термины приобретают значения, поддающиеся дефиниции). При этом стоит отметить, что лексико-тематическая сетка – это не то же самое, что терминологический аппарат текста. Во-первых, потому что не все термины входят в эту сетку, а во-вторых, потому что далеко не только термины эту сетку образуют. Соответственно, при переводе нужно подобрать такие слова для элементов лексико-тематической сетки, которые бы сохраняли вот эти свойства: устойчивость формы и четкость значения.

Вот еще один пример из научной статьи:

Основные направления исследования включают в себя принятие решений домашним хозяйством о потреблении и сбережении, распределении времени и инвестиций в человеческий капитал.

Целью нашего исследования является построение микроэкономических моделей, помогающих прогнозировать экономическое поведение домашних хозяйств.

Здесь нас уже интересует не столько содержательные моменты, сколько характеристики этой работы как научного исследования. Хорошо известно, что в диссертациях и других жанрах научных работ нужно охарактеризовать основные параметры исследования: гипотезу, материалы, методику и так далее. И вот здесь два таких параметра, две таких характеристики: «основные направления исследования» и «цель исследования». В той же англоязычной аннотации перевод предоставлен в следующем виде:

The main purposes of this research include decision making by a household about consumption and savings, resource allocation and investment in human capital.

The aim of our research is to build microeconomic models that help predict the economic behavior of households [3].

Как видно из примера, «направления исследования» выглядит по-английски как “the main purposes of this research”, а «цель исследования» – как “the aim of our research”. Тематическая сетка опять разрушена, потому что элементы этой сетки не отграничены друг от друга по значению, ведь “purpose” и “aim” – это фактически синонимы. Таким образом, мы приравниваем друг другу в смысловом отношении два совершенно разных понятия, тем более что они здесь объясняются и раскрываются. Для того, чтобы это исправить, нам необходимо проанализировать, подумать, что стоит за этими единицами на самом деле. Как видно из русскоязычного текста статьи, «направления исследования» – это принятие решений домохозяйствами о тех или иных важных событиях в их жизни, то есть это то, что изучается, то, что рассматривается в исследовании или, другими словами, объект исследования. Термин «направление» в английской версии не очень удачно подобран, и перевод необходимо откорректировать, чтобы элементы лексико-тематической сетки не накладывались друг на друга в семантическом отношении, а, следовательно, не путали бы читателя, бессмысленная текст. В данном случае можно передать «направления исследования» через “the object of this study”, «цель исследования» оставить так, как это было переведено ранее:

The object of this study is decisions made by households about consumption, savings, resource allocation and investment in human capital.

The aim of the study is to build microeconomic models to predict the economic behavior of households.

Следующий пример иллюстрирует, как нарушение лексико-тематической сетки ведет к снижению экспрессии, т.е. тех нужных эмоций, которые автор хотел донести до публики в своей речи:

Мой путь на эту трибуну был длиной почти в сорок лет – от человека к человеку, от голоса к голосу.... Много раз я был потрясен и испуган человеком, испытывал восторг и отвращение, хотелось забыть то, что я услышал, вернуться в то время, когда был еще в неведении. Плакать от радости, что я увидел человека прекрасным, я тоже не раз хотел.

В этом фрагменте ключевое слово «человек» – стержень лексико-тематической сетки текста. Повтор этого слова создает определенную экспрессию, подчеркивает внимание писателя к проблемам психологии человека, и очень важно, чтобы эта экспрессия сохранилась в переводе. Англоязычная версия данного фрагмента выглядит следующим образом:

The road to this podium has been long – almost forty years, going from person to person, from voice to voice. Many times, I have been shocked and frightened by human beings. I have experienced delight and revulsion. I have sometimes wanted to forget what I heard, to return to a time when I liked ignorance. More than once, however, I have seen the sublime in people, and wanted to cry.

Несмотря на то, что перевод в целом выполнен очень профессионально, лексико-семантическая сетка снова разрушена, так как соответствие для слова «человек» в одном случае “*person*”, в другом – “*human being*”, в третьем – “*people*”. Если взять каждое высказывание по отдельности, то все прекрасно, а в целом мы получаем разрушенную лексико-тематическую сетку и, как следствие, снижение экспрессии, снижение пафоса речи. В данном случае текст можно откорректировать путем замены неудачно подобранных соответствий в переводе на словосочетание “*human being*”, получив в итоге более удачный вариант:

My road to this rostrum was almost forty years long, going from human being to human being, from voice to voice. Many times, I was shocked and frightened, delighted and repulsed by a human being. I wanted to forget what I had heard, to return to a time when I had lived in ignorance. More than once, however, I saw the sublime in a human being, and wanted to cry with joy [1, с. 588].

Таким образом, в процессе преподавания студентам письменного перевода необходимо учить их выделять и правильно передавать лексико-тематическую сетку, что поможет им избежать ошибок в их последующей профессиональной деятельности и в конечном итоге создавать не просто некий набор высказываний, а целостный текст, объединенный, как и оригинал, общим коммуникативным намерением, темой, логикой и стилем.

Список использованной литературы

1. Ермолович, Д. И. Русско-английский перевод / Д. И. Ермолович // Учебник для студентов вузов, обучающихся по образовательной программе «Перевод и переводоведение». – 4-е изд., перераб и доп. – М. : Аудитория, 2022. – 640 с.

2. Rubtcova, M. Теоретическое исследование управляемости : Социологический подход (Theoretical Study of Guidability: Sociological approach) [Электронный ресурс] / Mariia Rubtcova. – 2015. – Режим доступа : https://www.researchgate.net/publication/277815520_Theoreticeskoe_Issledovanie_Upravlaemosti_Sociologiceskij_Podhod_Theoretical_Study_of_Guidability_Sociological_Approach. – Дата доступа: 24.03.2024.

3. Levin, M. Разработка и исследование экономического поведения домохозяйств в изменяющихся условиях (Development and Research of Economic Behavior of Households in Changing Conditions) [Электронный ресурс] / M. Levin, K. Matrosova. – 2018. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3168545. – Дата доступа: 27.03.2024.

УДК 811.124’366.2’367.622

Н. П. Тимошенко

ТРЕТЬЕ СКЛОНЕНИЕ ЛАТИНСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО: СЛОЖНОСТИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье автор рассматривает ключевые моменты, на которых нужно сконцентрироваться при изучении третьего склонения латинского существительного; указывает

на сложности в данном типе склонения и раскрывает пути преодоления таких трудностей. Кроме того, в работе уделено внимание информационно-развивающей направленности, которую нужно учитывать при преподавании латинского языка.

Ключевые слова: латинский язык, существительное, изучение, терминология, медицинская терминология, склонение, согласный тип, гласный тип, смешанный тип.

Латинский язык занимает важное место в системе дисциплин студентов первого курса медицинских вузов. Формирование профессиональных компетенций, развитие научного мышления, осознание картины зарождения, развития и формирования греко-латинской медицинской терминологии – всё это является целью изучения латинского языка. Знание указанной дисциплины закладывает основы терминологической компетентности специалиста-медика: это прежде всего способность использовать медицинскую терминологию в профессиональной деятельности, при дальнейшем изучении специальных дисциплин. Основная задача усвоения латыни будущими врачами заключается в приобретении умений и навыков лексического и грамматического оформления анатомических, клинических и фармацевтических терминов.

В данной статье наше внимание направлено на одно из пяти склонений латинского существительного. Как показывает практика, именно при знакомстве с третьим склонением у студентов возникают некоторые сложности, несмотря на то, что учащиеся медицинских вузов осознают всё значение и важность понимания терминологии на латинском языке.

К третьему склонению относятся существительные мужского, женского и среднего рода, которые в родительном падеже единственного числа (*Genetivus singularis*) имеют окончание *-is*. В именительном падеже (*Nominativus singularis*) у них разные окончания: *pulmo, ōnis m* ‘лёгкое’; *forāmen, īnis n* ‘отверстие’; *os, ossis n* ‘кость’; *auris, is f* ‘ухо’; *pars, partis f* ‘часть’.

Первая сложность, которая возникает у студентов, связана с образованием полной формы родительного падежа, поскольку у неравносложных существительных основы именительного и родительного падежей не совпадают. В словарях латинское существительное подаётся в форме именительного падежа, далее указывается часть основы родительного падежа с окончанием и род (только в том случае, если слово односложное, в родительном падеже форма, как правило, указывается полностью: *pars, partis f* ‘часть’): *rhizoma, ātis n* ‘корневище’; *Plantago, īnis f* ‘подорожник’; *radix, icis f* ‘корень’; *cortex, ĩcis m* ‘кора’; *Thermopsis, ĩdis f* ‘термопсис’. В связи с этим учащиеся испытывают трудности, не понимая, какие буквы формы именительного падежа заменяются на часть основы, представленной в словарной записи. В такой ситуации целесообразно применить следующее правило: если существительное в именительном падеже заканчивается на гласную букву, то для образования формы родительного падежа эту букву необходимо заменить на ту часть основы, которая указывается в словарной записи после запятой (*rhizoma, ātis – rhizomātis*; *Plantago, īnis – Plantagīnis*); если существительное в именительном падеже заканчивается на согласную букву, то для образования формы родительного падежа две последние буквы начальной формы необходимо заменить на ту часть основы, которая указывается в словарной записи после запятой (*radix, icis – radicis*; *cortex, ĩcis – cortĭcis*; *Thermopsis, ĩdis – Thermopsĭdis*). Если от основы родительного падежа отбросить окончание *-is*, то получится практическая основа существительного. Точное нахождение практической основы латинского существительного – залог правильного образования всех падежных форм, так как именно к этой основе присоединяются окончания всех косвенных падежей. Сравним два существительных-омонима: *os, ossis n* ‘кость’; *os, oris n* ‘рот’. Имея в именительном падеже одинаковую форму, данные существительные, как и другие слова третьего склонения, образуют косвенные падежи от других основ (*oss-* и *or-* соответственно):

Nom. Sg. *os*; Gen. Sg. *ossis*; Nom. Pl. *ossā*; Gen. Sg. *ossium*;

Nom. Sg. *os*; Gen. Sg. *oris*; Nom. Pl. *orā*; Gen. Sg. *orum* и т.д.

Стоит обратить внимание студентов на тот факт, что очень часто в русский язык слова приходят благодаря практической основе латинского существительного:

– *regio – region-is f* ‘область’ (рус. регион);

- *pes – ped-is m* ‘стопа, нога’ (рус. *педадь*; *velociped* (*velociter* ‘быстрый’ + *pes* ‘стопа, нога’));
- *hepar – hepāt-is n* ‘печень’ (рус. *гепатит* ‘воспаление печени’);
- *larynx – laryng-is m* ‘гортань’ (рус. *ларингит* ‘воспаление гортани’);
- *flos, flor-is m* ‘цветок’ (рус. *флористика*) и др.

Необходимо отметить, что сложный для восприятия теоретический материал необходимо сопровождать яркими примерами, имеющими информационно-развивающую направленность. Так, при объяснении основ равносложных и неравносложных существительных в качестве такого развивающего компонента, обращённого к этимологии той или иной номинации, можно рассказать историю происхождения слова ‘канарейка’, у которого можно увидеть родственные связи с существительным *canis, is m, f* ‘собака’. Согласно одной из легенд, на рубеже новой эры за Гибралтарский пролив была отправлена морская экспедиция по открытию и изучению новых земель. Эту историю описал римский учёный Плиний Старший. Из его научного доклада известно, что моряки-исследователи отправились изучать новые цивилизации и, достигнув архипелага, который сейчас называется Канарские острова, были готовы к встрече с необычными существами. Такими особями стали огромные собаки, которые, по словам Плиния, были размером с телёнка. Больше всего моряков поразили их выпученные глаза. Исследователи так были потрясены видом этих громадных псов, что не стали узнавать название островов у местных жителей, а назвали их собачьими островами – Канарскими. Под этим названием острова существуют до сих пор. Что же касается канареек, то это простые маленькие птички, которые водились в тех местах. Их и назвали по имени Канарских островов, т. е. по месту обитания. Кроме этимологии слова ‘канарейка’, можно обратиться к происхождению любимого всеми студентами существительного ‘каникулы’, также связанного с номинацией *canis, is m, f* ‘собака’. В Древнем Риме период летней жары, который совпадал с началом видимости Сириуса (второе название – *Canicūla* ‘маленькая собачка’), называли ‘*dies caniculares*’, что в переводе дословно означает ‘собачьи дни’. Этот период (с 22 июля по 23 августа) считался временем летнего отпуска, отсюда и происходит существительное ‘каникулы’. Такие экскурсии в историю и этимологию слов развивают кругозор и эрудицию студентов-медиков.

Вторая проблема, с которой сталкиваются студенты, – это определение родовой принадлежности латинских существительных третьего склонения. Как известно, род существительного в русском и латинском языках зачастую не совпадает. Во многих учебных пособиях приводятся таблицы дифференциации существительных третьего склонения по родам [1, с. 83, 87–88, 90–91], где отражаются концовки именительного падежа и то, на что они меняются в родительном падеже. Однако, на наш взгляд, пользы от таких таблиц немного: это связано с большим количеством исключений, которых иногда больше, чем примеров в правиле. Кроме того, эти таблицы достаточно объёмные для восприятия. Поэтому самый верный и надёжный способ запомнить род – выучить его вместе с падежной формой родительного падежа: *cartilago, ĩnis f* ‘хрящ’; *margo, ĩnis m* ‘край’. Конечно, на некоторых особенностях, которые не имеют исключений, нужно сосредоточить внимание студентов. Например, существительное будет относиться к женскому роду, если:

- в именительном падеже заканчивается на -io: *articulatio, ōnis f* ‘сустав’; *palpatio, ōnis f* ‘пальпация, метод диагностического исследования путем ощупывания’; *transfusio, ōnis f* ‘трансфузия, переливание’; *transplantatio, ōnis f* ‘трансплантация, пересадка органов или тканей, не связанных с организмом’;

- в именительном падеже заканчивается на -es и является равносложным: *tabes, is f* ‘сухотка’;

- в именительном падеже заканчивается на -is и является неравносложным: *iris, ĩdis f* ‘радужная оболочка глаза’; *rhinĭtis, ĩdis f* ‘ринит, воспаление слизистой оболочки носа’; *parametrĭtis, ĩdis f* ‘параметрит, воспаление околоматочной клетчатки’.

В свою очередь, существительное будет относиться к среднему роду, если в именительном падеже оно заканчивается, например, на -men (*foramen, ĩnis n* ‘отверстие’; *tegmen, ĩnis n*

‘крыша’); -ur (*femur, ōris n* ‘бедро’); -ar (*calcar, is n* ‘шпора (название одной из мозговых извилин)’); -ma (*chiasma, ātis n* ‘перекрест’; *haematōma, ātis n* ‘гематома, «кровяная шишка», образование полости, содержащей жидкую или свернувшуюся кровь’). Однако это касается только тех редких случаев, когда закономерности не имеют исключений.

Третья сложность, на которую необходимо обратить внимание, связана с определением типа существительных третьего склонения. В зависимости от характера основы существительные делятся на три типа: согласный, гласный и смешанный.

Classis consonans. К согласному типу относятся неравносложные существительные трёх родов, практическая основа которых заканчивается на один согласный: *corpus, corpor-is n* ‘тело’; *foramen, foramin-is n* ‘отверстие’; *crus, crur-is n* ‘голень, ножка’; *homo, homin-is m* ‘человек’; *regio, region-is f* ‘область’.

Classis vocalis. К гласному типу относятся существительные только среднего рода, которые в Nom. Sing. заканчиваются на -e, -al, -ar: *rete, is n* ‘сеть’; *animal, is n* ‘животное’; *calcar, is n* ‘шпора (название одной из мозговых извилин)’.

Classis mixta. К смешанному типу относятся:

а) равносложные существительные, которые в Nom. Sing. имеют окончания -is, -es: *auris, is f* ‘ухо’; *tabes, is f* ‘сухотка’;

б) неравносложные существительные, практическая основа которых заканчивается на несколько согласных: *dens, dent-is m* ‘зуб’; *pars, part-is f* ‘часть’; *cor, cord-is n* ‘сердце’.

Практика показывает, что многие студенты испытывают сложность при определении типа основы. На наш взгляд, эффективным способом запоминания этой информации является следующий алгоритм:

Шаг первый. Рассматриваемое существительное относится к среднему роду и в Nom. Sg. заканчивается на -e, -al, -ar? При положительном ответе это существительное гласного типа. При отрицательном ответе переходим к следующему шагу.

Шаг второй. Рассматриваемое существительное равносложное? При положительном ответе это существительное смешанного типа. При отрицательном ответе переходим к следующему шагу.

Шаг третий. У рассматриваемого существительного основа заканчивается на несколько согласных? При положительном ответе это существительное смешанного типа. При отрицательном ответе это существительное согласного типа.

Например:

dens, dentis m ‘зуб’ – существительное в Nom. Sg. заканчивается не на -e, -al, -ar, неравносложное, основа на несколько согласных, значит, смешанный тип;

forāmen, īnis n ‘отверстие’ – существительное в Nom. Sg. заканчивается не на -e, -al, -ar, неравносложное, основа на один согласный, значит, согласный тип.

Следует отметить, что данный алгоритм не учитывает те редкие исключения, которые имеются в грамматической системе существительного третьего склонения и не встречаются в медицинской терминологии (например, по согласному типу изменяются следующие номинативы: *pater, patris m* ‘отец’; *frater, fratris m* ‘брат’; *mater, matris f* ‘мать’; *parens, parentis m, f* ‘родитель’; *juvenis, juvenis m* ‘юноша’; *canis, canis m, f* ‘собака’).

При изучении падежных окончаний существительных третьего склонения необходимо обратить внимание студентов на особенности гласного и смешанного типов, окончания которых отличаются от согласного типа в Abl. Sg., Nom. Pl., Gen. Pl. и Acc. Pl. Следует помнить и о правиле среднего рода (формы Nom. и Acc. всегда совпадают), которое актуально при склонении всех существительных среднего рода независимо от типа склонения. Кроме того, в медицинских вузах, как правило, при изучении склонений существительного даются падежные окончания только Nom. Sg., Nom. Pl., Gen. Sg., Gen. Pl., что впоследствии также может вызвать сложность при знакомстве с фармацевтической терминологией, поскольку при составлении рецептурных формулировок встречаются словоформы в других падежах: *sirūpus cum Plantaginē* ‘сироп с подорожником’ (Abl. Sg.), *post cibum* ‘после еды’ (Acc. Sg.), *pro infantibus* ‘для детей’ (Abl. Pl.) и др. Поэтому при изучении окончаний существительных третьего склонения необходимо уделить внимание всем падежным формам.

Таким образом, несмотря на все сложности третьего склонения, доступная форма подачи материала, различного рода алгоритмы-подсказки способны сконцентрировать внимание студентов на наиболее важных моментах латинского существительного и сделать восприятие трудного материала понятным и доступным.

Список использованной литературы

1. Лин, С.А. Латинский язык = Lingua Latina : учебник / С. А. Лин. – Минск : Вышэйшая школа, 2017. – 366 с.

УДК 811'322.4

Е. А. Чернякова

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА КАК ЧАСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В данной статье автор рассматривает особенности проведения производственной переводческой практики как неотъемлемую часть учебного процесса на переводческой специальности. В статье описываются цели и задачи производственной практики, навыки и умения, приобретаемые в процессе ее прохождения, описываются основные этапы ее подготовки и прохождения, виды деятельности. Актуальность статьи обусловлена тем, что за время прохождения производственной переводческой практики студенты учатся применять базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач, осуществлять все виды устного и письменного перевода, развивают навыки самостоятельной и групповой работы, овладевают междисциплинарным подходом при решении рабочих проблем, совершенствуют свои коммуникативные навыки и умения, что повышает их конкурентоспособность как специалистов.

Ключевые слова: производственная переводческая практика, навыки, умения, устный и письменный перевод, деловая коммуникация.

Учебным планом специальности «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (международный туризм)» предусмотрены несколько видов практик:

- учебные (ознакомительная по межкультурной коммуникации, ознакомительная переводческая, ознакомительная по направлению специальности);
- производственные (переводческая и преддипломная переводческая по направлению специальности).

Данные виды практик характеризуются различными целями, задачами, видами деятельности. В статье рассматривается производственная переводческая практика как неотъемлемая часть учебного процесса.

Программа производственной переводческой практики (далее – практика) разрабатывается с учетом требований Образовательного стандарта высшего образования, учебного плана учреждения высшего образования и графика учебного процесса. Данная практика является продолжением курса обучения первому иностранному языку (английскому) и связана с дисциплинами «Теория перевода», «Основы перевода», «Письменный перевод», «Устный перевод», «Специальный перевод», «Деловой английский язык», «Английский язык для специальных целей». В связи с этим, целью практики является развитие практических навыков письменного и устного перевода, ведения деловых переговоров и осуществление деловой и неформальной коммуникации с носителями изучаемого языка.

Практика проводится в течение 4 недель на предприятиях и в учреждениях различной формы собственности и направленности деятельности: на производственных предприятиях, в государственных учреждениях, учреждениях культуры, спорта и туризма. Это организации и предприятия, которые могут предоставить необходимый материал по переводу объемных текстов разной направленности. В ходе практики студенты 4 курса (8 семестр) закрепляют знания в области теории перевода и применяют их на практике, систематизируют знания, умения и навыки в области устного и письменного перевода с учетом особенностей производственной деятельности предприятий, расширяют и закрепляют навыки перевода в разных профессиональных средах (политической, исторической, культурологической, социально-экономической, технической и т. д.). Работа с большим объемом информации способствует формированию навыков поиска, систематизации и обработки информации на иностранном языке. Практика также направлена на развитие умений работы с официальными документами на иностранных языках (деловая корреспонденция и документация), совершенствование коммуникативной и профессиональной компетенции путем развития навыков квалифицированного перевода, умения переводить специализированную документацию.

Таким образом, за время прохождения практики студенты должны прежде всего научиться применять базовые научно-теоретические знания для решения теоретических и практических задач и осуществлять все виды устного и письменного перевода.

Немаловажным является развитие навыков самостоятельной и групповой работы и овладение междисциплинарным подходом при решении рабочих проблем. Студенты учатся самостоятельно планировать и организовывать повседневную трудовую деятельность, вырабатывают индивидуальный стиль работы.

Во время практики студенты совершенствуют свои коммуникативные навыки и умения как на родном, так и на иностранном языке, применяют на практике коммуникативные нормы делового общения, учатся анализировать возникающие переводческие трудности, находить оптимальные пути преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров в различных ситуациях перевода, реализовывать на практике современные подходы к организации труда переводчика, разрабатывать стратегии и тактики ведения переговоров и работы в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Деятельность переводчика в 21 веке тесно связана с использованием информационных технологий, специальных программ, оборудования. Во время прохождения практики студенты на рабочем месте приобретают навыки использования специальных технических устройств, управления информацией, работы с современными источниками получения информации и использования современных технологий в процессе осуществления перевода.

Именно во время прохождения практики на производстве или в организации студенты приобретают навык работы с документацией в целом и непосредственно по профилю производства. В течение практики у студентов есть возможность ознакомиться с особенностями составления плановой и отчетной документации, разными видами деловой корреспонденции и структуры деловых писем.

В течение данного периода студенты развивают не только свои профессиональные компетенции, но и так называемые *soft skills*, а именно учатся работать в команде, принимать решения с учетом сложившейся рабочей ситуации. Они приобретают опыт публичной коммуникации, развивают необходимую креативность (способность генерировать новые идеи), овладевают системным и сравнительным анализом, учатся принимать конструктивную критику. Оказавшись в условиях реальной деловой коммуникации, студенты развивают свои умения в этой сфере в устной и письменной формах общения, причем не только иноязычного, но и на родном языке. Стоит также отметить развитие способности убеждать и отстаивать свою точку зрения в профессиональной и деловой сфере.

Деятельность студентов и основные ее направления определяются в первую очередь организацией, где проходит практика, а также учитываются знания и умения студентов, полученные в процессе обучения, а также, в отдельных случаях, индивидуальные особенности студентов.

В соответствии с учебной программой возможно выполнение следующих видов практической деятельности в условиях реальных рабочих ситуаций:

- осуществление письменного перевода текстов различной коммуникативной направленности;
- обучение редактированию письменных переводов, выполненных на русском и английском языках;
- формирование навыков постоянной информационно-поисковой деятельности для расширения активного запаса переводческих соответствий в различных сферах общения;
- обогащение профессионального тезауруса переводчика и формирование необходимых фоновых знаний;
- изучение стилистических особенностей англо- и русскоязычных текстов, относящихся к различным письменным жанрам (научно-технических, научно-популярных текстов; газетно-журнальных; специальных; деловых; юридических; рекламных);
- применение приемов письменного перевода (сегментации текста оригинала; селекции фактов ключевой информации в тексте перевода; эквивалентной трансформации текста оригинала, текста подстрочника и др.);
- освоение методов системной подготовки к выполнению письменного перевода (поиск специализированной информации в справочной литературе и Интернете для создания системного представления об особенностях той сферы, где будет осуществляться перевод);
- использование методики предпереводческих алгоритмов анализа письменного текста, способствующих точному восприятию исходного текста;
- изучение условий и принципов письменного и устного делового общения;
- обогащение словарного запаса изучаемого языка в рамках заданной сферы общения.

Практика включает подготовительный, производственный и отчетный периоды. Подготовительный период практики предусматривает ознакомление с целью и задачами практики, порядком ее проведения, инструктаж по технике безопасности, получение практикантами заданий, ознакомление с требованиями по оформлению задания и порядком подведения итогов практики. Производственный период включает самостоятельную работу студентов с материалами, предоставляемыми предприятием с целью дальнейшего совершенствования навыков перевода. Отчетный период представляет собой оформление в письменном виде отчета и участие в работе «круглого стола», итоговом курсовом собрании.

Отчет по практике представляется студентом в письменном виде. Он должен отражать фактически выполненную студентом практическую работу и материал, включающий все необходимые разделы программы практики, календарного плана и индивидуального задания студента. Руководитель собирает материалы и оценивает работу студентов, учитывая и оценку руководителя практики от предприятия. Далее проводится защита практики в форме круглого стола. Студенты готовят устные отчеты с презентациями, которые отражают основные краткие результаты их деятельности, отмечают возникшие проблемы, вносят предложения по изменению и совершенствованию организации производственной практики в дальнейшем.

Таким образом, очевидным представляется необходимость внедрения производственной переводческой практики в учебный процесс при подготовке переводчиков различных профилей с целью повышения их профессионального уровня и приобретения практических навыков применения теоретических знаний.

Список использованной литературы

1. Хапаева, М.М. Производственная практика (переводческая практика): методические рекомендации для обучающихся направления подготовки 45.03.02 Лингвистика, направленность (профиль) «Перевод и переводоведение» / М.М. Хапаева. – Черкесск : БИЦ СевКавГГТА, 2018. – 48 с.
2. Программа «Производственная (переводческая) практика для специальности: 1-23 01 02 «Лингвистическое обеспечение межкультурных коммуникаций (по направлениям)». – МГЛУ, 2022.

УДК 811.133.1'42'38'25

О. В. Богемова

ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются основные средства оформления директивных речевых актов во французском языке и особенности их перевода с французского на русский язык. Отмечается тенденция к использованию значительного количества переводческих трансформаций (замены, перестановки, опущения, дополнения) при переводе прескриптивных и суггестивных высказываний, особенно в случае их оформления при помощи конвенциональных языковых средств.

Ключевые слова: директивный речевой акт, прескриптив, суггестив, реквестив, языковые средства, речевые средства, неконвенциональные средства, переводческие трансформации.

В настоящее время изучение директивных речевых актов (ДРА) вызывает большой интерес у многих исследователей-лингвистов, так как данные высказывания относятся к числу наиболее распространенных речевых актов и встречаются в разных типах речевого взаимодействия. Значительное количество исследований проводится на материале английского языка, но интерес к изучению особенностей функционирования директивных высказываний проявляют также специалисты многих других языков мира, как крупных европейских или восточных, так и языков малых народностей. Ряд работ посвящен сопоставительному анализу функционирования побудительных высказываний в различных языках.

Несмотря на то, что достаточно подробно на материале различных языков изучаются средства выражения побуждения, функционирование ДРА и проблема интерпретации побудительных высказываний, между тем не акцентируется внимание на особенностях их перевода с иностранного языка на русский, а данный вопрос имеет большую практическую и теоретическую значимость, поскольку позволяет выявить характерные особенности реализации директивных высказываний в каждой отдельной лингвокультуре.

Директивные высказывания являются выражением со стороны говорящего волеизъявления, которое направлено на каузацию деятельности адресата. [1, с. 10]. Между тем, они различаются между собой по таким прагматическим признакам, как облигаторность выполнения прескрипции и бенефактивность преддицируемого действия [1, с. 16–20]. На основе указанных признаков различают прескриптивы, реквестивы и суггестивы. Для прескриптивов характерна облигаторность выполнения каузируемого действия, реквестивы отличаются бенефактивностью преддицируемого действия для говорящего, а суггестивы – его бенефактивностью для адресата.

В целом, исследователи в своих работах упоминают около 30 видов директивных речевых актов. Среди них есть такие, которые признаются большинством лингвистов, и их мы можем считать основными ДРА, а есть те, которые встречаются в единичных работах, такие как наказ, завет, заклинание и др. В данной работе мы будем принимать во внимание следующие основные разновидности директивных высказываний:

- 1) прескриптивы: приказ, запрещение, разрешение, заказ, требование;
- 2) реквестивы: просьба, мольба;
- 3) суггестивы: совет, рекомендация, предложение, приглашение.

Средства, используемые для оформления ДРА, также не являются однородными. Вслед за Е. И. Беляевой, мы выделяем два класса средств выражения побуждения: неконвенциональные и конвенциональные. Конвенциональные средства в свою очередь включают в себя две разновидности: языковые конвенции и речевые конвенции [1, с. 22]. Конвенциональными языковыми

являются те средства, иллюкутивная сила которых является прямым следствием их языковой семантики, поэтому они традиционно используются для выражения данного речевого акта. Конвенциональные речевые средства представляют собой те средства, иллюкутивная сила которых не является прямым следствием их языковой семантики, а закреплена за ними конвенцией употребления, в результате чего эти средства служат стандартными речевыми способами выражения иллюкутивной силы. Если говорящий выражает директивную интенцию косвенно, т. е. при помощи тех средств, иллюкутивная сила которых не закреплена ни в языковой семантике, ни в конвенции употребления, но приобретает ее в контексте речевой ситуации, то в данном случае речь идет о неконвенциональных средствах оформления прескрипции.

Анализ практического материала, отобранного из художественных произведений XX–XXI вв. методом сплошной выборки, показывает, что для оформления всех трех видов ДРА, в целом, с одинаковой частотностью используются языковые средства (около половины директивных высказываний), применение речевых средств составляет одну треть, тогда как оставшаяся часть приходится на неконвенциональные средства.

Основными языковыми средствами оформления прескриптивов являются перформативные глаголы (*ordonner, exiger, défendre, interdire*), глаголы в повелительном наклонении в положительной или отрицательной форме, в том числе глаголы с семантикой прекращения физического действия (*cesser, arrêter, laisser, attendre, épargner*) или речевого (*se taire, fermer la bouche*), эллиптические конструкции:

1. *Je vous défends de m'appeler par mon prénom.*
2. *Mettez-vous en rang ! ordonna-t-il enfin.*
3. *Ne parle pas la bouche pleine, a dit son papa, et passe-moi le beurre.*
4. *Cessez de faire le clown, Alceste! a crié la maîtresse. Et ne louchez pas!*
5. *Un café noir.*

В качестве основных конвенциональных речевых средств оформления прескриптивов применяются различные конструкции с модальными глаголами (*pouvoir, vouloir, devoir, falloir*), с глаголами в простом будущем или в ближайшем будущем времени, а также с формулами вежливости и междометиями:

1. *Je ne sais pas ce que vous avez encore inventé, mais je ne veux plus entendre parler de lunettes !*
2. *Vous allez me donner vos cartes d'identité, vos certificats médicaux, votre argent de poche et les clefs de vos malles.*
3. *Vous devrez obligatoirement jouer dehors, sauf s'il pleut.*
4. *Oh, s'il te plaît, Thomas ! a-t-elle frissonné d'ennui.*
5. *Tu-tut. Edmond est à un âge où l'on regarde toutes les femmes.*

Использование неконвенциональных речевых средств при оформлении прескриптивов проявляется, в частности, в выражении отрицательной оценки действий собеседника, их последствий или самой ситуации, в рамках которой осуществляется речевое взаимодействие:

1. *Quel est ce strip-tease, Edmond?*
2. *Tu vois bien qu'il pleut, m'a répondu papa.*
3. *Vous me pourrissez toutes vos chaussettes.*

Что касается реквестивов, то основными языковыми средствами их оформления являются перформативные глаголы (*demander, prier, supplier, conjurer*), глаголы в повелительном наклонении в положительной или отрицательной форме, эллиптические конструкции:

1. *Monsieur Mouchabière, punissez cet élève, je vous prie.*
2. *Arthur, je vous en supplie, il faut me croire.*
3. *Emmenez-moi avec vous, le week-end prochain... Je cuisinerai un canard au miel pour cinq ou six personnes.*
4. *Puisque vous êtes si intelligente, aidez-moi à savoir ce qui se passe sur le navire.*
5. *Une histoire, chef ! Une histoire ! nous avons tous crié.*

В качестве основных конвенциональных речевых средств оформления реквестивов применяются преимущественно различные конструкции с модальными глаголами (*pouvoir,*

vouloir, devoir, falloir), с глаголами в простом будущем или в ближайшем будущем времени, а также неполные адverbиальные предложения, обще- и частновопросительные конструкции (с вопросительным словом qui):

1. *Mes enfants, je veux être votre ami. Il ne faut pas avoir peur de moi, je sais que vous aimez vous amuser, et moi aussi, j'aime bien rire.*

2. *Patrick, tu peux venir une seconde ?*

3. *Je suis content que tu sois là, il faut que tu m'aides.*

4. *Tu m'aideras comme autrefois ?*

5. *Qui aura l'amabilité de me servir un verre ?*

Использование неконвенциональных речевых средств при оформлении реквестивов заключается, главным образом, в выражении отрицательной оценки действий третьего лица, в изложении возможных последствий, в описании ситуации, в рамках которой осуществляется речевое взаимодействие, а также в напоминании собеседнику о ранее взятом на себя обязательстве:

1. *J'attends quelqu'un.*

2. *Henri... Il est fou, il a de yeux d'obsédé, il va me violer, c'est sûr.*

3. *Hugo, c'est le moment.*

Если говорить о суггестивах, то основными языковыми средствами их оформления являются перформативные глаголы (conseiller, proposer), глаголы в повелительном наклонении в положительной форме (особенно частотными являются следующие: essayer, se méfier, attendre) или отрицательной форме (s'inquiéter, s'en faire, se gêner, se faire + adjectif и др.):

1. *Essaie de le freiner un peu.*

2. *Attends. Tu as une nuit.*

3. *Ne la mets pas au sèche-linge et rince-la à l'eau tiède. Tu verras, elles ont vraiment de la gueule après deux ou trois lavages.*

4. *Eh bien, plutôt que de vous tourner le sang, je vous conseille de vous y précipiter sans plus attendre.*

5. *Moi, je vous propose du sérieux, simplement vous et moi, mano a mano !*

В качестве основных конвенциональных речевых средств оформления суггестивов применяются преимущественно различные конструкции с модальными глаголами (pouvoir, vouloir, devoir, falloir), с глаголами в форме условного наклонения, глаголами в простом будущем времени, повествовательные и общевопросительные конструкции:

1. *Nous voilà au dernier couplet, voudrez-vous pas chanter avec moi ?*

2. *Allez viens ! On va se faire une beauté.*

3. *Nous parlions de baignade dans la Loire, ça vous dit ?*

4. *C'est une règle de base : avant de livrer un combat, il faut chercher à égarer l'adversaire.*

5. *Vous devriez accepter, a lancé Jackie.*

Использование неконвенциональных речевых средств при оформлении суггестивов состоит преимущественно в выражении отрицательной оценки действий собеседника, а также в сообщении собеседнику о своем положительном опыте:

1. *Maud, je crains que vous ne soyez en état d'ébriété.*

2. *Il n'y a que les ânes pour buter deux fois contre le même obstacle.*

3. *Vous savez, je connais quelque chose de bien pour vos oreilles...Les bougies Hopi. Je vous promets que c'est radical ! Vous serez étonné du résultat, croyez-moi !*

В связи с тем, что ДРА разных типов оформляются при помощи различных языковых, речевых и неконвенциональных средств, предполагаем, что при переводе директивных высказываний с французского языка на русский будут применяться переводческие трансформации разного вида с различной степенью частотности.

Анализ практического материала показывает, что при переводе ДРА переводчик использует различное количество переводческих трансформаций в зависимости от типа директивного высказывания и средства его оформления. Так, наибольшее количество переводческих трансформаций применяется при переводе прескриптивов. При этом, переводческие решения направлены, как правило, на усиление директивной интенции: уточнение субъекта действия,

описание характера, места и времени выполнения предсказуемого действия, оформление запрещения посредством использования глагола «сметь» в отрицательной форме, применение глагола в форме будущего времени изъявительного наклонения вместо императива, опущение модального глагола «хотеть», опущение или замена лексических единиц с положительной коннотацией на нейтральную лексику или лексику с отрицательной коннотацией, использование при переводе лексических единиц с более конкретным значением, замена речевого средства оформления прескрипции на языковое, замена повествовательных конструкций побудительными предложениями и др. Основные наблюдения обобщены в таблице 1.

Таблица 1 – Переводческие трансформации, применяемые при переводе ДРА

Вид директивного речевого акта	Средства оформления	Замены	Перестановки	Опущения	Добавления
Прескриптивный	Конвенциональные языковые средства	+	+	+	+
	Конвенциональные языковые средства	+	+	+	-
	Неконвенциональные средства	+	-	+	+
Реквестивный	Конвенциональные языковые средства	+	-	-	-
	Конвенциональные речевые средства	+	-	+	-
	Неконвенциональные средства	-	-	+	-
Суггестивный	Конвенциональные языковые средства	+	+	+	+
	Конвенциональные речевые средства	+	-	+	+
	Неконвенциональные средства	-	-	-	+

Как показывает анализ практического материала, наибольшее количество трансформаций применяется при переводе прескриптивных речевых актов, а наименьшее – при переводе реквестивных. Наиболее частотными видами переводческих трансформаций в текстах являются замены и опущения, наименее частыми – перестановки.

Следует отметить, что при переводе прескриптивов, оформленных при помощи языковых средств, используются преимущественно приемы опущения и добавления, тогда как в случае перевода прескриптивов, оформленных речевыми средствами, применяется, главным образом, опущение. При переводе прескриптивного речевого акта, оформленного посредством неконвенциональных средств, в основном, прибегают к таким трансформациям, как замены.

При переводе реквестивного речевого акта, оформленного языковыми конвенциональными средствами, допускаются преимущественно трансформации в виде замен. Речевые акты,

оформленные речевыми средствами, также переводятся посредством использования замен. При переводе реквестивов, оформленных с помощью неконвенциональных средств, трансформации осуществляются только в виде опущений.

Что касается суггестивного речевого акта, то следует отметить, что суггестивы, оформленные с помощью языковых средств, в основном переводятся с помощью таких трансформаций, как замены, перестановки, опущения и добавления. При переводе суггестивов, оформленных с помощью речевых средств, как правило, прием перестановок не используется. При переводе суггестивов, оформленных посредством неконвенциональных средств, применяются преимущественно добавления.

Список использованной литературы

1. Беляева, Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык / Е. И. Беляева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 167 с.
2. Боргер, Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: на материале современных драматических произведений / Я. В. Боргер. – Тюмень, 2004. – 22 с.
3. Быковская, С. А. Стереотипные фразы с побудительной интенцией в коммуникации взрослых с детьми (на материале немецкого языка) / С. А. Быковская // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13, вып. 2. – С. 48–54.
4. Онина, С. В. Способы выражения побуждения в хантыйском языке / С. В. Онина. – Москва, 2022. – 38 с.
5. Русинова, Т. В. Особенности функционирования запрета: на материале русского и английского языков / Т. В. Русинова. – Саратов, 2006. – 24 с.
6. Скрипаенко, А. Н. Структурно-семантические и прагматические свойства высказываний со значением институционализированного запрета: на материале английского языка / А. Н. Скрипаенко. – Пятигорск, 2007. – 21 с.

УДК 811'25'373.43'42

Е. М. Кандаева, Е. К. Кузьмина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА С ПРИМЕНЕНИЕМ КОРПУСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена вопросу определения особенностей перевода неологизмов современного публицистического дискурса с применением корпусных технологий. В работе автор рассматривает положение неологизмов в различных сферах деятельности человека, а также обращает внимание на роль корпусных технологий при переводе. Автор приходит к выводу, что в современной лингвистике исследования в области перевода неологизмов при помощи корпусных технологий являются актуальными.

Ключевые слова: *неологизм, корпус языка, корпусные технологии, перевод неологизмов.*

За последние годы в связи с развитием науки, культуры, техники, промышленности в словарном составе русского языка произошли изменения, выражающиеся в появлении новых слов и словосочетаний, служащих названиями новых предметов, явлений, понятий. Неологизмы, ставшие единицами языка, со временем входят в словари, отражающие действительное состояние лексики. Актуальность заключается в использовании корпусных технологий при переводе неологизмов [1, с. 125], что позволяет анализировать контекст, находить соответствующие коллокации и синонимы, находить лингвистические адаптации и учитывать региональные и стилистические

различия, а также помогает переводчику сохранять смысл, стиль и интонацию оригинала в целевом языке. Неологизмы – это новые слова или выражения, свежесть и необычность которых ясно ощущается носителями языка, а окказионализм – слова, образованные по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, созданные на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной.

Следует отметить роль корпусных технологий при поиске, переводе и лексикографическом описании неологизмов. Первоначально с помощью корпусов проводились исследования, ограниченные подсчетом частот встречаемости различных языковых единиц. Так, посредством корпусов появилась возможность обнаружить слова, которые регулярно встречаются вместе, и определить их как устойчивые словосочетания. В лексикографических исследованиях можно установить определенные семантические признаки отдельной языковой единицы, наблюдая её окружение в корпусе. Со временем спектр исследовательских задач расширился [3, с. 5]. Лингвисты-теоретики с помощью компьютерных корпусов проверяют гипотезы и находят доказательства теорий. Прикладные лингвисты (преподаватели, переводчики и т. д.) обращаются к корпусу при обучении языкам, для создания учебников и пособий, и решения своих профессиональных задач. Компьютерные лингвисты, в свою очередь, пытаются выявить и использовать статистические и лингвистические закономерности текстов для построения компьютерных моделей языка. Историки и социологи могут изучать свои объекты через язык, на основании таких параметров текстов, как период, автор или жанр.

Говоря про классификацию неологизмов по способу образования можно выделить три способа: словообразовательная деривация, семантическая деривация и заимствование слов из других языков. Основными способами образования окказионализмов в современном английском языке выступают аффиксация, словосложение, окказиональная аббревиация и контаминация.

Перевод неологизмов является сложной задачей, так как они не имеют точного соответствия в других языках. Переводчики должны использовать свой опыт и креативность, чтобы передать новые слова и понятия наиболее точно и понятно для читателей [2, с. 113–114].

Одним из способов перевода новообразований является сохранение оригинального слова с добавлением пояснения или транскрипции. Например, слово «онлайн-газеты» может быть просто транслитерировано в другой язык и объяснено в скобках. Такой подход позволяет сохранить новое слово, но при этом учитывает потребности читателей.

Другой способ перевода новообразований – использование аналогичных слов или словосочетаний, которые уже существуют в целевом языке. Например, слово «онлайн-шопинг» может быть переведено как «интернет-торговля» или «электронная покупка». Этот подход используется, когда нет возможности сохранить оригинальное слово или когда оно непонятно для целевой аудитории. Важно отметить, что перевод неологизмов и окказиональных выражений должен быть гибким и контекстуально адаптированным. Он должен учитывать не только смысл и значения этих слов, но и особенности целевой аудитории и их потребности.

Способы передачи неологизмов в современном публицистическом дискурсе можно проиллюстрировать на следующих примерах:

1) Транскрипция и транслитерация:

“For now, however, Reps. Jared Polis (D-Colo.) and David Schweikert (R-Ariz.), co-chairs of something called the Congressional *Blockchain* Caucus, introduced the Cryptocurrency Tax Fairness Act of 2017 to create tax parity for cryptocurrencies”.

«Но пока члены палаты представителей Джаред Полис (Jared Polis) и Дэвид Швайкерт (David Schweikert), председательствующие в непонятной организации под названием «Фракция конгресса по *блокчейнам*», выдвинули законопроект «О налоговой справедливости криптовалюталюты» в целях создания налогового паритета для криптовалют».

2) Калькирование:

“This new “*grand-mates*” trend is bringing about some truly heartwarming intergenerational bonding. The New York Times profiled a number of families who are “grand-mates,” and not one of them had complaints about it”.

«Эта новая тенденция к “бабушкам-приятелям” создает поистине трогательную связь между поколениями. Газета “New York Times” описала ряд семей, которые являются “бабушками-приятелями”, и ни у одной из них не было жалоб по этому поводу».

3) Использование неологизмов-композигов, образованных на ПЯ:

“The rise of so-called *Brottox* is being reported in the UK, where the male grooming industry is worth an estimated £500 million a year.”

«Сообщается о росте так называемого Brottox в Великобритании, где индустрия средств по уходу для мужчин обходится примерно в 500 миллионов долларов в год»

Таким образом, перевод неологизмов и выражений, которые появляются в онлайн-газетах, является сложной задачей, требующей творческого и гибкого подхода. Переводчики должны использовать различные стратегии, чтобы передать новые слова и понятия наиболее точно и понятно для читателей.

Список использованной литературы

1. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов направления «Лингвистика» / В. П. Захаров, С.Ю. Богданова – СПб.: СПбГУ: РИО Филологический факультет, 2013. – 148 с.

2. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.

3. Плунгян, В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов [Электронный ресурс] // Лекция, прочитанная в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> – Дата доступа: 01.12.2023.

УДК 811'42'25:398.92

Т. И. Остапенко

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье были рассмотрены и проанализированы основные способы перевода фразеологических единиц. Рассмотрены примеры использования фразеологических единиц в англоязычной прессе. На примере издания “The Guardian” проанализированы основные сложности выбора наиболее адекватного способа перевода фразеологических единиц при необходимости сохранения грамматической структуры и метафорического значения ФЕ.

Ключевые слова: фразеологический, нефразеологический, фразеологическая единица, калькирование, контекст, лексическая замена, перевод, значение, происхождение.

Изучение фразеологических единиц остается одной из актуальных и, в то же время, противоречивых проблем лингвистики. Сложности возникают уже на стадии определения фразеологических единиц. Что можно считать фразеологизмом? На этот вопрос в разное время пытались ответить такие ученые как А. В. Кунин, В. В. Виноградов, И. Е. Аничкова, Е. В. Иванова, а также ряд других. Так, А. В. Кунин определяет фразеологическую единицу как устойчивое сочетание слов с осложненной семантикой, не образующееся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний [1, с. 4]. Е. В. Иванова относит к фразеологизмам словосочетания, которые воспроизводятся, а не образуются в речи, обладают целостным значением и соответствуют одному члену предложения [2, с. 201]. По определению Н. М. Шанского, «фразеологический оборот в самом широком смысле – это воспроизводимая языковая единица из двух или более ударных слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре [3, с. 65].

Несмотря на сложности в определении фразеологических единиц, очевидно, что они используются в языке с целью выполнения определенных функций. В современной лингвистике

выделяются две основные группы функций: константные и вариативные функции фразеологических единиц. К константным относятся номинативная, коммуникативная и познавательная. К вариативным относятся семантические и прагматические функции. Семантические, в свою очередь, делятся на волюнтаривную, дейктическую, результативную и другие функции. К прагматическим функциям относятся: стилистическая, кумулятивная, директивная, оценочная и резюмирующая [4, с. 58]. Интерпретация данного аспекта также выявляет противоречия у ряда ученых, однако, несомненно то, что использование фразеологических единиц добавляет речи экспрессивности, яркости и красочности.

Фразеологические единицы находят свое применение абсолютно во всех стилях речи: разговорном, публицистическом, литературном и даже научном. В данной статье будут рассмотрены примеры использования фразеологических единиц в публицистическом стиле (на материалах издания “The Guardian”).

Перевод фразеологических единиц ставит перед переводчиком дополнительные задачи. Связано это с тем, что, в отличие от русскоязычной лингвистики, в английской и американской лингвистических школах нет такого фундаментального подхода к определению, систематике и функциям фразеологических единиц. Такая разница в подходах не позволяет создать единую универсальную модель перевода. Кроме того, переводчик зачастую должен точно передать метафорическое значение фразеологизма, не нарушив при этом основную заповедь «Не искази». Все это требует детальной проработки контекста и изучения исторических факторов формирования языка.

В настоящее время выделяют два основных подхода к переводу фразеологических единиц: фразеологический и нефразеологический. К первому относятся подбор эквивалентов и аналогов, в то время как к нефразеологическому можно отнести калькирование, контекстуальную и лексическую замену и описательный перевод. Выбор способа перевода зависит от контекста и от тех функций, которые выполняет фразеологизм в тексте.

С этой точки зрения наименьшую сложность вызывает перевод международных фразеологических единиц, то есть фразеологизмов, универсальных для всех европейских языков. К данной группе фразеологизмов можно отнести выражения, заимствованные из греческого и латинского языков (*the apple of discord* – яблоко раздора; *Sisyphean labour* – сизифов труд; *Man proposes, God disposes.* – Человек предполагает, а Бог располагает.), библеизмы (*The apple of smb's eye* – зеница ока; *Forbidden fruit* – запретный плод) и шекспиризмы (*much ado about nothing* – много шума из ничего). Такие выражения легко узнаются в тексте, и даже в случае изменения лексического состава сама конструкция фразеологизма позволяет точно передать его значение при переводе. Так, например, статья Саймона Дженкинса “*Message to Labour: don't tax school fees. Make private schools work for the public good*” начинается с вопроса *To tax or not to tax?* [5] Сама конструкция вопросительного предложения позволяет безошибочно определить гамлетовский вопрос *to be or not to be*. Однако, при переводе данного фразеологизма стоит задача сохранения его «книжности», с тем, чтобы читатель также смог легко его узнать, поэтому наиболее адекватным способом перевода можно считать контекстуальную замену: «Взывать (налоги) или не взывать?»

Еще один пример незначительного изменения лексического состава фразеологизма можно встретить в предложении “*Is the political game really worth the fiscal candle?*” [5] Выражение *the game is (not) worth the candle*, как считается, произошло от французского выражения *le jeu ne vaut pas la chandelle* и относится к тем временам, когда для организации различных азартных игр в помещении зажигали свечи, которые стоили достаточно дорого. В случае, если выигрыш не покрывал расходы на освещение, употреблялся данный фразеологизм [6]. Можно предположить, что в русский язык данное выражение попало вместе с привычкой устраивать различные настольные игры в помещении, освещенном свечами. Ввиду того, что как в русском, так и в английском языках данный фразеологизм функционирует достаточно давно, наиболее удачным вариантом перевода можно считать использование эквивалента: «Стоит ли политическая игра фискальных свеч?».

Схожий пример встречается в предложении: *He attacks "middle-class lefties", whose "ideological hobby horses" come at the expense of patient care* [5]. Выражение *to ride a hobby horse* означает говорить на любимую тему. История возникновения данного фразеологизма связана с детской игрушкой в виде деревянной лошадки. Схожие выражения есть и в других европейских языках. В русском языке данному выражению соответствует фразеологизм «Оседлать любимую лошадку». Однако следует отметить, что автор статьи, употребляя данный фразеологизм, уточняет о какой теме идет речь, используя прилагательное "ideological". Данное уточнение также переводится прилагательным.

Пример нефразеологического способа перевода, а именно, калькирования, встречается в предложении *The six people who spoke to the Guardian said they had no plans to return to France, hinting at a brain drain that showed no sign of reversal* [7]. Историей своего происхождения фразеологизм *brain drain* обязан британскому изданию *The Evening Standard*. Впервые это выражение появилось в 1963 году. Его появление связано с оттоком ученых и инженеров в Северную Америку из послевоенной Европы [6]. На русский язык данное выражение переводится как «утечка мозгов».

Еще один пример перевода фразеологизма калькированием можно встретить в предложении *"France is literally shooting itself in the foot," said Esteves* [7]. Фразеологизм *shooting oneself in the foot* появился в английском языке в связи с тем, что участники военных конфликтов умышленно наносили себе не смертельные травмы с тем, чтобы не принимать участие в боевых действиях [8]. Однако, метафорическое значение данного выражения указывает на необдуманные действия, последствия которых приносят больше вреда, чем пользы. На русский язык этот фразеологизм переводится калькированием – *стрелять себе в ногу*.

Еще одним примером фразеологизма, который появился благодаря языку военных является выражение *a field day*, в предложении: *"It's going to potentially give the far right a field day in terms of the daily experience of Muslims, who already get insulted, abused and are discriminated against," said Esteves* [7]. Его первое упоминание зафиксировано в лондонской газете *The Daily Journal* в 1723 году. Первоначально данное словосочетание означало проведение военных маневров на открытой местности [9]. Однако, как и в предыдущем примере, значение фразеологизма постепенно менялось в процессе функционирования в языке. К середине XIX века словосочетанием *a field day* стали называть любые мероприятия, проводимые на открытой местности, в том числе увеселительные. В XX веке к значению веселья и развлечения добавилось значения возможности, удачи, счастливого случая, которые со временем и стали основными для данного фразеологизма. В русском языке эквивалента данному фразеологизму нет, следовательно, при выборе способа перевода можно отдать предпочтение нефразеологическим вариантам, учитывая, что сама структура исходного предложения достаточно сложная, можно предложить в качестве способа перевода лексическую замену: *a field day* – *возможность*. Такой подход не перегрузит предложение и точно передаст значение фразеологизма.

В предложении *Because it robs politics of meaningful substance, polling hysteria gives that kind of talk the ring of truth* используется фразеологизм *the ring of truth* [10]. Его появление связано с тем периодом в истории, когда монеты изготавливались из драгоценных металлов, и одним из способов проверки их подлинности было бросание монеты на твердую поверхность. Драгоценный металл, в отличие от менее ценных металлов, при соприкосновении с твердой поверхностью издавал определенный звук [6]. В английском языке этот звук назывался словом *ring*. Таким образом, значение фразеологизма *the ring of truth* можно сформулировать как «звук подлинности». Как и в предыдущем примере, отсутствие эквивалента в русском языке, позволяет сделать выбор в пользу нефразеологического способа перевода, а именно, контекстуальной замене – *звучит правдоподобно*.

Как видно из приведенных выше примеров, перевод фразеологических единиц требует изучения исторических аспектов их формирования, детальной проработки контекста и глубоких знаний как исходного языка, так и языка перевода.

Список использованной литературы

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин // Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
2. Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка = Lexicology and phraseology of modern English : учеб. пособие для студ. Учреждений высш. проф. образования / Е. В. Иванова. – СПб.: Филологический факультетСПбГУ; М.: «Академия», 2011. – 352 с.
3. Шанский, Н. М. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В.В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
4. Эшакулова, Н. Функции фразеологических единиц / Н. Эшакулова // Достижения науки и образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-frazeologicheskikh-edinit/viewer>. – Дата доступа: 23.06.2024.
5. Simon, J. Message to Labour: don't tax school fees. Make private schools work for the public good [Электронный ресурс] / J. Simon. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/27/message-to-labour-dont-tax-school-fees-make-private-schools-work-for-the-public-good>. – Дата доступа: 28.06.2024.
6. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/word/>. – Дата доступа: 28.06.2024.
7. Ashifa Kassam “Here I found respect for who I am”: the French citizens who choose to leave [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jun/27/here-i-found-respect-for-who-i-am-the-french-citizens-who-choose-to-leave>. – Дата доступа: 28.06.2024.
8. U. S. Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://usdictionary.com/idioms/>. – Дата доступа: 28.06.2024.
9. Phrase Finder [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.phrases.org.uk/meanings/field-day.html/>. – Дата доступа: 28.06.2024.
10. Harris, J. I've seen all the 'landslide' polls – but they can't tell us what's really going on in this election [Электронный ресурс] / J. Harris. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/23/landslide-polling-companies-election-labour>. – Дата доступа: 23.06.2024.

УДК 811'322.4

С. Л. Островская

МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с применением машинного перевода для текстов на специализированную тематику. Особое внимание уделяется описанию современных технологий машинного перевода, их преимуществ и недостатков. В рамках статьи были рассмотрены основные ограничения машинного перевода специализированного текста.

Ключевые слова: *машинный перевод, специальный текст, нейросети, переводчик, профессиональный перевод, постредактирование, современные технологии перевода.*

В современном мире международная коммуникация и глобализация, где обмен информацией и знаниями имеют ключевую роль в развитии общества, являются первопричиной актуальности перевода специализированных текстов, таких как научные работы, технические, юридические и медицинские тексты. Перевод таких текстов является энергозатратным процессом, так как требует быстрого и точного перевода большого объема информации на различные языки. Машинный перевод может быть использован в качестве инструмента, который помогает ускорить и упростить

процесс перевода. Технические и научные исследования часто издаются на английском языке, что может создавать проблемы для специалистов в отрасли, не владеющих языком. Машинный перевод позволяет переводить тексты с высокой скоростью и является доступным для пользователей по всему миру, что способствует глобальному обмену знаниями и расширяет доступ к важной информации.

Машинный перевод текста характеризуется как процесс автоматического преобразования текста с исходного языка на язык перевода при помощи программного обеспечения. Для передачи наиболее точного лексического и грамматического перевода используются математические модели и искусственный интеллект. Они производят анализ смысла и структуры исходного текста и находят наиболее корректный вариант перевода [1, с. 89].

Перевод специализированных текстов является трудоемким процессом, требующим временных и финансовых затрат. Машинный перевод позволяет компаниям значительно сократить время на перевод и сэкономить ресурсы, повышает эффективность работы. Качество и точность переводимого материала улучшается за счет развития современных машинных алгоритмов и нейронных сетей.

Современные технологии машинного перевода значительно продвинулись за последнее десятилетие благодаря достижениям в области машинного обучения и искусственного интеллекта. На данный момент существует несколько типов систем машинного перевода, каждая из которых имеет свои особенности и области применения. Исходя из поставленной задачи, переводчик выбирает наиболее подходящую. Рассмотрим основные системы машинного перевода:

Статистический машинный перевод (англ. *Statistical machine translation*) основывается на статистическом анализе билингвального корпуса текстов с целью выявления вероятностных моделей перевода фрагмента текста. Система анализирует большой объем имеющихся в корпусе параллельных текстов. Перевод осуществляется путем сопоставления фраз исходного и целевого текста, в итоге система предоставляет вариант, основываясь на частоте совпадений [2, с. 10]. Статистический машинный перевод с высокой точностью передает значение текстов определенной тематики: научных, медицинских, юридических и т. д., так как при анализе машина выделяет самые вероятные переводы при использовании устойчивых конструкций и терминов. При переводе художественных текстов статистический машинный перевод не является настолько эффективным, так как не учитывает контекст и авторский подход.

Нейронный машинный перевод (англ. *Neural Machine Translation*) использует рекуррентные нейронные сети (RNN) и сети с длинной кратковременной памятью (LSTM), которые позволяют моделировать более точный перевод, учитывая грамматические структуры и контекст. Это стало возможным благодаря тому, что нейронные сети состоят из нескольких слоев нейронов, которые обрабатывают определенную информацию (грамматическую, лексическую или семантическую) и передают ее друг другу. За счет обработки большого пласта информации нейронные сети способны к глубинному самообучению, что позволяет им адаптироваться к новым условиям. Большое количество современных приложений для перевода текстов основываются на данном методе машинного перевода (Google Translate, Bing Microsoft Translator, PROMT и другие).

Правило-ориентированный машинный перевод (англ. *Rule-based Machine Translation*) основывается на грамматических структурах и лингвистических правилах исходного и целевого языков. Подходит для формализованных текстов со строгими языковыми конструкциями. Правила прописываются как вручную, так и автоматически на основе анализа большого количества текстовых данных. Система алгоритмов предоставляет готовые решения в виде шаблонов для определенных конструкций и фраз. Шаблоны используются для повышения точности и ускорения процесса перевода. Однако написание правил и шаблонов требует значительных усилий, и со временем они могут устаревать и нуждаться в обновлении.

Гибридные системы перевода (англ. *Hybrid Machine Translation*) интегрируют элементы статистического машинного перевода, нейронного машинного перевода и правило-

ориентированного машинного перевода с целью объединения преимуществ этих методов и достижения наилучших результатов перевода. Гибридная архитектура позволяет достичь баланса в точности и контексте текста. Сервис перевода Яндекс использует гибридную систему перевода.

Автоматизированный перевод (англ. *Computer-assisted Translation / Computer-aided Translation*) осуществляется человеком при помощи компьютерных технологий, оснащенных данными в виде глоссариев, специализированных словарей и базы данных терминов для повышения точности перевода текстов из узконаправленных областей. Программы, используемые для автоматизированного перевода, помогают экономить время при переводе однотипных текстов, поскольку запоминают предыдущий выбор переводчика и при загрузке текста на схожую тематику автоматически предлагают выбрать из ранее переведенных слов.

Перевод специализированных текстов имеет такие особенности, как сложный синтаксис, контекст, требование к точности и однозначности, культурный контекст и многозначность слов [3]. Однако алгоритмы машинного перевода не всегда могут распознать эти особенности, что может привести к неправильному восприятию текста.

Машинный переводчик может столкнуться с проблемой при выборе правильного варианта в процессе перевода многозначных слов или омонимов. Слово *ключ* может обозначать и 'инструмент для открывания дверей', и 'источник воды'; слово *bank* в английском языке может называть финансовое учреждение - банк или иметь значение 'берег реки'. Именно контекст помогает определиться с правильным выбором перевода многозначного слова. Контекст имеет большое значение при переводе технических или юридических текстов. Например, слово *поручение* в юридическом контексте может означать 'instruction', 'mandate' или 'assignment', в зависимости от ситуации.

Специализированные тексты часто содержат терминологию, не имеющую точного аналога на языке перевода, что может приводить к путанице. Например, в текстах медицинской направленности термин *мочеполовой* может быть переведен как *urinary-reproductive*, *genitourinary* или *urogenital*. Создание и использование глоссариев существенно облегчает работу переводчика, так как машинные системы обращаются к этим глоссариям для выбора подходящего термина в определенном контексте.

Не менее важным аспектом являются стилистические особенности специализированного текста. Специализированный текст требует определенного стиля написания, который не всегда правильно воспроизводится машинным переводчиком. Например, научный стиль может лишиться своей формальности и приобрести черты разговорного стиля [2]. При переводе специализированных текстов на русский и английский языки стилистические правила оформления могут значительно отличаться, это обусловлено различиями в профессиональных стандартах и языковых традициях.

Специализированные тексты в русском языке часто характеризуются большей формальностью и использованием пассивных конструкций, в то время как в английском языке имеется тенденция к использованию активных конструкций и прямому изложению материала. Это требует активного участия переводчика, чтобы адаптировать текст к ожиданиям целевой аудитории [4, с. 10].

При переводе специализированных текстов нужно учитывать культурные различия профессиональной среды. Например, правовые формулировки юридических текстов англоязычных и русскоязычных текстов могут отличаться. В таком случае от переводчика требуется перевести текст с учетом соответствующей правовой системы, это, в свою очередь, означает, что переводчик, помимо владения исходным и целевым языками, должен обладать знаниями в определенной профессиональной сфере.

Грамматические и синтаксические структуры разных языков могут отличаться, и их неверное толкование может привести к потере ясности и смысла. При переводе англо-русскоязычных текстов важно помнить про различия в структуре предложений и порядке слов.

Русский язык по сравнению с английским имеет более свободный порядок слов, в то время как любое изменение порядка слов в английском языке может привести к изменению смысла или сделать предложение некорректным.

Несмотря на то, что современные алгоритмы могут переводить тексты с разных языком с высокой точностью, машинный переводчик должен использоваться как вспомогательный инструмент при переводе специализированных текстов, который помогает ускорить процесс перевода и справиться с рутинными задачами. Важно учитывать, что текст, полученный после машинного перевода, нуждается в постредактировании и участии квалифицированного переводчика, чтобы итоговый вариант был точным и осмысленным [5].

Машинный перевод специализированных текстов представляет собой область с множеством вызовов, но также имеет потенциал для развития в будущем. С развитием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения качество перевода текстов будет улучшаться и алгоритмы смогут справляться с более сложными задачами. Ожидается, что системы машинного перевода смогут лучше учитывать контекст и специфику различных областей знаний.

Список использованной литературы

1. Евдокимов, А. С. Искусство машинного перевода / А. С. Евдокимов // Hard'N'Soft. – 2005. – №7. – С. 86–91.
2. Melby, A. Terminology in the age of multilingual corpora / A. Melby // The Journal of Specialised Translation. – 2012. – № 18. – P. 7–29.
3. Степанова, Д. В. Лингвистические аспекты перевода на русский язык английских терминологических словосочетаний с использованием корпуса параллельных текстов : дис. ... канд. филологич. наук 10.02.21 : защищена 21.06.07 : утв. 28.11.07 / Дарья Валерьевна Степанова. – Мн. : [б. и.], 2007. – [б. с.].
4. De Brebisson, S. B. Comparison between automatic and human subtitling: A case study with Game of Thrones / S. B. De Brebisson // Proceedings of the 2nd Workshop on Human-Informed translation and interpreting technology (HiT-IT 2019) / ed. by I. Temnikova, C. Orasan, G. Corpas Pastor, R. Mitkov. – Varna : [s. n.], 2019. – P. 1–10.
5. MT for subtitling: User evaluation of post-editing productivity / M. Koponen, U. Sulubacak, K. Vitikainen, J. Tiedemann // EAMT-2020. Proceedings of the 22nd Annual Conference of the European Association for Machine Translation / ed. by A. Martins, H. Moniz, S. Fumega, B. Martins, F. Batista. – Geneva : European Association for Machine Translation Publ., 2020. – P. 115–124.

УДК 811'25'373.231

А. В. Собко

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДИМОСТИ ИМЕНИ

В статье рассматривается антропонимическое пространство литературного текста, выявляется не только основной признак имени собственного, но и дополнительные, ввиду того что англоязычные антропонимы бывают объемными и включают в себя разнообразие признаков. Особое внимание уделяется вопросу переводимости антропонимов ввиду наличия различных подходов даже к самому изучению имён собственных. В процессе исследования англоязычных антропонимов, функционирующих в текстах произведений современного художественного и кинематографического дискурса, были подтверждены идеи Отто Есперсена и Мишеля Бреала о том, что у любого имени есть содержание.

Ключевые слова: антропоним, имя собственное, транскрипция, транслитерация, имя-трансформер, имя-описание, скрытоговорящее имя.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью изучения кардинальных вопросов специфики употребления, передачи и восприятия англоязычного имени в русскоязычной среде на материале антропонимов современного английского языка. В среде лингвистов не существует единого подхода к вопросу о переводимости антропонимов. Более того, ими высказываются противоположные, «полярные мнения по этому поводу» [1]. Само по себе представление о переводе имени собственного с практической точки зрения кажется многим исследователям странным и неприемлемым, поэтому специалистами рассматриваются лишь некоторые конкретные случаи перевода имен собственных в рамках индивидуального, узкого исследования антропонимического пространства литературного текста или функционирования антропонимов на территории определённого населённого пункта или государства. Именно в неоднозначности подходов к возможным техникам перевода имён собственных кроется проблема нерешённости общих вопросов, связанных с темой обсуждения.

Отечественные и зарубежные лингвисты (В. С. Виноградов, Д. И. Ермолович, А. А. Реформатский, С. А. Коначева, В. Н. Комиссаров, С. Е. Кунцевич, Н. Ф. Смирнова, П. Ньюмарк, Т. Херманс и многие другие) не имеют единого взгляда ни на сам факт обладания именами собственными семантическим значением, ни на возможность переводимости антропонима как определённой категории слов. Сложность исследований в данной лингвистической плоскости заключается и «в отсутствии универсальной терминологии в отношении способов передачи и перевода онимов» в целом и антропонимов в частности [2].

При работе с иноязычным текстом лингвисты в основном пользуются несколькими способами перевода антропонимов: транскрипцией и транслитерацией. Перевод имени может осуществляться и по его смыслу. Переводчик решает сам, на какой способ перевода ему опираться, исходя из фонетических и лексико-грамматических особенностей языков, задействованных в процессе перевода.

В изученных нами 316 литературных текстах прозвища героев произведений были сгруппированы на основе способов перевода антропонима из одного языка в другой, которыми пользовались авторы для передачи англоязычного имени в контексте русскоязычного текста. Нами было выявлено, что способом транскрипции и транслитерации было переведено из одного языка в другой 23 антропонима, способом семантического перевода – 28 единиц, и способом смешанного перевода – 18 имён персонажей.

Доминирование семантического способа перевода обуславливается мотивированностью именования лица. Это тем более необходимо при использовании окказионализма, который должен вызывать у читателя правильные, нужные писателю, ассоциации, так как окказиональная единица, как правило, несет в себе некую мысль, которую автор пытается донести до аудитории, которая является носителем одного с автором языка. Но, как показало наше исследование, некоторые авторы, в особенности писатели-фантасты, предпочитают создавать причудливые имена для своих героев, используя рандомный набор букв и цифр, а также не свойственный русскому языку букворяд.

Классификация англоязычных антропонимов в контексте современного русскоязычного художественного и кинематографического дискурса может быть представлена следующим образом:

С учётом раскрытия содержания внутренней формы через перевод понятийного ядра антропонима выделяются:

- имена-трансформеры (Юлия–Джулия, Женя–Юджин, Новиков- Ньюман);
- имена-описания (Каммерер, Литтл, Стар, Хэлмэн, Фэст, Гудмэн, Хантер, Рэтфорд);
- скрытоговорящие имена (Роуг, Коллаген, Поллак, Стэн, Клинч, Пош).

К категории имён-трансформеров мы отнесли переводные имена, которые приходят из одного языка в другой посредством транскрипции, калькирования, транслитерации, а также лексико-семантической замены. Что касается трансформации русского имени в англоязычное и наоборот, самыми распространёнными парами по результатам всех проведённых нами исследований оказались следующие: Денис – Дэн, Александр / Алексей – Алекс, Филипп – Фил, Евгений – Джек.

В категорию имён-описаний мы включили антропонимы, в создании которых присутствовал либо дословный перевод смыслового ядра антропонима, либо экспликация, т. е. техника описательного перевода.

К скрытоговорящим именам в контексте билингвистического исследования в рамках литературной ономастики следует относить те имена, значение которых может быть доступно лишь узкому кругу лиц, способным при первом прочтении имени персонажа сделать определённые выводы о его характере и о цепи возможных сюжетных линий, связанных с личностью героя произведения.

При создании русскоговорящим писателем англоподобного имени за основу чаще всего берётся английское слово, которое своим значением даёт зрителю или читателю подсказки по поводу характера героя, его поведения и возможных реакций. Однако возможные трудности перевода приводят к необходимости вычленения таких антропонимов в категорию «скрытоговорящих».

Используя фамилии типа Уайт, Блэк, Грин, Браун, через передачу цвета, соответствующего переводу фамилии, автором может демонстрироваться определённая характеристика персонажа, показываться развитие сюжетных линий.

Сценарист или писатель могут использовать «технику прямого перевода русского слова» на английский язык и наоборот, таким образом сохраняется внутреннее содержание антропонима, но при этом придаётся необходимый авторскому произведению колорит [3]. Порой от автора требуются достаточно хорошие знания иностранного языка, которые позволяют ему не только перевести смыслообразующий корень слова, но и использовать в процессе словообразования морфемы (Новиков / Ньюман – “new» + “man”, Скворцов / Старлинг – “starling”, Угроз / Менэс – “menace”, Дроздов / Озеллинг – “ouzel”, Дубравин / О’Кэри – “oakery”, Рыбалкин / Fisher / Fishing – “fish”, Ястребов / Хокер – “hawk”, Петров / Питерс – “Peter”, Столб(ц)ов / Пилларс – “pillar”, Летов / Саммерс – “summer”, Жакетов / Джекетсон – “jacket”, Золоторенко / Голдби – “gold”).

В случаях, когда автору произведения не хватает знаний английского языка или же с целью упрощения восприятия англоязычного или англоподобного антропонима русскоговорящей аудиторией, используется техника уподобления буквенно-звукового содержания двух взаимозаменяемых фамилий, без учёта перевода самого смыслового ядра антропонима. В таком случае акцент смещается именно на звучание фамилии, а смысловая нагрузка антропонима отсутствует (Конев / Конвей – Conway, Гранитский / Грант – Grant, Гипсов / Гибсон – Gibson, Барловский / Барлоу – Barlow, Кортнев / Кортни – Courtney).

Все зафиксированные нами антропонимические трансформации и новообразования являются проявлением определённого социокультурного феномена современной билингвальной личности, интегрированной во вторичный социум и получающей представление о природе и культуре другого этноса благодаря знанию его языка. Мы можем говорить о художественном билингвизме как отражении билингвального языкового сознания современной русскоговорящей личности.

Список использованной литературы

1. Шерстюкова, Е. В. Национально-культурный аспект функционирования имён собственных (на материале немецкого языка) / Е. В. Шерстюкова, А. А. Колесников, А. П. Пересыпкин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 1 (5). Ч. I. – С. 227–229.
2. Толстой, Н. И. Еще раз о «семантике» имени собственного / Н.И. Толстой // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. и сообщений. – Мн., 1970. – С. 200–201.
3. Дерябина, М. Ю. Некоторые вопросы теории перевода имен собственных / М. Ю. Дерябина // Горный ветер, 2001. – № 1. – С. 57–61.

О. Н. Филимончик

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В статье рассматривается проблема языковой интерференции на орфографическом, грамматическом, лексическом и стилистическом уровнях. На примерах показывается, какие типичные ошибки допускаются в процессе переводческой деятельности, причинно-следственные связи, ведущие к деструктивной интерференции, и ее влияние на качество перевода. Описываются меры, необходимые для улучшения качества перевода англоязычного материала, и способы снижения интерферирующего воздействия в процессе осуществления переводческой деятельности.

Ключевые слова: *межъязыковая интерференция, деструктивная интерференция, конструктивная интерференция, орфография, лексика, грамматика, стилистика, перевод.*

Эпоха цифровых технологий и межкультурных коммуникаций внесла существенные и качественные изменения в процесс осуществления переводческой деятельности. Но при всех явных положительных изменениях в данной сфере деятельности проблема адекватности и точности перевода по-прежнему остается актуальной и зачастую связана с межъязыковой интерференцией как при устном, так и письменном переводе.

Проблема языковой (межъязыковой) интерференции вызывает немало сложностей в силу обширности поля исследования и направлений изучения темы. Сам термин «интерференция» изначально пришел в лингвистику из точных наук и нашел свое отражение в трудах многих зарубежных (Г. Шухардт, У. Вайнрайх, Э. Хауген, У. Мэкей) и отечественных (И. А. Бодуэн де Куртене, В. Н. Комиссаров, Л. В. Щерба, В. А. Виноградов) лингвистов. В настоящее время накоплен богатый материал по исследованию различных аспектов интерференции (В. В. Алимов, Г. М. Вишневская, С. П. Розанова, И. Н. Кузнецова и др.), где большая часть работ посвящена изучению теоретических части, и совсем небольшой процент работ связан с изучением практических подходов к решению данной проблемы.

Вторая четверть XX века и работы ряда ученых Пражского лингвистического кружка положили начало пониманию языка как системы отношений, но сам термин «интерференция» вошел в лингвистический обиход после публикации монографии У. Вайнрайха в 1953 году, где говорится о том, что «интерференция – это те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта», и зачастую рассматривается в негативном ключе, когда сторонние элементы вмешиваются в структурированные аспекты языка [1].

Действительно, в большинстве случаев интерференцию (языковую и межъязыковую) рассматривают как деструктивное явление, причину нарушения норм одного языка под воздействием другого. Более того, она может послужить предпосылкой для появления так называемой «внутриязыковой интерференции» – феномена, возникающего вследствие контакта усвоенной ранее языковой формы с недавно изученными языковыми единицами в рамках системы изучаемого индивидом языка [2, с. 142]. Так же, как и межъязыковая интерференция, внутриязыковая может проявляться на всех уровнях языковой системы и отражаться в смещении значений, форм и дифференциальных признаков переводимых явлений.

Однако наряду с деструктивной (отрицательной) интерференцией, современные исследователи все чаще выделяют и конструктивную (положительную) языковую интерференцию, под которой понимают «положительное воздействие явлений, функций и средств другого языка при их контакте (при изучении иностранного языка, общении и при переводе с одного языка на другой)» [3, с. 187]. Причем снижение негативной интерференции и увеличение

позитивного переноса увеличивается с повышением уровня владения иностранным языком и лингвокультурологической компетенцией студентов, степенью сформированности социокультурных навыков, а также количеством освоенных иностранных языков.

Исследования, проведенные на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (г. Москва, РФ) показали, что студенты, изучающие не менее двух иностранных языков, воспринимают межъязыковую интерференцию в основном нейтрально, но замечают у себя негативные проявления интерференции преимущественно в продуктивных видах речевой деятельности (говорение и письмо), а также в области лексики и произношения, а в рецептивных видах речевой деятельности (чтение) наблюдается положительный перенос [4].

Принимая как факт, что межъязыковая интерференция – это неизбежный и естественный процесс в ходе формирования речевых навыков на иностранном языке и ее едва ли можно избежать, необходимо подумать о том, как можно минимизировать негативные последствия межъязыковой интерференции в процессе перевода англоязычного материала.

При работе с иностранным текстом в процессе переводческой деятельности переводчику нужно зрительно воспринять, опознать, обработать полученную информацию и воспроизвести текст, но уже на родном языке, где теоретическое (а зачастую и практическое) владение языком и умение обращаться с языком как средством построения нового текста – понятия не тождественные. Перевод – это работа одновременно и творческая, и познавательная, это способ обработки полученных знаний, результатом которого, при успешном выполнении, выступает самостоятельный, индивидуальный текст, но равноценный оригиналу, где нужно увидеть и отразить все заложенные в нем смыслы и интенции автора исходного материала [5, с. 72–73]. Именно с нарушением норм переводческой речи и связано появление языковой интерференции.

Первый уровень, где можно столкнуться с интерференцией – орфографический; это орфографические ошибки, совершаемые под влиянием норм орфографии и пунктуации исходного языка. Примером могут служить удвоение букв (*appeal, commission, business*), замена гласных (*lemon, engineer*) в переводимом языке по аналогии с английским исходным словом; написание ряда слов с заглавной буквы (*названия дней недели, месяцев, учреждений: May, Sunday, Belarusian State University*), написание слов через дефис (*anti-aging, cross-cultural*). Избежать ошибок в данном случае позволяют знания норм и правил правописания в русском языке, а также технические программные средства проверки орфографии.

Самыми популярными видами интерференции являются грамматическая и лексическая, степень выраженности которых напрямую зависит от уровня языковой подготовки студентов. Данным видам интерференции и способам работы с ними посвящено огромное количество работ, поэтому обратим внимание лишь на некоторые аспекты.

Грамматическая интерференция может проявляться сразу на нескольких уровнях: морфологическом, пунктуационном и синтаксическом. Грамматической интерференцией на морфологическом уровне могут служить нарушение управления слов/словосочетаний с предлогами, поскольку здесь наблюдается существенное различие между русским и английским языками. В качестве одного из примеров приведем конструкцию *subject to*, которая в текстах юридического характера имеет более десятка переводов и управляется как предлогами, причем разными (*от, при, на, с*), так и падежными окончаниями. На уровне пунктуации также наблюдаются существенные расхождения в правилах использования знаков препинания, где уже чаще возникают сложности не столько с постановкой знаков препинания, сколько с нарушением правильности понимания и перевода сложных предложений из-за невозможности верно установить причинно-следственные связи между членами предложения. Синтаксис, занимаясь изучением соединения слов и построением предложений, где синтаксические структуры являются своего рода способом логического выражения нашего мышления, значительно отличается в русском и английском языках [6, с. 35]. Зачастую в английских документах используется чрезвычайно сложный синтаксис: сложносочиненные предложения с многочисленными подчинениями и атрибутивными оборотами, и здесь уже появляется вероятность синтаксической интерференции, причем как на межъязыковом уровне, так и на внутриязыковом. Избежать ошибок на этом уровне

позволит высокий уровень знаний английской грамматики, обширный вокабуляр по теме переводимого материала, знания теории и владение навыками перевода, структурные различия русского и английского языков, а также хорошие аналитические данные.

Лексическая интерференция, как уже отмечалось выше, является одной из самых распространенных и самых частых причин переводческой ошибки. Лидерами являются «ложные друзья» переводчика – это пара слов в двух языках, похожих по написанию и/или произношению, часто с общим происхождением, но отличающихся в значении (*artist, magazine, conductor*). Самым важным и наиболее встречающимся случаем расхождения значений у слов этой категории является несовпадение их по предметно-логическому содержанию. Здесь можно выделить 3 типа таких расхождений. Первый тип – явление, когда русское слово совпадает с английским лишь в одном из возможных значений. Такое может произойти в том случае, когда английское слово было заимствовано в русский язык лишь в части своих значений (*meeting*). Второй тип – наличие у русского слова значения, которое отсутствует у его английского соответствия. Это случается, когда слово заимствовано в обоих языках из какого-то третьего языка (*auditorium*). И, наконец, третий тип расхождения: русские и английские слова, идентичные по форме, имеют различные значения, т. е. являются межъязыковыми омонимами (*intelligence*).

Лексическая интерференция приобретает угрожающие масштабы, как ни парадоксально, отчасти «благодаря» современным технологиям. Доступность информации, простота и скорость ее получения создает у студента иллюзию переоценки значимости многих теоретических основ переводческих дисциплин и игнорирование их при переводе. В процессе перевода текста слова вырываются из контекста, в большинстве своем переводятся в своем первом (что не всегда является верным) значении без учета жанрово-стилистических особенностей текста, значимость фоновых знаний и прагматического аспекта либо полностью отсутствует, либо присутствует в минимальном объеме. В этом случае нарушаются еще две очень важные нормы успешного перевода – прагматическая (отвечающая за создание коммуникативно равноценного текста) и конвенциональная (максимально уважительное отношение к тексту оригинала), что отрицательно сказывается на эквивалентности и качестве перевода.

Лексическая интерференция напрямую связана со стилистическими и лингвокультурологическими составляющими в процессе перевода текста. Стилистически неверно оформленное выражение или ошибки в переводе культурно-исторических реалий, как и употребление фраз и выражений вне верного контекста, вызовут только недоумение у читателя. Ошибки данного порядка могут появиться в силу, например, несовпадений переносных значений слов, а также десемантизации лексических единиц или недостаточного знания фразеологии как иностранного, так и родного (переводящего) языков. Зачастую перевод реалий требует от переводчика применения особых типов трансформаций (описательный перевод, компенсация, и т. д.). Следует помнить, что то, что уместно и даже приветствуется при переводе художественного текста, совершенного не подходит при переводе общественно-политического.

Для того, чтобы избежать подобных ошибок, необходимо не только запоминать и заучивать актуальную лексику наизусть, но и учитывать все факторы успешного перевода: лексика должна отрабатываться в контексте, особое внимание должно уделяться многозначности слов, в том числе и с терминологической лексикой, должно быть правильно организовано обучение студентов работе с современными электронными источниками (онлайн словарями и переводчиками) и нейросетями. Помимо этого, студент должен самостоятельно на постоянной основе повышать уровень своих знаний по общим предметам и темам, расширять свою кругозор, читать разноплановую и разножанровую литературу, составлять собственные тематические глоссарии.

Несомненно, процесс преодоления интерференции (языковой, межъязыковой, внутриязыковой) носит комплексный характер и требует тщательной и детальной проработки на каждом из этапов. Но даже выполнение этих простых рекомендаций и правил, с задействованием механизмов самоконтроля со стороны студента, уже позволит избежать многих ошибок в процессе переводческой деятельности и значительно снизить интерферирующее воздействие на качество перевода англоязычного материала.

Список использованной литературы

1. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх. // Новое в лингвистике. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 25–61.
2. Золотая, Е. Л. Внутряязыковая интерференция при изучении иностранных языков: источники и проявления (на материале английского языка) / Е. Л. Золотая // Научное мнение, 2023. – № 9. – С.141–146. – Режим доступа: DOI https://doi.org/10.25807/22224378_2023_9_141. – Дата доступа: 16.07.2024.
3. Алимов, В. В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): учебное пособие. / В. В. Алимов. – М. : КомКнига, 2011. – 232 с.
4. Максимова, О. Б. Межъязыковая интерференция у студентов-мультилингвов, изучающих английский как второй иностранный язык / О. Б. Максимова, А. А. Масликов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – Т. 10. – № 5. – Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/32PDMN522.pdf>. – Дата доступа: 16.07.2024.
5. Иванова, Д. Н. Межъязыковая интерференция как аспект достижения эквивалентности в учебном переводе / Д. Н. Иванова // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам: сборник научных статей. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021 г. – Вып.4. – С.72-77. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_53943780_48049447.pdf. – Дата доступа: 16.07.2024.
6. Гудкова, К. В. Грамматическая интерференция при переводе с английского языка на русский / К. В. Гудкова // Обучение переводу в неязыковом вузе: актуальные вопросы и современные тенденции. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. – С. 34–38. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_54780026_15237405.pdf. – Дата доступа: 26.08.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Вильданова Г. А.</i> Специфика англоязычных эвфемизмов, отображающих культурные реалии.....	3
<i>Михалькова Н. В.</i> Семантическая матрица иероглифических гнезд с детерминативами-фитонимами.....	5
<i>Петрова Е. Е.</i> Лингво-прагматические особенности англоязычного рекламного текста в сфере медицины.....	9
<i>Милюк С. Г.</i> Тематическая отнесенность идиоматических сложных существительных в английском языке.....	12
<i>Сяо И</i> Структурно-семантический анализ идеограмм китайской иероглифической письменности.....	16
<i>Тригубова Д. Л.</i> Каламбур в тэглайнах к художественным фильмам и модели его реализации.....	19

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Богатикова Л. И.</i> Коммуникативные стратегии убеждения в аспекте межкультурной коммуникации.....	23
<i>Солохина О. В.</i> Методы и формы формирования коммуникативной культуры средствами медиаобразования.....	26
<i>Цупикова Е. В., Мусагитова Г. Н.</i> Роль языковой картины мира в становлении научной картины мира переводчика.....	29

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

<i>Аверьянова В. В.</i> Специфика процесса обучения иностранному языку с преподавателем-носителем языка.....	35
<i>Авилкина И. Н.</i> Формирование навыков чтения нелинейных текстов на иностранном языке.....	38
<i>Акулич Ю. Е.</i> Использование письменных коммуникативных заданий для совершенствования грамматических навыков.....	41
<i>Гибкий П. В., Селезнева В. С.</i> Применение CALL-метода в ходе обучения китайскому языку (на примере использования мультимедийного лингафонного кабинета Линко V8.2 и Telegram-канала).....	44
<i>Лозовская Т. В.</i> Лексико-тематическая сетка как один из основных акцентов в обучении письменному переводу.....	48
<i>Тимошенко Н. П.</i> Третье склонение латинского существительного: сложности и пути их преодоления.....	50
<i>Чернякова Е. А.</i> Производственная переводческая практика как часть образовательного процесса.....	54

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Богемова О. В.</i> Директивные речевые акты в переводческом аспекте (на материале французского языка).....	57
<i>Кандаева Е. М., Кузьмина Е. К.</i> Особенности перевода неологизмов современного публицистического дискурса с применением корпусных технологий.....	61
<i>Остапенко Т. И.</i> Особенности перевода фразеологических единиц.....	63
<i>Островская С. Л.</i> Машинный перевод специализированных текстов.....	66
<i>Собко А. В.</i> К вопросу о переводимости имени.....	69
<i>Филимончик О. Н.</i> Межъязыковая интерференция при переводе англоязычных материалов.....	72

Научное электронное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПЕРЕВОДА**

Сборник научных статей

Подписано к использованию 11.11.2024.

Объем издания 1,75 МБ.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.

<http://conference.gsu.by>